

Научно-издательский центр «Академика»

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуски № 5—6 (40—41)

Сентябрь — октябрь

Ноябрь — декабрь

Москва
2012

Редколлегия журнала:

А.Л. Маршак, В.Ю. Минералов (врио главного редактора),
В.В. Сергеев (заместитель главного редактора), О.Н. Мамонова,
В.Н. Ксенофонтов, Е.В. Райская

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура: научный и социокультурный журнал // М. : НИЦ «Академика», 2012. — Вып. № 5—6 (40—41). — 155 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 19 февраля 2010 г. № 6/6 (уточненная редакция от 22.10.2010).

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

- Иванов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор
- Сергеев В. К.** Действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены Совета

- Андреев Э. М.** Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук
- Вдовиченко Л. Н.** Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ
- Викторов А. Ш.** Доктор социологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, член Творческого союза художников России
- Дмитриев А. В.** Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор
- Запесоцкий А. С.** Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
- Капто А. С.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН
- Кузнецов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, профессор, доктор социологических наук
- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матая Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Маркович Данило	Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия
Маршак А. Л.	Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации
Мионов А. В.	Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации
Нарбут Н. П.	Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
Петрусек Милослав	Доктор философии, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Карлова университета, почетный проректор и декан факультета социальных наук Карлова университета, вице-президент Чешского социологического общества, иностранный член Российской академии социальных наук, Прага, Чехия
Попов А. В.	Доктор социологических наук, профессор Южного Федерального Университета
Сосунова И. А.	Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
Федоряк Н. А.	Кандидат социологических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
Чупров В. И.	Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

МАРШАК А.Л.	Культура российского общества как потенциал неэкономического фактора модернизационных процессов / Culture of the Russian Society as a Potential of Non-economic Factor of Modernization Processes. 7
КСЕНОФОНТОВ В.Н.	Эстетическая культура и духовный мир воина / The warriors aesthetic culture and the inner life 20
АНИСИМОВА С.А.	Роль культурно-духовных традиций в развитии политического процесса в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / The role of cultural and moral traditions in the development of political process in the period of the Great Patriotic War (1941—1945) 26

СОЦИОЛОГИЯ

МИНЕРАЛОВ В.Ю.	Развитие общественной креативности — фактор роста социальной ответственности и общественного самоуправления / Development of public creativity — a factor of growth of social responsibility and public self-government 36
КУЗНЕЦОВА К.А.	Лидерство в организованных формах молодежного движения / Leaders in organized forms of youth movement 48

ЭКОНОМИКА

АЛЕКСАНДРОВА А.И.	Инновации как фактор социально-экономического развития / Innovations as the factor of social and economic development 53
СУСПИЦЫНА Г.Г.	Формирование методологического аппарата обеспечения эффективности управления учетом денежных потоков, направленных на обновление основных средств / Formation of the methodological device of ensuring management efficiency by the accounting of the cash flows allocated for updating of fixed funds 61

ПЛОТКИНА А.Р.	Теоретико-аналитические основы управления промышленным комплексом Дальнего Востока в современных условиях хозяйствования / The Teoretiko-analiticheskoy of the basis of management of the industrial complex of the Far East in modern conditions of managing	70
<i>ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ</i>		
СИДОРОВА-СЛЮСАРЕНКО Т.В.	Бидермайер: буржуазный стиль или высокая классика? / Biedermeier: «burgher» style or noble classics?	76
ДРАНИЦЫНА М.Н.	Поэтика иронии Андрея Белого / Poetics of irony of Andrei Bely	88
<i>АСПЕКТЫ</i>		
БАШАНАЕВА Г.Г.	Генезис взглядов отечественных психологов на проблему саногенного мышления / Genesis of views of domestic psychologists on a problem of sanogeny thinking	97
ДЖУРАБАЕВ Д.Х.	Формы феодального землевладения в Бухарском эмирате во второй половине XVIII в. / The Forms of Land Ownership in Bukharian Emirate (Kingdom) in the Second Half of XVIII Century	108
ИВАНОВА Е.А., КАЛУПЕТЕКА Э.	Роль знаков и символов в формировании имиджа Анголы / Role of signs and symbols in shaping the image of Angola	118
КОВАЛЕНКО А.В.	Использование мультимедийных технологий в обучении иностранному языку / The use of multimedia technology in foreign Language Teaching	125
ПЕТРАШКОВА Н.С.	Франция в контексте европейской идентичности / France in the context of European identity	130
ШЕЛЕСТ В.С.	Методы воздействия на общественное мнение и политическое сознание молодежи с помощью социальных сетей и сети «Интернет» / Methods of influencing public opinion and the political consciousness of young people through social networks and the Internet	138
ЕЖОВ Д.А.	Дискурс авторитарного и демократического в российском политическом проекте / Discourse of the authoritarian and the democratic in the political design of Russia	143

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*МАРШАК Аркадий Львович,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социологии РАН
marshak_al@mail.ru*

Культура российского общества как потенциал неэкономического фактора модернизационных процессов / Culture of the Russian Society as a Potential of Non-economic Factor of Modernization Processes

Аннотация

В статье рассматривается культура как потенциал неэкономического фактора модернизационных процессов на основе анализа современной социокультурной ситуации в России, раскрываются основы феномена современной культуры, при помощи которых осуществляется модернизация в России.

Ключевые слова

Культурная модернизация; нормы модернизации; экономизация культуры; продуктивность культуры в условиях рыночных отношений; уровни социологической парадигмы современной российской культуры.

Annotation

The article regards culture as a potential for non economic factors of modernisational processes on the basis of the analysis of the modern socio-cultural situation in Russia. It reveals basic phenomena of modern culture which helps to realize modernization in Russia.

Keywords

Cultural modernization; norms of modernization; economization of culture; productivity of culture under the conditions of market relations; levels of sociological paradigm of modern Russian culture.

Модернизационные процессы в российском обществе определяются сущностью нововведений прежде всего в области экономики и политики. Однако, как показывает анализ реальной ситуации, модернизация имеет существенную социокультурную составляющую. Отсюда, как нам представляется, понять сущность современной российской модернизации, содержание ее процессов без культурного потенциала не представляется возможным. Поэтому прежде всего следует остановиться на содержании современной российской культуры, ее характерных чертах и нынешнем состоянии. Для этого нужно проследить кратко те изменения, которые произошли в российском обществе в последнее время, ибо история России неразрывно связана с культурой российского общества.

В начале прошлого XX в. Россия претерпела глобальный катаклизм, выразившийся в развале государства, смене экономического и политического строя. Но самым серьезным последствием этих процессов было разрушение идейно-нравственной основы общества. Отказ от государственной идеологии привел к утрате морально-нравственных ценностей, к падению выработанных веками культурных устоев общества, к обезличиванию культуры.

Вхождение в глобализационные процессы только усугубляло происходящее, что способствовало возникновению «культурного шока». Меры государственного воздействия на исправление создавшейся ситуации были направлены прежде всего на выстраивание новой политической надстройки и реорганизацию экономики с позиций рыночных отношений. Вопросы культуры оставались долгое время на периферии государственных преобразований. Однако объективные потребности общества требовали усиленного внимания к социокультурному анализу происходящих изменений. Навязываемые частью правящей элиты либеральные ценности с их вседозволенностью и полной свободой при отсутствии духовного и культурного стержня отторгались большей частью общества. В этих условиях общественная культура самоорганизовывалась и выстраивала собственные приоритеты и организационные формы существования. Но происходило это

в современной России в особых условиях. Наша страна, как никакие общественные системы, самодостаточна. В России есть все для того, чтобы занять передовые позиции в современном цивилизованном обществе. Россия имеет серьезное самостоятельное значение как государство, как социальное сообщество, как культурный феномен. Вместе с тем Россия неотделима от общемировой цивилизации, является неоспоримой частью цивилизованного мира, и без российского контекста, особенно ее культуры, современный мир и миропорядок не могут восприниматься как нечто целое.

Однако российская культура, как и культура других стран мирового содружества, не перестает сохранять своеобразие. Эти своеобразные черты состояния российской культуры имеют свои объективные социокультурные основы. Первой из них является историческое наследие, связанное с геополитическим пространством, которое диктует историческую склонность к территориальному сепаратизму и к расколу в идейно-политических взглядах и концепциях. Российское общество традиционно, по существу с эпохи Петра I, делится на западников и славянофилов, привнося тем самым своеобразие и в формы государственной политики, и в культурную основу страны. Сама конструкция российской культуры дуалистична и включает в себя равно как достижения лучших образцов западноевропейской мысли, так и образцы азиатских форм культуры. В социокультурном плане это обеспечивало интеграцию реальных образцов культуры и способствовало формированию такого ее своеобразия, которое было неотделимо от государства и стояло на службе ее интересов.

XVIII—XIX вв., принешие шедевры в области литературы, театра, музыки, живописи, работа над созданием которых продолжилась и в советское время, вместе с тем принесли «раскол» в российскую культуру, выражающийся в том, что культура отстает от задач государственного строительства и не соответствует усложняющимся задачам общества. Все это в итоге порождает мультикультурализм в российском обществе.

Однако меняющаяся ситуация, особенно события последних 15 лет, привели к тому, что «раскол» способствует социально-культурному хаосу. Налицо социальная неоднородность общества, оно резко делится на бедных и богатых, «русских» и «нерусских», «левых» и «правых», «демократов» и «консерваторов», людей противостоящих вероисповеданий. Все это усложняется в условиях осуществляемого процесса модернизации, который по своей сути носит соци-

ально-культурный характер. Модернизация предполагает переход от традиционного общества к современному, и это определяет ее социокультурное содержание, в центре которого стоят человек и изменение типа его поведения и культурного состояния.

В этих условиях современная российская культура трансформируется и представляет следующие направления:

— наиболее ярко заявляет о себе в российской культуре слой так называемых традиционалистов. Это приверженцы ностальгирующего по культуре советского периода слоя населения, который включает в себя представителей почти всех социально-демографических групп жителей России. Наличие данного, традиционалистского направления в российской культуре не носит случайного характера, а есть результат пробуждения культурного самосознания российского народа и ответ на возрождение культурно-исторической памяти;

— другим культурным слоем, во многом противостоящим приверженцам традиционализма в культуре, являются носители либеральных взглядов. Российская культура дала миру плеяду замечательных мыслителей-либералов, которые сыграли очень важную роль в подрыве монархического мировоззрения в России и способствовали модернизации российского общественного сознания. Оставив заметный след в политике и культуре, но не имея серьезной социальной основы, либерализм изжил себя. Долгое время воскрешение этих идей в советский период было невозможно.

Новый импульс для возрождения либерализма как идейно-культурного течения дала перестройка. На первом этапе существования постсоветской России деятели либерального толка захватили главенствующие посты в государстве Российском. Властный курс позволил им сформировать не только управленческие структуры, но и оказать влияние на культуру. Проведя шоковую реформу, создав экономику рынка, они выдвинули идею коммерциализации духовной жизни и культуры. Тем самым был нарушен главный закон культурного развития — монетизация не должна затрагивать культуру, ее учреждения и уж тем более не может быть, как считают либералы, конечным результатом культуры. Вся история культуры говорит о том, что магистральный путь ее развития связан с творчеством, а не с торгашеским подходом. В этом заложено основное противоречие либеральной культуры. На месте человеческой нравственности и гуманизма появляется «мораль профессионала», где каждый сам по себе. Таким принципам античеловечности и антигуманизма больше

всего соответствует массовая культура. Приверженцами этих массовых развлечений и являются носители либеральной культуры. Она сегодня охватила часть населения и постепенно формирует свою собственную социальную базу. Разумеется, новая либеральная культура по своему содержанию неоднородна, равно как и неоднороден либеральный слой нашего общества;

— еще одним культурным течением, все активнее проявляющимся в идейно-политической и духовной жизни общества, является консерватизм. Консервативное направление в культуре есть ответ на распад традиционной национальной культуры, на наметившийся разрыв между культурным идеалом, сложившимся на протяжении многовековой российской истории, и тем уровнем культуры, который стал обыденным в условиях либерально-демократических преобразований. Если охарактеризовать этот тип культуры, то он противостоит модернизации в современной ее интерпретации, призывает к сохранению традиционно-архаической компоненты российского сознания;

— в современной российской культуре особое место занимает религиозная культура. Ее роль в формировании мультикультурализма в современной России весьма значима. Она весома как по содержанию, ибо является частью культурно-исторического процесса, так и по распространению, что определяется поликонфессиональным состоянием российского общества.

Эти четыре культурных слоя, являясь главными и во многом определяющими культурную модернизацию современного российского государства, не охватывают всех сторон нашей культуры. Имеется определенное число так называемых субкультур, которые чрезвычайно подвижны, могут быстро возникать и также быстро исчезать. Но не учитывать их нельзя, поскольку они дают представление о полноте поликультурного развития российского общества. Кроме того, на отдельных этапах исторического развития проявляются культурные крайности, что сегодня видно на примере этнического национализма.

Вместе с тем, оценивая культурное состояние нашего общества, нужно учитывать, что наш человек традиционен и тянется к традиционным образцам культуры. По данным исследования ВЦИОМ, одним из главных предметов гордости населения России являются отечественная культура и искусство. Так считают 75% опрошенных. Такова сегодняшняя реальность, и из этого надо исходить, намечая модернизационный путь российского общества. Для России куль-

тура есть выражение национальной энергии, без которой не может существовать сама российская государственность.

Рассматривая культуру в качестве модернизационного потенциала для российского общества, мы коснемся наиболее существенных сторон социокультурного развития. Культура в жизни общества занимает все большее место. Возрастает ее значение как регулятора деятельности социальных институтов, как основы формирования потребности людей, как феномена идентификации личных и общественных интересов. Выше было показано, что современная российская культура характеризуется мультикультурализмом, откуда проистекает ее многофункциональность. В этой связи, чтобы полнее представить роль культуры в модернизационных процессах, предпочтительно говорить не просто о сфере культуры, а о культурно-духовной сфере общества. Хотя такое разделение общественных сфер достаточно условно, оно в то же время позволяет адекватно представить реальное состояние социокультурных уровней жизнедеятельности.

Отдавая должное культурологическому подходу в изучении культуры как модернизационного потенциала, мы остановимся на социологическом анализе социокультурного феномена. Этот подход дает возможность более полного сочетания теоретико-прикладного исследования, где изучается процесс функционирования культуры в обществе через познание всех социальных сторон жизни, социальных институтов и определенных ценностно-нормативных условий вхождения человека в культурную сферу, а также наиболее полно представить предметное содержание двух основных институтов общества — культуры и духовной жизни.

В социологическом изучении культуры мы исходим из понимания этого феномена как способа определенного творчества, творческой деятельности человека, овеянной в культурных ценностях и духовности человека. В социологическом плане духовная жизнь, как и ее главная составляющая — культура, характеризуется присущими ей социальными институтами, связанными с удовлетворением духовных потребностей, с формированием культурного сознания, с отношениями между людьми в процессе духовного производства и общения по поводу культуры.

Социологический подход к духовно-культурной сфере определяют, по крайней мере, три обстоятельства:

— культура является мерой общественного прогресса. Следовательно, состояние культуры и духовной жизни есть состояние обще-

ства, которое проявляется через показатели культуры, измеряемые социологическими методами;

— культурно-духовная жизнь воплощает гуманистические цели развития общества, отражает состояние цивилизованного содержания общественных отношений, что также изучается социологически;

— наличие определенной технологии превращения богатств человеческой истории во внутреннее достояние личности. Через анализ культурно-духовных ценностей определяется культурная социализация, что также является социологической проблемой.

Среди различных факторов культурно-духовной сферы, имеющих модернизационное значение, мы остановимся лишь на наиболее практически значимых для сегодняшнего периода. Для модернизационных процессов имеет большое значение анализ функционирования культуры в обществе, прежде всего с точки зрения культурного развития различных социальных групп. В связи с этим на модернизацию оказывает существенное влияние культура как макрогруппы, так и микрогруппы. Под первым мы понимаем влияние социальных групп, охватывающих перечисленные выше направления культуры, под вторым — социально-демографические, профессиональные, этнические субкультуры, а также виды антикультуры, в том числе различного девиантного поведения.

Очевидно, что наибольший интерес для понимания роли культуры в модернизационных процессах будет иметь рассмотрение деятельности учреждений культуры, средств массовой информации, различные формы досуговой деятельности.

Существенную роль в модернизации в настоящее время играет полифункциональное представление о культуре. Среди важнейших функций культуры, имеющих влияние на модернизацию, назовем следующие:

во-первых, культура позволяет модернизировать устоявшиеся формы творчества, способствует разработке новых направлений в науке, благоприятствует инновационным открытиям, в целом — развитию познания, освоению и преобразованию мира. Культура благоприятно влияет на окультуривание новых земель, развитие средств связи, что в свою очередь модернизирует материальные условия жизни (пища, одежда, жилье). Однако это носит не только позитивный характер, но и может иметь негативные последствия, такие как экспансия природы, подрыв привычных культурных связей, проявление религиозного фанатизма. Модернизация культуры в последнее время

отрицательно проявляется через создание и распространение образцов массовой культуры и средств массмедиа;

во-вторых, культурная модернизация реализуется в труде, отдыхе, продолжении рода. Особое место здесь занимает речевой канал коммуникации как выражение определенного уровня модернизационной культуры. Первостепенное значение для этого вида модернизационных процессов имеют развитие и совершенствование русского языка. Русский язык приобретает сегодня важную форму модернизации, через которую совершенствуется язык различных профессий, речевой канал политиков, молодежных связей;

в-третьих, особенностью модернизационных процессов, происходящих сегодня в России, является то, что они проходят в условиях глобального накопления и хранения информации. В современном социокультурном пространстве наличествует множество различных информационных потоков. В этой связи культурная модернизация должна способствовать обновлению устной и письменной речи, радио- и телекоммуникаций, распространению социального опыта, нравственных и религиозных установок. Условия информационного взрыва, который переживает современное российское общество, с одной стороны, глобализирует эти процессы, а с другой стороны, создает дополнительные условия для модернизационных рисков;

в-четвертых, культура позволяет формировать регулятивные и нормативные условия модернизации. Именно культура поддерживает устойчивость традиций, позволяет эффективно соотносить модернизационную теорию с конкретными действиями, координирует различные виды и типы модернизационного потенциала общества. При помощи культуры вырабатываются нормы модернизации (технические, моральные, эстетические, природно-климатические или экологические), которые обеспечивают субъективные и объективные условия жизнедеятельности;

в-пятых, культура освобождает процесс модернизации от эмоциональной напряженности. Особую роль здесь играют виды художественной культуры: театр, кино, литература, живопись, музыка, средства массовой информации. Эта гедонистическая составляющая серьезно проявляется при проведении различных видов досуговой деятельности. При этом особых модернизационных усилий требует решение вопроса экономизации культуры и ее продуктивности в условиях рыночных отношений;

в-шестых, осуществление модернизации в настоящих условиях, учет социокультурного содержания модернизационных процессов формируют задачу создания эффективных механизмов защиты этих процессов. Культурная безопасность может реализовываться через продукты материальной культуры (медицинские препараты, одежду, обувь, оружие, средства химической защиты) и через духовную культуру: модернизированный досуг, адекватная музыка, живопись, технический дизайн и т.п. В последнее время, когда мы оказываемся в обществе риска, культурная безопасность занимает все более приоритетное место в модернизационных процессах.

Используя культуру как неэкономический фактор модернизационного потенциала российского общества, нужно иметь в виду, что социологическая парадигма этого явления предполагает выделение ряда уровней: концептуальный (методология исследования), эмпирический (конкретно-социологическое состояние сферы культуры) и прикладной (управление, экономика, организация учреждений культуры).

Концептуальный уровень характеризуется прежде всего объективной сложностью содержания и многофункциональностью культуры как социосистемы. Опираясь на социологию культуры, мы можем применять при модернизации научно разработанные нормативные, ценностные, коммуникативные и регулятивные аспекты социокультурной деятельности и, таким образом, использовать целую систему специфических закономерностей функционирования культуры. В соответствии с этим возможна модернизация образа жизни, образования, науки, средств массовой информации, национальных отношений и даже религиозных воззрений. Разумеется, что это связано с модернизацией категориального аппарата и научного языка социологии культуры, что в свою очередь учитывает социальный опыт культуры и модернизацию процессов культурной самоидентификации общества.

Концептуальная конструкция и методологическое содержание социокультурной модификации во многом определяются через эмпирическое содержание культуры как общественного института. Социологические исследования позволяют установить спектр эмпирических показателей и эмпирического уровня осуществления модернизации при помощи культурной деятельности. Упор на эмпирику дает возможность определить содержание социокультурной системы того или иного института культурно-духовной сферы, раскрыть моральные ценности, эстетические нормы и параметры культурного поведения

личности, необходимые для успешного проведения модернизации.

Это позволяет, в свою очередь, выйти на решение модернизационных задач прикладного характера, дать действенные конкретные предложения по совершенствованию общества, определить приоритеты в удовлетворении культурных интересов общества и личности в условиях модернизации.

Проведенный нами многолетний социологический анализ духовно-культурной сферы российского общества, соотнесение его результатов с задачами модернизации позволяют сформулировать приоритетные направления исследовательской программы измерения культуры как модернизационного потенциала.

На концептуальном уровне это:

- определение социологической операциональной модели духовности как социокультурного феномена;
- выявление уровня соотношения экономических и социальных (неэкономических) констант культурного модернизационного потенциала;
- описание основных законов генезиса и развития социокультурной сферы российского общества в новейшее время;
- разработка типологической модели и классификатора российской общенациональной культуры как модернизационного потенциала общества;
- индексирование социально-экономических и социально-культурных показателей духовности, их позиционирование с точки зрения возможностей для модернизации общества;
- обоснование личностных характеристик (описание социальных портретов) участников модернизационных процессов;
- анализ основных тенденций социально-демографических влияний на роль неэкономических факторов как основы институализации модернизационных инноваций в современном культурном строительстве;
- разработка культурного менеджмента, организационно- и информационно-обучающих систем для использования модернизационного потенциала общества.

На эмпирическом (исследовательском) уровне это:

- анализ субъектного поля социокультурной модернизации, изучение его социально-демографической структуры и системы поколенческих отношений;
- определение социальных индикаторов, характеризующих

модернизационный процесс взаимодействия личности и общества: предприимчивость, коммуникабельность, интеллектуальность, профессиональная компетентность, работоспособность, самостоятельность, настойчивость, находчивость и т.п.;

— выявление моральных и нравственных ценностей как основы социокультурного содержания модернизации: этические нормы, ценности и качества личности, нравственная культура поведения, корпоративная культура, состояние конфликта и риска в сотрудничестве или в конфронтации;

— классификационная характеристика управленческих позиций в учреждениях культуры, осуществляющих управленческую иерархию.

На прикладном уровне это:

- изучение общественного мнения, оценка модернизационных процессов с помощью культуры;
- исследование типологии социокультурного, его социальных корней, групп населения, представляющих социальную структуру работников (создателей) и потребителей модернизированных образцов культуры и искусства;
- рассмотрение системы социальных связей различных групп населения, задействованных в культурно-духовной модернизации, определение субъектно-объектных отношений производителей и потребителей различных форм культурных учреждений и их модернизационной деятельности. Особое место должно отводиться изучению тех форм культуры, которые, в первую очередь, модернизируются. Это — характер творческого труда, профессиограмма культурно-просветительной и художественной специальностей, характеристика потребителей продуктов художественного творчества, в том числе различного рода услуг и сервиса — от шоу-бизнеса, театра, кино, телевидения до спортивно-оздоровительных услуг и массовых зрелищ. Это направление приобретает особое значение в силу того, что в последнее время все более самостоятельным становится сервис как отдельный вид социокультурных услуг и удовлетворения потребительского спроса;

— в связи с определением модернизационного потенциала на прикладном уровне необходимо произвести обоснование принципов подготовки кадров, анализ состояния государственной политики в области специфики образования для сфер культуры и искусства;

— модернизационный потенциал культуры требует осуществления социокультурного анализа корпоративных методов руководства

в духовной сфере, построения показателей культуры управления, определения тенденций динамики изменений культуры лидерства, вопросов поколенческой преемственности в управлении учреждениями культуры и искусства;

— важным элементом прикладного изучения культурно-духовной сферы как фактора модернизационного потенциала является правильное определение конечной цели этого вида социальной деятельности. Это, в свою очередь, связано с разработкой обстоятельного прогноза культуры. Очевидно, что без прогноза нельзя не только правильно выстроить процесс культурного развития общества, определить его социокультурный облик, но и обстоятельно представить модернизационный потенциал российской культуры.

Происходящая в российском обществе модернизация, ее успех связаны в значительной степени с учетом роли неэкономических факторов. В условиях приоритетов гуманистического, человеческого начала именно культуре принадлежит значительная роль в этих процессах. Развитие общества, его культурно-цивилизационное состояние убедительно свидетельствуют об образовании некой социально-культурной системы, где значимы культурный ресурс, духовное состояние общества. Модернизационные процессы охватывают не только всю систему общественных отношений, но и отдельные ее части. Возникает качественно новое состояние общества и социальных связей, где культурный потенциал воспринимается на уровне расширенного воспроизводства культуры.

Перечисленные направления роли культуры в использовании модернизационного потенциала российского общества имеют в настоящее время первостепенное значение для осуществления модернизации. Без культурного анализа общества, процесса функционирования культуры в обществе как важнейших условий познания всех социокультурных сторон жизни невозможно правильно и адекватно проводить саму модернизацию. Выстраивая модернизационную парадигму, нужно учитывать не только экономические факторы, но и четко определить роль неэкономических составляющих этого процесса. Разумеется, что среди неэкономических факторов сегодня все большую роль играет культура. При этом надо отметить, что гуманистический характер модернизационных процессов в российском обществе делает культуру приоритетной в использовании модернизационного потенциала. Духовная составляющая общества в целом и его членов в частности оказывает существенное влияние

на процессы модернизации. Только человек определенной культуры, имеющий духовный стержень, может с успехом решать задачи модернизации. Цивилизационное состояние общества и его членов, основанные на современной культуре, способствуют эффективному решению модернизации общества. В условиях глобализации, когда культурное состояние социума находится в постоянной взаимосвязи, когда культурные образы и явления взаимопроникают и отражают мультикультурализм, нужно особо внимательно относиться к чистоте социокультурного процесса. Рассматривая культуру как модернизационный потенциал, необходимо опираться на те образы культуры, которые традиционны для российского общества и в которых находят отражение исторически обоснованные морально-нравственные устои российского человека. Это одно из важных требований возможного использования культуры как модернизационного потенциала. В этой связи процессы, которые происходят в культуре, требуют всестороннего социального осмысления. Анализ реального состояния общества, его духовной и культурной жизни, использование результатов социологического осмысления этих процессов позволяют надеяться на успешное решение задач модернизации как неперемennого условия дальнейшего развития современного российского государства.

Библиография

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (Опыт социологической диагностики). М. : Новый хронограф, 2011. 672 с.
2. Добренев В.И. Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии. М. : Академический проект, 2011. 565 с.
3. Маршак А.Л. Культура: социологические смыслы и социальные реалии. Предисловие академика РАН М.К. Горшкова. М. : НИЦ «Академика», 2013.
4. Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2007.
5. Двадцать лет реформ глазами россиян. Опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М. : Весь мир, 2011.

*КСЕНОФОНТОВ Владимир Николаевич,
доктор философских наук, профессор,
РАНХиГС при Президенте РФ,
академик, РАСН
vnksenofontov@mail.ru*

Эстетическая культура и духовный мир воина / The warriors aesthetic culture and the inner life

Аннотация

В статье рассматривается деятельность философа Сафронова Б.В. как ученого и педагога.

Ключевые слова

Искусство; образ; культура; философ; литература; профессор; художественный; нравственность; ученый; аксиологический; идея; учитель.

Annotation

This article reviews the activities of the philosopher Safronov B.V. as a scientist and educator.

Keywords

Art; image; culture; philosopher; literature; professor; artistic; moral; learned; axiological; idea; teacher.

С таким названием в читальном зале Культурного центра Вооруженных сил РФ прошел литературный вечер. Он был посвящен памяти известного военного философа, доктора философских наук, профессора, полковника Сафронова Бориса Владимировича (85 лет со дня рождения).

Своими воспоминаниями об известном ученом, новаторе-

педагоге, заботливым наставнике поделились его коллеги, педагоги, а также его ученики, с которыми он длительное время работал на кафедре философии Военно-политической академии, ныне Военного университета.

Вступительным словом вечер открыл член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», известный писатель Иванов В.Н. Он отметил, что профессор Сафронов Б.В., проходя службу в Военно-политической академии, проявил себя как серьезный и глубокий философ-исследователь. Его научные труды в области эстетики отличались смелостью постановки и решения новых проблем, оказали заметное влияние на формирование эстетического сознания советских воинов. «Как о товарище и коллеге Борисе Владимировиче, — подчеркнул В.Н. Иванов, — скажу одно: он был философом от Бога». Известный ученый, характеризуя профессиональную деятельность Сафронова Б.В., обратил внимание на его вклад в развитие эстетики. При этом член-корреспондент РАН Иванов В.Н. отметил глубокий анализ философом категориального аппарата эстетики: прекрасного, возвышенного, героического. «В наше время, — подчеркнул Иванов, — когда нередко такие категории искажаются и подменяются, творческое наследие профессора Сафронова Бориса Владимировича в данной сфере требует бережного развития и внимательного изучения».

В выступлении Ксенофонтова В.Н., доктора философских наук, профессора РАНХиГС при Президенте РФ, было обращено внимание на личность профессора Сафронова Б.В. как педагога и ученого. Выступающий отметил, что, являясь слушателем, а затем адъюнктом кафедры философии ВПА, он с большим вниманием и интересом относился к занятиям по философии, проводимым Б.В. Сафроновым. «Для его лекций, — отметил Ксенофонтов В.Н., — было характерно не только глубокое знание предмета, но и мастерское применение в них выразительных средств искусства». Выступающий сказал, что монография профессора Б.В. Сафронова «Искусство и духовный мир советского воина» внесла значительный вклад в развитие философии культуры, обогатила читателей идеями о гносеологических и аксиологических компонентах нравственно-эстетического идеала. Заслуга в этой важной области эстетики Бориса Владимировича, подчеркнул выступающий, заключается в двух актуальных аспектах. Во-первых, он глубоко проанализировал природу конкретно-

чувственного компонента художественного образа, выраженного в эстетическом идеале искусства. Такowymi, по взглядам профессора Сафронова Б.В., являются, например, образы З. Космодемьянской, А. Маресьева, Серпилина. И, во-вторых, ученый рассмотрел аксиологический аспект природы эстетического идеала, выраженного в синтетическом компоненте — идее-образе. Он особенно четко осознавался воинами Красной Армии при защите Родины в годы Великой Отечественной войны.

Наряду с этими важными направлениями эстетики ученого-новатора Сафронова Б.В. выступающий обратил внимание на его вклад в трактовку природы эстетического. Ксенофонов В.Н. сказал: «Знаменитый тезис нашего старшего учителя о природе эстетического звучит так: „Эстетическое вне человека — да, без человека — нет“». «В этих словах, — заметил выступающий, — содержатся положения о диалектике объективного и субъективного в осмыслении эстетического как феномена».

В выступлении Ражнева Г.В., кандидата философских наук, доцента, было обращено особое внимание на качества Сафронова Б.В. как научного руководителя. В частности, выступающий отметил: «Работая ныне в г. Смоленске в Военной академии, я до сих пор с благодарностью вспоминаю отеческую заботу Бориса Владимировича обо мне как адъюнкте, его советы, рекомендации и неоценимую помощь в подготовке моей диссертации. Он был и остается для меня образцом педагога и научного руководителя». Выступающий также подчеркнул, что работа под руководством профессора Сафронова обогатила его приемами и навыками анализа философских источников, их классификации, научила взвешенному подходу к научной деятельности.

Выступающий Ремизов В.А., доктор культурологии, профессор, член Союза писателей РФ, профессор МГУКИ, полковник в отставке, дал развернутую характеристику педагогическому мастерству Сафронова Б.В. и его научному эстетическому потенциалу. Он, отмечая вклад профессора Сафронова в науку, заметил, что труды такого ученого в области категорий эстетики и понимании философии духовного мира воина востребованы и в XXI в. Ремизов В.А., развивая эти положения, в своем выступлении обратил особое внимание на то, что в ходе лекционных занятий профессор Сафронов Б.В. показывал образцы критического, аргументированного подхода к негативным процессам и явлениям в духовной жизни как в нашей стране, так и

странах Западной Европы. Вместе с тем, как сказал Ремизов в своем выступлении, нельзя забывать, что именно профессор Сафронов Б.В. внес значительный вклад в содержание трех элементов духовного мира личности воина: эмоционально-чувственный, рациональный, волевой. «В настоящее время, — заключил Ремизов, — я в своих культурологических трудах стараюсь развивать эти положения моего учителя».

Слесарев Н.А., кандидат философских наук, доцент РОАТ МИИТ, в выступлении отметил высокий уровень философской культуры профессора Сафронова Б.В. Он, в частности, сказал: «Я длительное время как молодой преподаватель кафедры философии изучал опыт профессора, полковника Сафронова Б.В. и хочу сказать, что его занятия отличались глубоким и всесторонним анализом актуальных проблем, свободным владением излагаемого материала, аргументацией выдвигаемых положений». Выступающий с благодарностью отметил, что занятия по философии и эстетике, проводимые Борисом Владимировичем, а также его научные работы в сфере искусства помогли ему в работе заместителя директора МХАТ им. А.М. Горького. Слесарев Н.А. заметил, что в общении с известными актерами и постановщиками спектаклей для него эстетические идеи Б.В. Сафронова были надежным мировоззренческим ориентиром. «Для его трудов, — сказал он, — характерен высокий уровень эстетической культуры».

Радугин В.М., кандидат философских наук, вспоминая о своем научном руководителе — Сафронове Б.В., подчеркнул следующее: «Я служил в Ансамбле имени А.В. Александрова. И мне было непросто написать диссертацию по философии. Помощь и забота Бориса Владимировича для меня — неоценимы. Я ему очень благодарен как учителю-наставнику». Выступающий, развивая свои положения, охарактеризовал своего научного руководителя как внимательного наставника, который тщательно редактировал материалы кандидатской диссертации и добавлял в нее свои замечательные положения. «Этим самым, — заметил Радугин В.М., — он оказывал мне как соискателю значительную практическую помощь». «Хочу также отметить, — сказал он, — что Сафронов Б.В. был блестящим оратором, мастером выступления перед аудиторией».

Выступающий, кандидат экономических наук, профессор, полковник в отставке Харитонов Д.Я., профессор Военного универ-

ситета, отметил педагогические качества профессора Сафронова Б.В. При этом он сказал: «Работая с аудиторией на педагогическом факультете в 60—70-е гг. XX в., Сафронов Б.В. использовал многообразный арсенал педагогических приемов выразительных и технических средств. При этом они творчески сочетались с глубокими научными положениями. К сожалению, такого сплава ныне явно недостает в современном педагогическом процессе». «Вся система педагогического мастерства этого педагога, — подчеркнул далее Харитонов Д.Я., — побуждала слушателей к размышлениям об услышанном, способствовала наращиванию элементов творческого подхода в обучении, формировала верные нравственные жизненные ориентиры. И забывать об этом в современном процессе противоречивого, а нередко и негативного характера протекания реформы образования в стране нельзя».

В выступлении Петрия П.В., доктора философских наук, профессора, начальника кафедры философии и религиоведения Военного университета, было отмечено, что от ветеранов кафедры он узнал много нового и содержательного о деятельности профессора Сафронова Б.В. «Этот огромный арсенал научного и педагогического характера нашего старшего товарища, — подчеркнул он, — кафедра будет использовать в своей работе с курсантами и слушателями университета». Выступающий обратил внимание всех присутствующих на то обстоятельство, что в современном процессе обучения курсантов, к сожалению, отсутствуют такие важные дисциплины, как эстетика и этика. Такое состояние в учебно-воспитательном процессе, считает он, ведет к обеднению гуманитарного знания. «Однако мы, — подчеркнул профессор Петрий П.В., — будем приглашать учеников Сафронова Б.В. для восполнения такого пробела в учебной практике».

Затем выступили дочери профессора Сафронова Б.В. Так, Н.Б. Сафронова, кандидат технических наук, доцент, заместитель декана факультета экономики недвижимости РАНХиГС при Президенте РФ, отметила заботливость Бориса Владимировича как отца об учебе и духовном росте дочерей, оказании помощи в изучении философии. Она выразила благодарность за теплые и интересные воспоминания преподавателей об отце. Наряду с этим Сафронова Н.Б. выразила благодарность и признательность руководству Культурного центра Вооруженных сил РФ и работникам читального зала за представленную выставку трудов ее отца и возможность проведения такого мероприятия.

Сафронова О.Б., младшая дочь ученого, заместитель директора школы № 875 г. Москвы, поблагодарила коллег и учеников своего отца за память о нем как ученом и педагоге. Она также отметила необходимость преемственности философских идей, развитых в свое время ее отцом, в современном процессе обучения и воспитания курсантов Военного университета.

Библиография

1. Сафронов Б.В. Защита социалистического Отечества и нравственно-эстетический идеал. М. : Изд-во ВПА, 1981.
2. Сафронов Б.В. Искусство и духовный мир советского воина. М. : Военно-политическая академия имени Ленина, 1974. 168 с.
3. Сафронов Б.В. Эстетическое сознание и духовный мир личности. М. : Знание, 1984. 96 с.

*АНИСИМОВА Светлана Александровна,
кандидат политических наук, доцент,
Институт переподготовки и повышения
квалификации руководящих кадров
и специалистов системы социальной защиты
населения города Москвы
(ИПК ДСЗН г. Москвы)
anislana2009@mail.ru*

**Роль культурно-духовных традиций в развитии
политического процесса в период Великой
Отечественной войны (1941—1945 гг.) /
The role of cultural and moral traditions in the
development of political process in the period
of the Great Patriotic War (1941—1945)**

Аннотация

В статье представлено авторское исследование развития политического процесса Советского государства в период Великой Отечественной войны, роли политической сплоченности народа, власти, Русской Православной Церкви, иных традиционных конфессий в аспекте развития культурно-духовных традиций.

Анализируя развитие политического процесса, автор обращает внимание, что важнейшим условием его развития в условиях войны стали политическая сплоченность общества и государства, укрепление, возрождение культурно-духовных традиций России. Сохранение и развитие культурно-духовных традиций относятся к вопросам национальной безопасности государства, позволяют укрепить его суверенитет, обеспечить самоидентичность, будущее развитие в глобальном мире. Придание же забвению культурно-духовных традиций ведет к кризису политического процесса, разрушению государства, поглощению его глобальным миром. Развитие

политического процесса в период Великой Отечественной войны является наглядным тому подтверждением.

Ключевые слова

Культурно-духовные традиции — традиции в области культуры и духовности (вера, патриотизм, духовно-нравственное воспитание, национальные ценности, благотворительность, русский язык, история, литература, искусство, театр, кинематограф, музыка, театр и др.), составляющие важнейшую основу политического процесса государства, позволяющие сохранить самоидентичность, независимость, способствующие национальной безопасности России. Политическая сплоченность — это единство общества и государства, обеспечение социального, национального, религиозного согласия, основанного на базисных ценностях, стратегических целях и приоритетах государства.

Annotation

The article presents the author's research of development of political process in the Soviet state, the role of political unity of people, the government, Russian Orthodox Church, other traditional faiths in the aspect of development of cultural and moral traditions.

The author analyzes the development of political process and comes to an end that political unity of the society and the state, strengthening, revival of cultural and moral traditions of Russia have become the most important precondition during the War period.

Preservation and development of cultural and moral traditions refer to national security issues, allow to strengthen its sovereignty, to provide self-identity, future development in the global world. Giving to oblivion cultural and moral traditions results in political process crisis, state destruction, absorption by the global world. And the development of political process in the period of the Great Patriotic War proves this fact.

Keywords

Cultural-moral traditions are traditions in the field of culture and spirituality (belief, patriotism, spiritually-moral education, national values, charity, Russian language, history, the literature, art, theater, cinema, music, theater, etc.), making the major basis of political process of the state, allowing to keep self-identity, the independence to promote national safety of Russia.

Political unity is a unity of society and the state, providing the social, national, religious consent based on values, strategic and state priorities.

Политическая история России, международный опыт свидетельствуют, что развитие и стабилизация политического процесса государства во многом зависят от политической сплоченности общества, сохранения и развития культурно-духовных традиций народов и народностей, проживающих на его территории. Политическая разобщенность общества, непонимание стратегических задач, национальных интересов государства, предание забвению культурно-духовных традиций ведут к разрушению государства, поглощению его глобальным миром.

Культурно-духовные традиции — традиции в области культуры и духовности (вера, патриотизм, духовно-нравственное воспитание, национальные ценности, благотворительность, русский язык, история, литература, искусство, театр, кинематограф, музыка, театр и др.), составляющие важнейшую основу политического процесса государства, позволяющие сохранить самоидентичность, независимость, способствующие национальной безопасности России.

В конце 30-х гг. развитие политического процесса страны социализма оказалось перед внешнеполитической угрозой, связанной со стремлением западных держав и Японии к новому переделу мира. В этих условиях Сталин вынужден был пойти на ряд непопулярных решений: подписание 23 августа 1939 г. пакта о ненападении между СССР и Германией, секретного Протокола о разграничении сфер влияния в отношении Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, Бессарабии; заключение 27—28 сентября 1939 г. договора о дружбе и границе с Германией (по «линии Керзона», часть территории Литвы включалась в сферу интересов СССР, часть территории Польши — Германии), что позволило отторгнуть у Польши территории Западной Украины, Западной Белоруссии (законодательно закреплено в ноябре 1939 г.), добиться в августе 1940 г. присоединения Латвии, Литвы, Эстонии. В результате войны с Финляндией (1939—1940 гг., по договору от 12 марта 1940 г. к СССР отошел Карельский перешеек с Выборгом, Выборгским заливом, часть территории Карелии, побережья Ледовитого океана) была создана Карело-Финская Союзная Республика.

Подобные решения и действия сталинского правительства вызвали, с одной стороны, протесты на Западе, подорвали авторитет Сталина как борца за мир, справедливость, а с другой — оттянули

вступление СССР в войну, подорвали доверие Японии к Германии, позволили СССР избежать войны на два фронта, расширить западные границы.

С целью укрепления политического процесса, национальной безопасности СССР в условиях наращивания военного противостояния правительство вынуждено было принять следующие меры: увеличение военной части бюджета (43,4%, строительство военно-промышленных предприятий на востоке страны, увеличение производства, разработка новых самолетов, танков — Т-34, реактивной артиллерии — БМ-13, переход на 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю); принятие закона «О всеобщей воинской обязанности» (1939 г.), который устанавливал кадровый принцип построения армии, понизил призывной возраст до 18 лет, увеличил срок военной службы до 5 лет, продлил срок состояния в запасе (до 50 лет), что позволило сформировать 125 новых дивизий; возвращение в армию репрессированных военачальников.

К сожалению, несмотря на предпринятые действия по усилению политического процесса, к 22 июня 1941 г. не удалось завершить перевооружение армии, разработать и утвердить оперативный и мобилизационный планы¹.

Однако и молниеносный план Гитлера по захвату СССР не был реализован. В первые дни войны руководство СССР приняло ряд мер по усилению обороноспособности государства: объявлена всеобщая мобилизация; созданы Ставка Главного Командования Вооруженных сил СССР, Государственный Комитет Обороны (ГКО) — чрезвычайный высший государственный орган во главе со Сталиным, сосредоточивший всю полноту власти в стране; принята секретная директива от 29 июня 1941 г., предписывающая отстаивать каждую пядь земли, при отступлении все уничтожать, на оккупированной территории создавать партизанские отряды, диверсионные группы; Указ ГКО от 25 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» устанавливал 11-часовой рабочий день, вводил сверхработы, отменял отпуска; введение с осени 1941 г. карточной системы; перемещение на восток 1500 промышленных предприятий; эвакуация театров, музеев, вузов, библиотек, НИИ (отправлено более

¹ План «Барбаросса» был утвержден Гитлером 18 декабря 1940 г. в директиве № 21 как молниеносный разгром СССР, предусматривал нападение на СССР в апреле 1941 г. до окончания войны с Англией. Был перенесен в связи с событиями на Балканах.

10 миллионов человек). К осени 1942 г. удалось осуществить перестройку экономики на военный лад¹.

Сопrotивление советских войск зимой 1941—1942 гг., оборона Ленинграда, освобождение ряда территорий предотвратили вступление в войну Турции и Японии на стороне Германии. Огромный удар по фашистам был нанесен в ходе Сталинградской битвы, закончившейся подписанием 2 февраля 1943 г. акта о капитуляции генералом-фельдмаршалом Паулюсом; Курской битвы летом 1943 г., закрепившей перелом, произошедший в ходе войны; освобождения 6 ноября 1943 г. города Киева; партизанской борьбы в тылу врага; самоотверженной работы людей, оставшихся в тылу.

Патриотизм советского народа, отступление фашистской Германии заставили союзников пойти на принятие 28 ноября — 1 декабря 1943 г. на конференции в Тегеране решения об открытии второго фронта (6 июня 1944 г. высадкой англо-американских войск открылся второй фронт), по которому СССР обязался после разгрома Германии принять участие в войне против Японии. В сентябре 1944 г. был подписан договор с Финляндией, согласно которому восстанавливалась советско-финская граница 1940 г. К концу 1944 г. вся территория СССР была освобождена от фашистов, государственная граница СССР была восстановлена, после чего советские войска приступили к освобождению европейских государств, вызвавшему освободительное движение против Гитлера народов Европы.

4—11 января 1945 г. в Ялте состоялась конференция «большой тройки», на которой был согласован план разгрома фашистской Германии, были обозначены принципы послевоенного устройства мира: определены новые западные, восточные границы Польши; СССР была передана Восточная Пруссия; территория Германии временно была разделена на оккупационные зоны между союзниками; принято решение о создании Организации Объединенных Наций для сохранения мира в послевоенный период.

8 мая 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. В СССР день Победы праздновался 9 мая (завершено освобождение Красной Армией Чехословакии).

17—2 августа в Потсдаме состоялась конференция под руководством И. Сталина, У. Черчилля, Г. Трумэна, на которой были приняты решения о демилитаризации, денацификации, демократизации Германии, ее полном разоружении; Германия была поделена на четыре

оккупационные зоны, в Берлине установлено четырехстороннее управление (до создания единого общегерманского государства, заключение с ним договора); Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия, Албания, часть Германии, Финляндии, Австрии переходили в сферу влияния СССР; СССР обязался вступить в войну с Японией. 9 августа СССР вступил в войну с Японией, закончившуюся ее капитуляцией 2 сентября 1945 г., с разгромом которой была завершена Вторая мировая война.

Огромное значение в победе над фашизмом имело использование культурно-духовных традиций. Идеологическое руководство культурой осуществляло Управление пропаганды и агитации ЦК партии (начальник — Г.Ф. Александров, курировал — кандидат в члены Политбюро ЦК А.С. Щербаков); культурно-идеологическую работу в армии и флоте осуществляло Главное политическое управление Красной Армии и Главное политическое управление ВМФ, работавшие на правах отделов ЦК ВКП (б); работу по учету и охране памятников осуществляла Комиссия по учету и охране памятников, созданная при Комитете по делам искусств; антифашистскую деятельность осуществляли созданные общественные организации — Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), Всеславянский комитет, комитеты советских ученых, женщин, молодежи.

Особое значение имела деятельность на фронте, в тылу политработников, агитаторов, пропагандистов, задача которых состояла в недопущении паники среди населения, доведении до советских людей информации, способствующей укреплению политического единства, росту патриотизма, дезавуированию фашистской пропаганды. В годы войны не прекращали работу библиотеки, театры, кинотеатры, выставки, массовыми тиражами выходили газеты и журналы, в которых печатались прежде всего статьи, имеющие пропагандистское значение. Пропагандистская работа велась советскими историками. В лекционное бюро, созданное при Комитете по делам высшей школы, вошли историки С.В. Бахрушин, Б.Д. Греков, Н.С. Державин, М.В. Нечкина, Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров.

Немаловажное значение придавалось работе по воспитанию патриотизма советских людей, чему способствовала организация агитационно-пропагандистской работы: учреждение Советского информационного бюро (радиотрансляция велась на 70 языках народов СССР через развешанные в общественных местах репродукторы); издание агитационных плакатов («Окна ТАСС») с информацией о

¹ История России / Под ред. А.Н. Сахарова. М. : Проспект, 2012. 661—667 с.

положении на фронте (Кукрыниксы, М.Б. Греков, Д.А. Шмаринов и др.); организация выставок 1942—1943 гг. («Плакат Великой Отечественной войны», трофейного оружия), фоторепортажей в газетах, кинохроник с фронта, демонстрирующих мужество, героизм советских людей, победу советских войск; распространение на оккупированных территориях антифашистских листовок, плакатов; учреждение высших военных наград в честь русских полководцев — орденов А. Невского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова (1942 г.), орденов Б. Хмельницкого (1943 г.), Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова (1944 г.), Славы (1943 г.), Матери-героини; восстановление офицерских погон, традиционных званий; проведение торжественного заседания, посвященного годовщине Октября, военного парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади; создание нового гимна (музыка А.В. Александрова, стихи С.В. Михалкова, Г.Г. Эль-Регистана); подвиг советских людей — летчика В.В. Талалихина, партизанок Л. Чайкиной, З. Космодемьянской, А. Матросова, В. Зайцева, Я. Павлова, подводников М. Гаджиева и А. Мариенко, 28 панфиловцев; конвоирование пленных немцев по улицам крупных городов.

В то же время были усилены репрессивные методы: органы НКВД, служба военной контрразведки («Смерш») подвергали жесточайшей проверке военнопленных, партизан; были репрессированы народы, представители которых проявили лояльность к фашистам, — ликвидирована автономия немцев Поволжья, население выселено в Казахстан, за Урал, репрессированы калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, ногайцы, турки-месхетинцы.

В годы войны изменилось отношение к Русской Православной Церкви: в 1941 г. Союз воинствующих безбожников был расформирован; ослаблена антирелигиозная пропаганда; были открыты, построены новые храмы, возобновлены постоянные церковные службы, на Божественной литургии поминали погибших, молились за Победу. Этому способствовала патриотическая позиция РПЦ: 22 июня 1941 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей обратился с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором война оценивалась как народная, освободительная; 26 июня митрополит Сергей впервые совершил в московском Богоявленском соборе молебен «В нашествие супостатов, певаемый в Отечественную войну», выразив надежду на духовное возрождение; митрополит Ленинградский Алексей в своем послании подчеркнул, что своими победами народ обязан не только патриотизму, но и вере в помощь Божью. Церковь развернула благотворительную деятельность,

организовав сбор продуктов, вещей для раненых, детей, семей, воевавших на фронте бойцов; госпитали при действующих церквях и монастырях; строительство танковых колонн «Дмитрий Донской», колонны в составе 40 танков Т-34 на пожертвование верующих; призыв священников в действующую армию; многие священники осуществляли связь с партизанскими отрядами. В годы войны открывались также костелы, кирхи, молитвенные дома протестантов, мечети, дацаны.

Особое политическое значение имели: возрождение патриаршества (в сентябре 1943 г. в Кремле состоялась встреча Сталина с митрополитами Сергием, Алексием, Николаем, результатом которой стал созыв Архиерейского Собора, избрание Патриарха Сергия, после его кончины — избрание 2 февраля 1945 г. митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия); издание с 1943 г. «Журнала Московской Патриархии»; создание при Совнаркоме Совета по делам РПЦ для урегулирования отношений между государством и РПЦ; учреждение в 1944 г. Совета по делам религиозных культов для поддержания связей с представителями других вероисповеданий и церквей.

Руководство других церквей и конфессий также заняло патриотическую позицию: Армянская апостольская церковь собрала средства на танковую колонну им. святого Давида Солунского; христиане-баптисты организовали пошив одежды для фронта, помощь раненым; более 350 тысяч рублей внесли в фонд обороны буддисты Бурятии; около 10 миллионов рублей внесло Центральное духовное управление мусульман в Уфе на строительство танковой колонны¹.

Таким образом, расчет Гитлера на использование РПЦ, других религий, конфессий против СССР не удался, хотя фашистскую Германию поддерживали Русская освободительная армия во главе с бывшим генералом А.А. Власовым, легион «Идель-Урал», состоящий из бывших военнопленных, представителей поволжских народов (осенью 1941 г. Гитлер отказался от поддержки религиозной жизни в СССР и на оккупированной территории).

Огромную роль в разгром фашизма внесли деятели культуры. В период войны на фронте находились писатели А. Бек, Е. Петров,

¹ К концу 1945 г. на территории СССР действовало 10,5 тысяч православных приходов, свыше 5 тысяч инославных религиозных общин. И.С. Семененко. Россия XX — начала XXI века. Культура и общество. — М. : Просвещение, 2011. — С. 217—218.

А. Сурков, военными корреспондентами работали А. Гайдар, В. За-
круткин, Н. Тихонов, К. Симонов, М. Шолохов, А. Фадеев.

В годы войны вышли произведения, посвященные подвигу со-
ветских людей: поэмы «Ленинградская поэма» О. Берггольц, «Пул-
ковский меридиан» В. Инбер, «Зоя» М. Алигер, «Василий Теркин»
А. Твардовского; повести «Дни и ночи» К. Симонова, «Направление
главного удара» В. Гроссмана; роман «Молодая гвардия» А. Фадеева;
проза и стихи К. Симонова, И. Эренбурга, А. Толстого.

В репертуаре военного времени были представлены пьесы:
К.М. Симонова «Русские люди» (1942 г.), «Жди меня» (1943 г.);
А.Е. Корнейчука «Фронт» (1942 г.); Л.М. Леонова «Нашествие»
(1942 г.); А.К. Гладкова «Давным-давно». В 1943 г. по инициативе
В.И. Немировича-Данченко в Москве была открыта Школа-студия
МХАТ, в 1942 г. в блокадном Ленинграде — Городской театр.

Огромное значение в борьбе с фашизмом имел советский ки-
нематограф, за годы войны вышло 34 фильма, 500 киножурналов,
среди них: «Разгром немецких войск под Москвой» Л. Варламова,
И. Копалина (1941 г., «Оскар» 1942 г.); «Секретарь райкома» И. Пырье-
ва (1942 г.), «Нашествие» А. Роома, «Радуга» М. Донского, «Два бойца»
Л. Лукова (1943 г.), «Она защищает Родину» Ф. Эрмлера (1943 г.),
«Иван Грозный» С. Эйзенштейна (первая серия); «Парень из нашего
города» (1942 г.), «Жди меня» Б.И. Иванова, А.Б. Столпера (1943 г.);
«В шесть часов вечера после войны» И.П. Пырьева (1944 г.).

Огромный вклад в разгром врага внесли художники: в первые
дни войны вышел плакат И.М. Тоидзе «Родина-мать зовет!», плакат
Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», их кар-
тина «Бегство фашистов из Новгорода» (1942 г.); «Окраина Москвы.
Ноябрь 1941 года», «Оборона Севастополя» (1942 г.) А.А. Дейнеки;
«Немцы идут» (1941 г.), «Фашист пролетел» (1942 г.) А.А. Пластова;
триптих «Александр Невский» (1943 г.) П.Д. Корина и др. В 1942 г. в
Москве и блокадном Ленинграде состоялись всесоюзные выставки,
посвященные войне.

Особое значение для воспитания патриотизма имело развитие
песенного жанра: «Священная война» (стихи В.И. Лебедева-Кумача,
музыка А.В. Александрова), «В землянке» (стихи А.А. Суркова, музы-
ка К.Я. Листова), «В лесу прифронтовом» (стихи М.В. Исаковского,
музыка М.И. Блантера), «Соловьи» (стихи А.И. Фатьянова, музыка
В.И. Соловьева-Седого), «Эх, дороги...» (стихи Л.И. Ошанина, музыка
А.Г. Новикова), «Катюша» (стихи М.В. Исаковского, музыка М.И. Блан-
тера), «Темная ночь» (стихи В.И. Агатова, музыка Н.В. Богословского).

Огромную роль в разгроме врага сыграли концерты советских
артистов на фронте (К.И. Шульженко, И.Д. Юрьевой, Л.А. Руслановой,
Л.О. Утесова); Фронтовой оперный театр, организованный артистами
Большого театра, Музыкальный театр имени К.С. Станиславского и
В.И. Немировича-Данченко, выпускники Московской консерватории,
Гнесинского училища; оперный театр «Дебют», созданный в блокад-
ном Ленинграде; исполнение 9 августа 1942 г. Седьмой симфонии
Д. Шостаковича в Ленинграде.

В то же время с 1943 г. был усилен идеологический контроль над
литературой и искусством: в декабре 1943 г. были приняты поста-
новление Секретариата ЦК ВКП (б) «О повышении ответственности
секретарей литературно-художественных журналов»; в 1944-м — по-
становление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журнале „Знамя“»; была запре-
щена кинокартина А. Довженко «Украина в огне»; идеологические
претензии предъявлялись М. Зощенко, В. Катаеву, Б. Лавреневу,
А. Платонову, К. Чуковскому, С. Эйзенштейну за вторую серию «Иван
Грозный» (постановление ЦК ВКП (б) 1946 г. «О кинофильме „Большая
жизнь“»).

Таким образом, в период Великой Отечественной войны произо-
шло развитие и укрепление культурно-духовных традиций. Этому
способствовали патриотическая, благотворительная позиция РПЦ,
других религий; создание кинокартин, спектаклей; проведение вы-
ставок, концертов артистов, главной темой которых были разгром
фашизма, освобождение Родины под руководством партии, воз-
главляемой И.В. Сталиным. Победа во многом произошла благодаря
политическому единству народа, власти, Русской Православной
Церкви, других традиционных религий.

Библиография

1. Анисимова С.А. Культурно-духовные традиции — основа сохранения
единства России // Культурно-духовные традиции — основа сохранения
единства России. Современный российский реализм: теория и практика.
Антология в 10 т. М., 2008. Т. IV. 392—414 с.
2. Анисимова С.А. Культурно-духовные традиции и политический процесс со-
временной России. М. : Изд-во «Экономическое обозрение», 2011. 238 с.
3. История России / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2012.
4. Семенов И.С. Россия XX — начала XXI века. Культура и общество. М.,
2011.

СОЦИОЛОГИЯ

*МИНЕРАЛОВ Владислав Юрьевич,
кандидат социологических наук,
заведующий отделом учета и хранения,
ГБУК г. Москвы «Музей наивного искусства»
mineralov.v@ya.ru*

Развитие общественной креативности — фактор роста социальной ответственности и общественного самоуправления / Development of public creativity — a factor of growth of social responsibility and public self-government

Аннотация

В статье анализируются возможности и препятствия развития общественной креативности как ключевого фактора роста общественного самоуправления, индивидуальной и коллективной инициативы, социальной справедливости и благосостояния. Особо подчеркивается важность социальной ответственности и формирование ответственного поведения широких слоев населения.

Ключевые слова

Креативность; творчество; социальная ответственность; демократия; общественное самоуправление; социальное управление; мораль.

Annotation

In article opportunities and obstacles of development of public creativity as key factor of growth of public self-government, individual and collective initiative, social justice and welfare are analyzed. Importance of social responsibility and formation of responsible behavior of wide segments of the population is especially emphasized.

Keywords

Creativity; creativeness; social responsibility; democracy; public self-government; social management; moral.

Возрастающее значение самоуправления, личной и коллективной ответственности, демократизации общественных процессов в условиях повышения сложности и дифференциации социальной среды¹, нарастания техногенных и антропогенных рисков² актуализирует необходимость развития творческого начала, креативности, формирования условий для «креативной демократии», передачи части государственных функций общественным организациям, коллективам, гражданам. С другой стороны, уже существует и усиливается противоположная демократизации, распространению самоуправления и возрастанию общественной креативности тенденция, которую некоторые авторы обозначают, например, в понятиях либерального тоталитаризма³, а известный исследователь З. Бауман видит в современной рациональной цивилизации новые основания для крупных общественных трагедий, подобных холокосту⁴.

Неоднозначность происходящих общественных трансформаций требует более внимательного исследования и анализа возможностей для участия граждан, объединений и организаций в общественном управлении. Одной из таких возможностей является создание условий для реализации творческих потребностей, высвобождение, развитие творческого потенциала каждого человека в любой сфере деятельности, особенно тщательно рассматриваемых современными авторами (Х. Йоас⁵, Р. Флорида⁶ и др.).

Согласно определению, которое приводит Е.П. Ильин, «креативность (от лат. creatio — созидание) — это способность человека

¹ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. — М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2010. — 320 с.

² См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

³ См.: Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // СоцИс. — 2007. — № 12. С. 39—49.

⁴ Бауман З. Актуальность холокоста. — М.: Изд-во «Европа», 2010. — 316 с.

⁵ Йоас Х. Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005. — 320 с.

⁶ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Классика-XXI, 2007. — 421 с.

порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления, <...> обнаруживать новые способы решения проблем и новые способы выражения»¹. Креативность тесно связана с интеллектом и взаимодополняется этим типом способностей.

В данной статье в некоторых случаях термины «креативность» и «творчество» будут пониматься как синонимы без дополнительных оговорок, в расчете, что читателю сходство употребления этих понятий в определенных местах статьи будет ясно из контекста. Индивидуальная и общественная креативность здесь рассматривается прежде всего как способность именно к оригинальным повседневным, а также некоторым профессиональным (в частности, управленческим) решениям и действиям, в совокупности позволяющим гражданам более активно участвовать в общественном управлении, общественной жизни и осуществлять самоуправление. Анализ вопросов, связанных с экспрессивно-выразительной креативностью, лежащей в основе созидательного художественного творчества и искусства, а также научного творческого процесса требует отдельного исследования и вынесен за рамки данной статьи.

Немецкий исследователь, вице-президент Всемирной социологической ассоциации Ханс Йоас видит перспективным понимание креативности в контексте повседневной человеческой деятельности, заложенное в работах Джона Дьюи, Джорджа Герберта Мида и др., основывающееся на традиции американского прагматизма. Согласно представлениям данных авторов наиболее завершенное проявление креативности находит в науке. Напротив, Х. Йоас критически относится к мыслительным традициям философии жизни, распространившимся в Германии и Франции и во многом развитым и поддержанным в трудах Ф. Ницше. Х. Йоас пишет: «Философия жизни резко противопоставляет креативность повседневности и нормальной науки. В философии жизни <...> внимание направляется на дочеловеческую волю <...> или же креативность понимается как произвольное создание значений и неконтролируемая игра, а не как постоянная реорганизация наших поведенческих привычек и институтов»². По мнению Х. Йоаса, философия жизни вместо пози-

тивного созидания делает акцент на творческой самодостаточности и независимости от каких-либо повседневных ценностей, норм и правил, создает культ гения, окутанный ореолом сверхчеловеческих способностей и избранности, что ведет к безответственному самолюбованию, созданию собственной творческой реальности, нередко путем разрушения существующего порядка вещей.

Разные научные подходы к пониманию креативности создают различные предпосылки для социального моделирования и управления. В одном случае, допуская наличие креативных начал в каждом человеке (пусть и распределенных неравномерно, в силу неодинаковой творческой одаренности, талантливости разных людей) и во многих разнообразных человеческих действиях, можно искать пути развития способностей к неординарным действиям и решениям, гибкому мышлению, самоорганизации и самоуправлению. Все это создает условия для все большего включения каждого члена общества в процесс общественного управления, при этом используются методы просвещения, воспитания, образования, самообразования и т.п. В другом случае, придерживаясь представления об обществе как системе управляемой и движимой исключительно личностями со сверхчеловеческими дарованиями, гениями, ловко манипулирующими безликими толпами, людскими массами, не способными сознательно оказывать влияние на исторический процесс, живущими только в рамках установленных свыше норм, правил, ценностей и рутинных действий, вырисовывается иная социальная картина. Вместо подлинной демократии в смысле народовластия (народного управления), реального влияния на деятельность социально-политических институтов и участия граждан в общественном управлении выстраивается строго ограниченная свобода, устанавливаемая самоизбранными, самолегитимированными лидерами, такие условия, в которых все разговоры о демократии ведутся лишь для создания ее видимости и не более.

Некоторые современные дискуссии о креативности, наступлении постиндустриального общества знаний, свободы, плюрализма, как представляется, являются всего лишь попыткой успокоить (вести в заблуждение) граждан, склонных к рефлексии и анализу социальной картины мира, создать иллюзию свободы для всех, при этом выстраиваются жесткие правовые, идеологические границы дозволенного, охраняемые сильной бюрократией и полицией, вооруженной современными информационными системами, электронными

¹ Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. — СПб. : Питер, 2009. С. 173.

² Йоас Х. Креативность действия. СПб., 2005. С. 279.

устройствами. В этом контексте проекты и программы типа «умный город», «безопасный город» и т.п. выглядят как «умный город для глупых людей», когда понятно, что «слишком умный» город может превратиться в комфортную тюрьму для потребителей-обывателей, его населяющих. Реальная система просвещения местами активно подменяется некими информационными технологиями, лишь усиливающими умственную и физическую леность граждан.

Многие попытки научно осмыслить эру расцвета всеобщей креативности, творчества и неминуемо идущую с ними свободу для каждого при ближайшем рассмотрении оказываются односторонними и чаще всего сужающимися до экономической рациональности и целесообразности. Достаточно широко известные в России работы: «Креативный класс: люди, которые меняют будущее»¹, «Война за таланты»², «Креативная экономика»³, «Креативный город»⁴, различные публикации по вопросам творческих индустрий⁵ и т.п. страдают чрезмерным экономическим уклоном. В них креативность рассматривается преимущественно как возможность для достижения личного достатка, благосостояния, которые суммарно, по идее, ведут к всеобщему экономическому росту, благоденствию и общественному процветанию. Акцент остается на рационально ориентированных действиях, а не на креативности как самоценности и способности к ответственному созиданию, к решению общественных задач, выходящих за рамки индивидуалистских ценностей, личных потребностей. Возможные отрицательные последствия креативности в этих работах либо не рассматриваются вовсе, либо понимаются как неизбежные побочные результаты, которые саморастворяются в океане положительных достижений. Вместе с тем неправильно поданная и понятая идея о всеобщей креативности таит множество опасностей. Например, способствует усилению растрат и так истощающихся природных, человеческих и иных ресурсов в погоне за творчеством и инновациями ради творчества и инноваций, в условиях

¹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

² Майклз Э., Хэндфилд-Джонс Х., Экселрод Э. Война за таланты. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2005. — 272 с.

³ Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. — М.: Классика-XXI, 2011. — 256 с.

⁴ Лэндри Ч. Креативный город. — М.: Классика-XXI, 2011. — 400 с.

⁵ <http://www.creativeindustries.ru/rus/publications>

обостряющейся мании прогресса и наращивания темпов производства и потребления, преподносимых в качестве главнейших показателей роста общественного благосостояния. Или же приводит к созданию видимости творческого развития очень тонкой социальной прослойки, с другой стороны, воспитанию безответственных новаторов-креативщиков, которые натворят много бед, подорвут веру в массовую креативность, что создаст удобную политическую ситуацию для окончательной дискредитации общественного устройства на принципах социал-демократии, общественного самоуправления, свободы, равенства и справедливости. Следствием реализации подобного сценария может стать новый триумф идеи о сверхчеловеке и толпе, нуждающейся в управлении по принципу тотального контроля и жесткой регламентации всех форм и видов жизнедеятельности.

Критикуя некоторые современные тенденции формирования так называемого креативного класса, выделенного американским социологом Р. Флоридой, исследователи отмечают¹, что принадлежность к креативным профессиям используется многими людьми для повышения собственной рыночной привлекательности и стоимости. Услуги, которые преподносятся как требующие значительной доли креативного мышления, творческого вклада (например, дизайн и реклама, финансы, медицина, право, управление и т.п.) стремительно растут в цене, равно как и зарплаты, запрашиваемые специалистами, их оказывающими. Креативность подается в качестве товара (на рынке труда), овеянного особым торгашеским духом. Об общественном служении, ответственности «креативных личностей» не идет и речи, основными их целями становятся самопрезентация, самореализация, слава («имидж») и деньги. Интеллектуалы, творцы в подлинном смысле этих слов вырождаются в болтунов и спекулянтов, плодящих хорошо продающиеся идеи, краткосрочные проекты и кочующих от одного проекта к другому по всему миру безо всякого чувства привязанности и долгосрочной ответственности за последствия своих действий.

В итоге возникает вопрос: креативность для чего? Что это, новая забава, придуманная властью имущими элитами, считающими себя избранными гениями, для эксплуатации толпы под видом массового

¹ Сассен С. Интеллектуалов вытеснило сословие трепачей! «Креативный класс» как симптом перепеца // Terra America. 2012. 27 апреля. URL: <http://terra-america.ru/intellektualov-vitesnilo-soslovie-trepachei.aspx> (дата обращения: 20.08.2012).

творчества и необходимости самореализации, или же реальная основа для общественного самоуправления, основанного на индивидуальной и коллективной ответственности, разумном самоограничении, новаторском развитии, обеспечивающем гибкое реагирование на изменяющиеся условия среды.

Несомненно, креативность может быть как позитивной, так и негативной. И хотя существует представление о творчестве и новаторстве как созидательном разрушении устаревших норм, правил, ценностей, способов действия, методов, принципов, материальных и нематериальных объектов ради создания чего-то нового и лучшего, это не отменяет возможности рождения действительно негативных, вредных в социально-нравственном и экономическом отношении новшеств, поглощающих ресурсы, несущих гибель, разрушения, но не создающих ничего принципиально лучшего. На практике не так редка креативность, предъявляемая по принципу новизны ради самой новизны и разрушения ради самовыражения «изобретателя», не считающегося с интересами общества, а признающего лишь свое видение экономической и социальной ситуации как высшей ценности. Подобное «видение» может быть возведено в культ и найти поклонников, поддерживающих и воплощающих прогностически безумные идеи.

Проявления креативности не только ориентируются на существующую мораль, нормы и ценности, но выступают как способность создавать новую мораль, ценности, нормы. При этом подобное нормотворчество, нравственная эволюция могут быть продуктивными, только будучи включенными в широкую общественную дискуссию. Только тогда гениальные идеи, прозорливые мысли, планы, предложения могут, пройдя креативную проработку, общественную рефлексию, учесть потребности, пожелания, стремления многих общественных сторон.

Предлагаемое Х. Йоасом понимание любого человеческого действия, будь оно рациональным или нормативно-ориентированным, новаторским или рутинным, как содержащего в своей основе креативную составляющую, поиск нестандартного решения, учитывающего постоянно меняющиеся условия и ситуации, на практике сталкивается с рядом трудностей. Например, не ясно, как разрозненные креативные действия могут привести к уровню осмысленности и систематизации, достаточному для того, чтобы они стали индивидуально и коллективно управляемыми, измеряемыми в понятиях неких гибких

ценностей, норм, которые можно положить в основу представления об ответственном поведении. Х. Йоас возлагает надежды на формирование общественных движений как основы демократии, народного общественного управления, дополняющего государственные, коммерческие и элитарные частные институты управления и контроля. Но для того, чтобы подобные движения появлялись и удерживались от дезорганизации и распада под влиянием конфликта интересов индивидуализированных личностей, необходимо нечто сплачивающее. Вряд ли для этого достаточно просто норм и ценностей, которым кто-то будет слепо следовать. Вероятно, для систематизации, объединения креативных усилий многих людей, обеспечивающих возможности самоуправления, необходима определенная подготовка. В частности, важны знания, особенно социально-психологического рода, навыки работы с достаточно большими объемами противоречивой информации, самоорганизации. Подобные качества редко развиваются самопроизвольно, необходимо систематическое просвещение, воспитание, образование как на базе традиционных институтов образования и культуры, так и силами зарождающихся общественных движений, особенно когда государство оказывается неспособно обеспечить развитие необходимых компетенций или не заинтересовано в этом. Залогом развития общественной креативности и интеллекта является совершенствующаяся система коммуникации, информационные сети, объединяющие многих людей в разных регионах, обеспечивающие обмен информацией, распространение знаний. В этом смысле современные информационные технологии позволяют перейти на качественно новый уровень дистанционного общения и взаимодействия, что хорошо заметно на примере Интернета, функционирующих на его основе социальных сетей, форумов, блогов, дистанционных конференций, совещаний и т.п.

Х. Йоас видит условия для активизации креативных действий в чрезвычайных обстоятельствах, например в войне¹, когда растет новаторство всех противоборствующих сторон, борющихся за выживание, усиливается сплоченность, коллективный дух, что способствует аккумуляции творческого, интеллектуального потенциалов. В таких условиях рождаются яркие, самобытные художественные произведения, промышленные шедевры, революционные идеи, создающие основу для будущих общественных трансформаций, гениальные стратегии и тактики ведения военных действий и органи-

¹ Йоас Х. Война и современность. Оксфорд : Блэквелл, 2003.

зации тыловой жизни. Это не означает, что креативность реализуется преимущественно в состоянии долговременного индивидуального и коллективного стресса. Благоприятные условия многообразны и могут комбинироваться в зависимости от конкретной ситуации. Для создания необходимых условий зачастую требуется минимизация существующих факторов, угнетающих креативность. Например, творчеству, реализации талантов нередко препятствует ограниченный выбор социально одобряемых, престижных и приемлемо оплачиваемых профессий, когда человек вынужден выбирать область профессиональной деятельности не по призванию, интересам и способностям, а по материально-экономической необходимости, тем самым не реализуя свои таланты, творческие способности. В данном случае отсутствие грамотных консультантов, способных увидеть некую предрасположенность личности к определенной деятельности и направить в нужную область, существенно снижает вероятность полноценной реализации творческих начал многих людей. Так же как рациональная, экономическая необходимость, излишняя регламентация трудовых процессов строго очерчивают границы «полезных» и социально одобряемых видов деятельности, отсекая многие творческие, но с точки зрения установленных норм, правил, целей и т.п. неполезные (неприбыльные, неконкурентоспособные, нецелесообразные) виды деятельности. Подобные ограничения не только неоправданно сужают возможности личности, коллектива, организации, государства, но и лишают человеческую цивилизацию будущих альтернатив развития.

Практическое применение научно-теоретических представлений о креативности человеческого действия может быть реализовано в форме постепенного, но последовательного признания каждого человека не как потребителя, а как создателя, творца существующей реальности, объектов, предметов, продуктов и услуг, ее наполняющих. Насаждаемое повсюду убеждение, что удел рядового человека жить на всем готовом, смысл жизни в потреблении, рутинном, аморфном и обывательском существовании, разбавляемом ярко запоминающимися актами потребления чего-то вожделенного, — по сути деструктивно, а потому должно быть заменено на позитивное представление о подлинных ценностях, о человеке, каждым своим поступком, действием в перспективе креативно меняющем мир к лучшему, создающем духовно-нравственную реальность, базирующуюся на приоритетах человечности, и несущем ответственность за свои

действия. Адекватное восприятие картины мира и психологическая установка на характер и перспективы деятельности играют важную роль в формировании целей творчества, в осознании человеком своего места в мире.

В основе деятельности находится осознание, прочувствование потенциала своих возможностей, поэтому для развития креативности, самоорганизации и способности к участию в общественном управлении необходимо для начала сформировать потребности к осознанию своих возможностей, своих сил, веры в само существование креативного начала как на личностном, так и общественном уровне. Мнение (как общее, так и индивидуальное), что народ в своем большинстве — это потребители, серая, аморфная масса, толпа, обыватели, — тормозит любые творческие устремления, снижает творческий потенциал личности и общества, препятствует раскрытию и реализации талантов.

Особенно значим вопрос об интеллектуальной и собственно творческой одаренности. Естественно, не каждый обладает выраженными талантами, но вместе с тем большинство людей может выполнять какую-то деятельность, работу ответственно и профессионально, находя новые решения, делая личные открытия на основе собственных наблюдений, анализа информации. Мотивация к творчески обоснованному решению повседневных и профессиональных задач приводит к потенциальным возможностям совершенствования уже известного и является одним из путей личностно-профессионального роста человека. Условия развития инициативности могут стать условиями формирования креативной среды и креативных личностей. Чрезмерная рационализация, повсеместная усложняющаяся регламентация в перспективе могут стать препятствием для демократизации общественной жизни.

Достоверно неизвестно, что более вредно для человечества и окружающей среды — отклоняющееся от предписанной рациональности поведение простых людей или рациональный расчет элитария, управляющего колоссальными ресурсами и пытающегося строить очередную империю ради воплощения своей гениальности, воли и сверхчеловеческих амбиций.

Ярким примером сомнительной рациональности и негативной креативности нередко выступает сфера предпринимательства, бизнеса. С одной стороны, крупные корпорации с сильной корпоративной культурой, обилием управляющих-предпринимателей, создающие

собственную реальность не только для сотрудников (посредством корпоративной культуры), но и для общества — ценности, символы, лозунги, поддерживающие стереотипы поведения, явно являются сосредоточением креативности и рациональности. С другой стороны, порой эти крупные организации, тесно связанные с государственной властью, лоббирующие свои интересы в правительствах стран и международных организациях, затрачивают огромные, в том числе и человеческие, ресурсы, наносят вред окружающей среде, в сущности, вершат человеческие судьбы, руководствуясь своим «гениальным» представлением о полезном и необходимом. Крупные организации путем сотрудничества создают у общественного большинства представление о единственно возможной и правильной социальной реальности, той, которая выгодна корпоративным магнатам. Любые общественные протесты всячески дискредитируются и используются как примеры, подтверждающие правильность выбранной мыслительской перспективы. Противостоять такому формату креативности возможно только объединяясь в общественные организации, движения, способные осознать и аккумулировать творческие задатки своих членов, инициировать дискуссии и участвовать в общественных дискуссиях на творчески актуальные темы и предлагать ясные альтернативы государственным и корпоративным реальностям. Такие альтернативы могут быть созданы и для бизнеса, предпринимателей и для иных сфер жизни при объединении в новую цивилизационную перспективу, иное общественное устройство, основанное на креативности, ответственности, гласности, свободе, справедливости и гибком общественном самоуправлении. Общественное переустройство на новых началах есть возможное макросоциологическое продолжение идей Х. Йоаса, которое выходит за рациональные пределы распространяемых представлений о креативном классе, новой привилегированной прослойке экономически мыслящих и действующих индивидуализированных личностей.

Библиография

1. Бауман З. Актуальность холокоста. М., 2010.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // СоцИс. — 2007. — № 12.
4. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010.
5. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2009.

6. Йоас Х. Креативность действия. СПб., 2005.
7. Йоас Х. Война и современность. Оксфорд, 2003.
8. Лэндри Ч. Креативный город. М., 2011.
9. Майклз Э., Хэндфилд-Джонс Х, Экселрод. Э. Война за таланты. М., 2005.
10. Сассен С. Интеллектуалов вытеснило сословие трепачей! «Креативный класс» как симптом регресса // Terra America. 2012. 27 апреля. URL: <http://terra-america.ru/intellektualov-vitesnilo-soslovie-trepachei.aspx> (дата обращения: 20.08.2012).
11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.
12. Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М., 2011.
13. <http://www.creativeindustries.ru/rus/publications>

*КУЗНЕЦОВА Кристина Анатольевна,
кандидат политических наук,
председатель молодежного совета ЮЗАО
г. Москвы, председатель молодежного
совета района Коньково
k.kristin@mail.ru*

Лидерство в организованных формах молодежного движения / Leaders in organized forms of youth movement

Аннотация

В данной статье автор рассматривает феномен молодежного лидерства в молодежных движениях, а также важность выработки механизма воспитания и обучения руководства молодежных организаций.

Ключевые слова

Лидер; формальный лидер; неформальный лидер; организация воспитательного процесса.

Annotation

In this article the author examines the phenomenon of youth leadership in youth movements, as well as the importance of developing mechanisms of education and training of youth leadership organizations.

Keywords

The leader; the formal leader; the informal leader; the organization of the educational process.

Еще в глубокой древности возник интерес к лидерству. На протяжении веков сознание многих исследователей волновал феномен лидерства. В средневековой Европе влияние лидера основывалось

не столько на личных достоинствах, сколько на способности к руководству конкретной общностью. От лидера требовалось в основном умение сплотить группу для достижения поставленных целей, умение сформировать групповой интерес.

Потребность в целеполагании, формулировке цели и организации деятельности по ее достижению приводит к появлению лидеров.

Лидерство по своей природе способно сплотить людей в совместных усилиях, причем осуществлять эту задачу в течение длительного времени, постепенно решая задачи, подчиненные общей цели, которая связывается с решением мировоззренческих вопросов общественной жизни. Оно является неизбежным в любом цивилизованном обществе и пронизывает все сферы жизнедеятельности.

Лидерство — это искусство влияния на людей, умение их вдохновить на то, чтобы они стремились достичь нужных целей. Люди следуют за лидером потому, что он в состоянии предложить им средства для удовлетворения их потребностей, указать направление деятельности.

Личные качества настоящего лидера — доброта, открытость, решительность и ответственность, умение слушать и слышать других, внимательное отношение к людям, уверенность и спокойствие, гибкость и чувствительность, эмпатичность, целеустремленность, коммуникативность, толерантность, умение увлечь и повести за собой, дальновидность, организаторские способности.

Перечисленные качества свидетельствуют о том, что лидерами не рождаются, а становятся. Лидерское поведение должно воспитываться, потому что оно может быть как конструктивным, так и деструктивным (хулиганствующие подростки тоже имеют своих лидеров). Вот почему велика роль педагогов-воспитателей всех уровней в формировании гражданского самосознания личности и их собственного примера. Лидерское поведение может быть развито и улучшено посредством обучения и специальной подготовки.

В любом молодежном коллективе существуют два лидера — формальный и неформальный. В настоящее время часто роль каждого выполняют разные люди, и сочетание формального и неформального лидера в одном человеке — явление крайне редкое.

В работе Чернышева А.С., Лунева Ю.А., Лобкова Ю.Л., Сарычева С.В. «Психологическая школа молодежных лидеров» полно раскрываются аспекты психологии молодежного лидерства и способы подготовки и обучения молодых людей.

Так, особый смысл в понимании психологии организаторской деятельности имеет лидерство.

Под лидерством мы понимаем явление активного ведущего влияния личности — члена группы на группу в целом. Лидерство — одна из форм общественной активности личности в группе. Лидерство объективно возникает только на реальной основе различных сфер групповой жизнедеятельности — веера деятельностей. В большинстве случаев у отдельных личностей могут сочетаться различные виды лидерства, в итоге можно полагать, что реальный организатор, руководитель группы — всегда лидер, но лидер далеко не всегда организатор. Лидерство не исчерпывается функциями организаторской деятельности, оно значительно шире. Наряду с лидерами-организаторами в группах функционируют лидеры-инициаторы, лидеры-вдохновители, лидеры — генераторы эмоционального настроя, лидеры-эрудиты, лидеры-умельцы и т.д.

Установлено, что способные лидеры-организаторы замечают других лидеров в своих группах и целенаправленно стимулируют их. Выявлена прямая зависимость между уровнем развития группы, то есть уровнем ее социально-психологической зрелости, и количественно-качественным ростом лидерства. Выявлен социально-психологический механизм актуализации лидерства через включенность индивидов в жизнедеятельность группы: способности принять цели, мотивы и нормы последней, а также готовность принять на себя повышенную ответственность и инициативу.

Включенность индивида, связанная с его желанием и умением предвидеть активность других участников, чтобы согласовать активность и чтобы активность одного «...не потонула в море актов противоположных», составляет основу самоорганизации группы.

Из вышеизложенного вытекают два главных вывода. Первый вывод — это то, что лидерство среди молодежи — естественное формирование взаимоотношений среди членов группы и, соответственно, без лидеров нет молодежного движения, а второй вывод — только формальный лидер не может обеспечить стабильное управление работой коллектива молодежи.

Соответственно, при организованных формах молодежного движения, для того чтобы такое молодежное движение было по факту работающим и имело привлекательность для молодежи, необходимо, чтобы формальный и неформальный лидер сочетался в одном человеке.

Как указано выше, в группах могут присутствовать различные лидеры, но формальный лидер — это в первую очередь организатор (управленец).

Воспитание молодого человека складывается из двух действий. Первое — это обучение лидерству и второе — привитие культуры, где первое дает понятие — что делать, а второе — как делать. Эти понятия неотделимы для формирования личных качеств настоящего лидера, рассмотренных нами выше.

Организация воспитательного процесса в молодежной организации должна быть не только в деятельности самой организации, но и в формировании специальных учебных центров. Такие учебные центры должны быть подчинены руководству молодежных организаций в силу своей специфики и во избежание перекосов в воспитании лидеров. Подчинение Министерству образования может привести только к обучению лидеров, а подчинение Министерству культуры — к привитию культуры. А вот координацию, утверждение программ и другие вопросы воспитания молодых людей в данных учебных центрах руководство молодежных организаций должно производить с указанными министерствами.

Специфика учебных центров заключена в том, что в формировании молодежной организации всегда заложена цель и, соответственно, проводится определенная идеология для достижения намеченной цели. Формальные лидеры молодежной организации являются проводниками и реализаторами такой идеологии. Поэтому учебные центры должны не только воспитывать лидеров, но и прививать им необходимую идеологию государственной молодежной политики, то есть учебные центры — это еще и центры по формированию идеологии государственной молодежной политики.

Подобное построение структуры учебных центров позволит воспитывать молодежных лидеров с применением инновационных технологий, быстро реагировать на изменяющуюся обстановку, отстаивать свою точку зрения по вопросам воспитания лидеров, формировать собственный преподавательский состав и контролировать его качество, при необходимости проводить аттестацию и переподготовку формальных лидеров своих молодежных организаций.

Исходя из вышеизложенного, автор считает, что для кардинального решения задачи по воспитанию молодежных лидеров в современном обществе необходимо, во-первых, изменить сам принцип государственного управления в молодежной политике в современной

России, то есть централизовать молодежную политику и сформировать самостоятельный орган государственного управления, где роль государственного управления сводится к созданию условий, при которых такой орган самостоятельно будет исполнять необходимые функции для достижения результатов, необходимых государству (принцип самоуправления). Во-вторых, формирование молодежного органа должно быть произведено самой молодежью снизу доверху. В-третьих, орган, по своей сути имеющий единоначалие, должен быть поставлен в зависимость от развития молодежных организаций независимо от их форм, если они желают быть членами такого органа (за исключением с политическим характером деятельности, т.к. государственный молодежный орган не имеет права быть политическим).

Самое важное из таких условий, при которых молодежный орган самостоятельно будет исполнять свои функции для достижения результатов, необходимых государству, — это обеспечение создания и функционирования структуры учебных центров по обучению молодежных лидеров.

Библиография

1. Чернышев А.С., Лунев Ю.А., Лобков Ю.Л., Сарычев С.В. Психологическая школа молодежных лидеров. М. : Московский психолого-социальный институт, 2005. 275 с.

ЭКОНОМИКА

*АЛЕКСАНДРОВА Ариадна Иосифовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры прикладной экономики,
Российский государственный
педагогический университет
aariadna@mail.ru*

Инновации как фактор социально-экономического развития / Innovations as the factor of social and economic development

Аннотация

Статья посвящена актуальной в России проблеме инновационного развития. Автором изложена сущность инноваций, рассмотрена классификация инноваций, уточнена роль инноваций в социально-экономическом развитии субъектов экономики.

Ключевые слова

Инновации; процесс; деятельность; субъект; управление; структуры; развитие; инфраструктура.

Annotation

Clause is devoted to an actual problem in Russia innovative development. The author states essence of innovations; classification of innovations is considered; the role of innovations in social and economic development of subjects of economy is specified.

Keywords

Innovations; process; activity; the subject; management; structures; development; an infrastructure.

Повышение уровня инновационного развития предприятий является мощным стимулятором экономического роста. Инновации

являются отправной точкой практически бесконечного циклического роста экономики. Оболочкой этого циклического процесса являются инвестиции, которые, с одной стороны, подпитывают инновационное развитие, а с другой стороны, делают предприятие более инвестиционно-привлекательным и обеспечивают новые притоки (см. рис.).

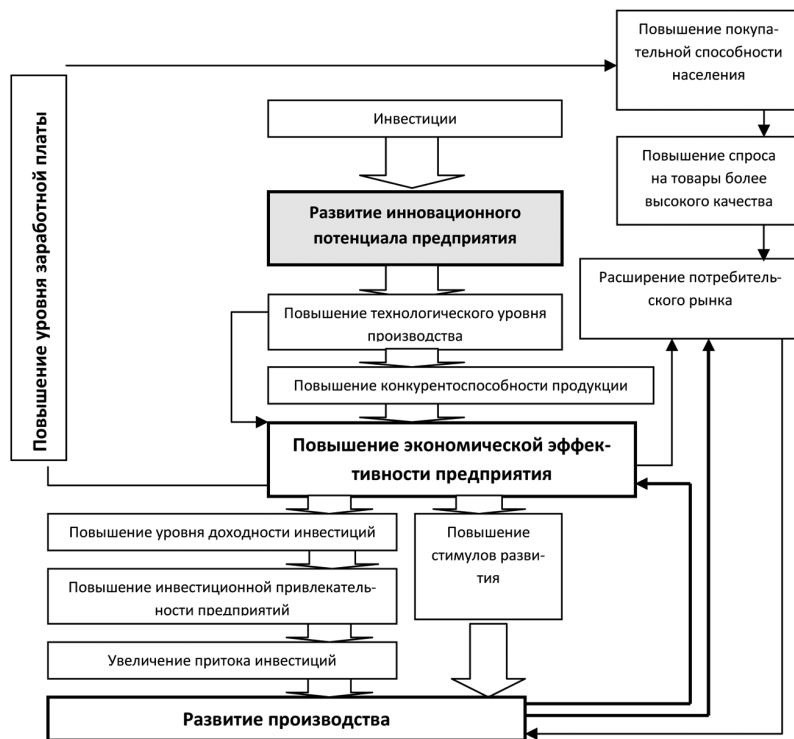

Рисунок. Роль инновационного развития предприятия в системе социально-экономического развития субъектов экономики

Базис теории инноваций заложен Н. Кондратьевым, Й. Шумпетером, П. Сорокиным, С. Кузнецовым, Г. Меншем и развит в трудах многих современных зарубежных и российских исследователей.

Мощным толчком в развитии теории инноваций стало выполнение в 20-х гг. прошлого века исследования Н.Д. Кондратьевым циклов хозяйственной конъюнктуры. Он обосновал идею множественности циклов и разработал модели циклических коротких, торгово-промышленных (средних) и больших циклов.

Малые инновационные волны повторяются каждые 3—4 года, средние — каждые 9—11 лет, большие — каждые 20 лет (циклы С. Кузнецова) и 48—55 лет (циклы Н.Д. Кондратьева); сверхбольшие (цивилизационные, опирающиеся на эпохальные инновации) — раз в несколько столетий. Инновационные циклы разной продолжительности накладываются друг на друга, оказывая резонирующее (усиливающее) или демпфирующее (смягчающее) влияние на амплитуду колебаний.¹

Н.Д. Кондратьев² и Й. Шумпетер³ убедительно показали, что экономические кризисы преодолеваются механизмами инновационного развития.

Несмотря на кажущуюся простоту, понятие «инновация» является весьма многогранным. Как сложная, объемная категория, инновация исследуется в разных измерениях. В зависимости от объекта и предмета исследования инновация рассматривается:

- 1) как результат (Н.Н. Молчанов, Э.А. Уткин, А.С. Кулагин, С.Д. Бешелев и др.);
- 2) как изменение (Ю.В. Яковец, Л.С. Бляхман, Ф. Валента, А.И. Пригожин и др.);
- 3) как процесс (Б. Твисс, Т. Брайн, В.Л. Макаров, В.Г. Медынский и др.).⁴

По справедливому мнению Д.И. Кокурина, К.Н. Назина, строго придерживаться какой-либо одной точки зрения — значит не учитывать объективно сильные стороны других подходов⁵. Рациональнее рассматривать инновацию в контексте синтеза трех названных мнений.

Таким образом, инновация как экономическая категория может быть охарактеризована в следующих аспектах.

1. Во-первых, как результат стадии создания, в рамках которой происходит материализация, воплощение в практику новых идей,

¹ Лихолетов В.В. Управление инновационной деятельностью: учебное пособие. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. С. 17.

² Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М. : Наука, 1991.

³ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Предисл. В.С. Автономова. М. : ЭКСМО, 2007.

⁴ Журавлева Н.Ю. Инновация как экономическая категория // Вестник СПбГУ. — 2006. — № 4. — С. 140.

⁵ Агабеков С.И., Кокурин Д.И., Назин К.Н. Инновации в России: системно-институциональный анализ. М. : ТрансЛит, 2011. С. 25.

открытий и изобретений, новых научных решений, патентов, информации и других интеллектуальных новшеств. Этот результат обычно проявляется в виде продукта или процесса.

2. Во-вторых, как новшество, способное удовлетворять рыночный спрос, то есть обладающее коммерческой реализуемостью.

3. В-третьих, как постоянно возобновляемый и, по сути, исчерпаемый фактор производственного процесса. Это находит свое выражение во внедрении новых техники и технологий, в изменении организационных структур, методов управления и т.д.

4. В-четвертых, как эффект, возникающий вследствие использования нововведений. Эффект может быть технический, социальный, экономический и т.д. На микроуровне экономический эффект проявляется в добавочной прибыли, что способствует дальнейшей капитализации. Типология инноваций представляет собой выделение различных видов инноваций на основе разнообразных классификационных признаков.

Классификация инноваций:¹

1. По источнику появления:

— инновации, направленные на удовлетворение внутренних потребностей, то есть потребностей производства, организации, региона, отрасли;

— инновации, направленные на удовлетворение внешних потребностей, то есть потребностей рынка.

2. По причине возникновения:

— реактивные инновации, обеспечивающие выживание фирмы и являющиеся реакцией на нововведения, осуществляемые конкурентом;

— стратегические инновации, внедрение которых носит утверждающий характер с целью получения конкурентных преимуществ в перспективе.

3. По характеру удовлетворяемых потребностей:

— инновации, которые создают новые потребности;

— инновации, которые развивают существующие потребности.

4. По характеру практической деятельности, посредством которой реализуется инновация, в зависимости от того, относится ли эта деятельность к сфере производства или к сфере управления:

— производственные инновации, представляющие собой реализацию нового знания о новых продуктах, услугах или введение новых элементов в производственный процесс, то есть воплощающиеся в новых продуктах, услугах или технологиях производственного процесса. Производственные инновации реализуются в первичной производственной деятельности;

— управленческие инновации, которые представляют собой новое знание, которое воплощено в новых управленческих технологиях, в новых административных процессах и организационных структурах. Управленческие инновации являются сферой менеджмента хозяйствующих субъектов, косвенно связаны с первичной производственной деятельностью. К управленческим инновациям относят стратегические инновации. Стратегические (прорывные) управленческие инновации представляют собой радикальные управленческие инновации, то есть, например, новый подход к управлению социально-экономическим объектом, новый способ осуществления какого-либо бизнеса, новый способ ведения конкурентной борьбы и т.п.

5. По конечному результату:

— продуктовые инновации, которые с целью удовлетворения определенной потребности на рынке характеризуются получением нового продукта или услуги;

— процессные инновации, которыми являются новые элементы, введенные в производственные, управленческие, организационные, торговые, маркетинговые и другие процессы.

6. По месту применения новаций:

— инновации на «входе» предприятия представляют собой изменения в выборе и использовании сырья, материалов, машин и оборудования, информации и др.;

— инновации на «выходе» предприятия представляют собой то, что будет предложено рынку;

— инновации для внутреннего потребления представляют собой инновации системной структуры предприятия (управленческой, производственной, технологической).

7. По типу новаций:

— организационные новации: например, реорганизация структуры предприятия с линейной на дивизиональную;

— технологические новации — это любое обновление технологических процессов. На промышленном предприятии это может быть

¹ Кокурин Д.И., Назин К.Н. Управление инновациями (маркетинго-ориентированный подход). Монография. М., 2009. С. 21—25.

и применение новой автоматике, в фармакологии — новый способ получения обезболивающего препарата;

— информационные новации — это новые информационные технологии, новые технические средства, новые информационные системы и новые применения вышеуказанного;

— финансовые новации связаны с внедрением новых финансовых инструментов. Это могут быть новые технологии финансовых операций (прежде всего на основе достижений информатики и вычислительной техники) или новые финансовые продукты (производные ценные бумаги, схемы продаж акций, кредитные линии, новые типы гарантийных обязательств и пр.);

— комбинированные новации могут быть представлены большим числом вариантов.

8. По сфере применения:

— технологические инновации, реализующие научно-технические достижения в производстве;

— экологические инновации, уменьшающие загрязнения окружающей среды;

— организационно-управленческие инновации, заключающиеся в применении более эффективных форм и методов управления производственной и непроизводственной деятельностью;

— социально-политические инновации, реализующие новые формы и механизмы социальной организации общества и его политической деятельности;

— государственно-правовые инновации, направленные на создание новых государственных институтов и правовых норм;

— инновации в духовной сфере, которые подразделяются на инновации в культуре (новые художественные стили и т.п.); инновации в образовании (перемены в содержании, методах, организации, технике обучения); инновации в этике (изменения этических норм); инновации в идеологии (нововведения в религиозной жизни, мировоззрении, целевых установках людей);

— военные инновации.

9. По уровню новизны (вклада):

— базисные (радикальные) инновации, приводящие к коренным преобразованиям в той или иной сфере (формирование новых направлений и поколений техники, технологических укладов и способов производства и т.д.);

— улучшающие (модифицирующие, приростные) инновации, направленные на дифференциацию и распространение базисных

инноваций для более полного учета специфических требований различных сфер применения и групп потребителей;

— псевдоинновации, нацеленные на частичное улучшение устаревших систем и играющие часто реактивную роль.

10. По сфере распространения:

— глобальные инновации, приводящие к изменениям в той или иной сфере общества в масштабах группы стран или всего мирового сообщества;

— национальные инновации, имеющие эффективную сферу применения в масштабе одной страны, но представляющие значительный интерес для других стран;

— региональные инновации, имеющие существенное значение для отдельного региона или части страны с учетом его специфики;

— локальные инновации, применяемые в масштабах одного населенного пункта для удовлетворения его особых потребностей;

— точечные инновации, используемые на отдельном предприятии.

11. По характеру воздействия на рыночно-технологические возможности фирмы:

— архитектурные инновации, приводящие к устареванию существующих технологий и продуктов, а также рыночно-потребительских связей;

— революционные инновации, приводящие к устареванию продуктово-технологических возможностей, но не разрушающих рыночно-продуктовые связи. Данный тип инноваций революционизирует традиционные рынки;

— нишесоздающие инновации, которые охватывают продуктово-технологические возможности, но разрушают существующие рыночно-потребительские связи. Они создают новые рыночные ниши для существующих технологий или продуктов;

— регулярные инновации, которые консервируют как продуктово-технологические возможности, так и рыночные связи. Данный тип инноваций имеет место тогда, когда происходит совершенствование продуктов и технологий, например, с помощью прирастающих инноваций, которые приводят к закреплению предприятий на старых рынках.

Инновации играют определяющую роль в современных стратегических целях государства. Активизация инновационной деятельности позволит увеличить ВВП, уровень занятости населения, диверсифицировать бизнес и снизить сырьевую зависимость российской экономики.

Библиография

1. Агабеков С.И., Кокурин Д.И., Назин К.Н. Инновации в России: системно-институциональный анализ. М., 2011.
2. Журавлева Н.Ю. Инновация как экономическая категория // Вестник СПбГУ. — 2006. — № 4.
3. Кокурин Д.И., Назин К.Н. Управление инновациями (маркетинго-ориентированный подход). Монография. М., 2009.
4. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991.
5. Лихолетов В.В. Управление инновационной деятельностью: учебное пособие. Челябинск, 2008.
6. Стратегия развития предпринимательства в реальном секторе экономики / Под ред. Г.Б. Клейнера. М. : Наука, 2002.
7. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Предисл. В.С. Автономова. М., 2007.

*СУСПИЦЫНА Галина Григорьевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Георгиевский технологический институт,
филиал Северо-Кавказского
федерального университета
suspicyna_galina@mail.ru*

Формирование методологического аппарата обеспечения эффективности управления учетом денежных потоков, направленных на обновление основных средств / Formation of the methodological device of ensuring management efficiency by the accounting of the cash flows allocated for updating of fixed funds

Аннотация

Эффективное управление инвестиционной деятельностью является в настоящее время необходимым условием устойчивого функционирования и развития экономики. В этой связи эффективное управление учетом денежных потоков, направленных на обновление основных средств, во многом обуславливает итоги хозяйствования на различных уровнях экономической системы, состояние, перспективы развития и конкурентоспособность отечественных предприятий.

Ключевые слова

Учет денежных потоков, направленных на обновление основных средств; положительные и отрицательные денежные потоки по учету основных средств; управленческий цикл.

Annotation

Efficient control investment activity is now a necessary condition of steady functioning and economy development. Thereupon efficient control the account of the monetary streams updating on the cores of the basic means, in many respects causes managing results at various levels of economic system, a condition, prospects of development and competitiveness of the domestic enterprises.

Keywords

The accounting of the cash flows directed on updating of fixed assets; positive and negative cash flows according to the accounting of fixed assets; an administrative cycle.

Необходимую информацию для принятия оптимальных управленческих решений по совершенствованию производственного процесса и тем самым оптимизации процесса управления предоставляет управленческий учет. Очевидно, что функцией управленческого учета денежных потоков, направленных на воспроизводство основных фондов (далее — ДПВОФ), становится формирование информации между уровнями и различными структурными подразделениями одного уровня. Одной из основных задач управления в учете ДПВОФ является повышение эффективности данного процесса.

Эффективность управления учетом денежных потоков, направленных на обновление основных средств, с нашей точки зрения, определяется тем, какую информацию использует управленец и как он ею распоряжается, при этом затраты (как финансовые, так и трудовые) на сбор информации, ее передачу, обработку, хранение и передачу пользователю должны быть минимальными. Технический прогресс в области информационных технологий и систем за последние годы сделал решение этой проблемы вполне возможным и доступным. Этому способствовало внедрение в управление компьютерной техники и новейших информационных технологий. Опыт использования информационных систем на отечественных предприятиях указывает на то, что не всегда внедрение такой системы было успешным и принесло предприятию ощутимую финансовую выгоду. Поэтому необходимо производить оценку эффективности информационных систем, используемых в управлении, то есть сопоставлять результаты использования информационной системы с затратами на

ее внедрение и эксплуатацию. Сопоставимость затрат и результатов предполагает их выражение в денежной форме¹. Кроме того, следует учитывать ряд необходимых действий управленческого персонала предприятия для обеспечения экономического эффекта от внедрения и функционирования автоматизированной системы бухгалтерского учета. Учет денежных потоков, направленных на обновление основных средств, формируется из сальдо учета положительных и отрицательных денежных потоков по учету ОС, поэтому затрагивает практически каждый участок бухгалтерского учета предприятия. Таким образом, можем сделать вывод, что каждый участник учетного процесса должен быть нацелен на повышение эффективности ведения учета.

В настоящее время существуют два принципиальных подхода к оценке эффективности информационных проектов и функционирования информационной системы компании в целом: финансовый, который предоставляет стоимостную оценку любой компоненты информационной системы (в нашем случае — управления учетом ДПВОФ), и смешанный, содержащий финансовую и нефинансовую составляющие.

На основании анализа научной литературы нами были определены следующие прямые и косвенные факторы экономического эффекта от внедрения информационной системы бухгалтерского учета ДПВОФ.

Прямые факторы:

1. Уменьшение трудоемкости процесса за счет изменений принципов учета основных фондов предприятия (в том числе исключение дублирующего ввода информации, отсутствие трудозатрат на формирование единой базы данных на основании данных локальных БД (миграция БД)).

2. Изменение численности лиц, задействованных в процессе учета ДПВОФ.

Косвенные факторы:

1. Достоверность информации.

2. Доступ к данным в режиме реального времени.

3. Ведение единой корпоративной базы данных учета основных фондов в режиме реального времени (позволяет в том числе минимизировать степень риска, связанного с потерей информации или ее достоверностью).

¹ Скрипкин К.Г. Экономическая эффективность информационных систем. — М. : ДМК Пресс, 2002. — 78 с.

4. Оперативный контроль.
 5. Сокращение затрат рабочего времени, связанного с документооборотом (повышение производительности труда: эффективное использование рабочего времени и выполнение большего объема работ).
 6. Наличие инструментария для принятия качественных управленческих решений.
 7. Контроль информации.
 8. Авторизация выполнения операций в системе.
 9. Повышение уровня профессиональной подготовки персонала.
- Согласно определенным факторам экономического эффекта от совершенствования информационной системы учета ДПВОФ нами предложен порядок и комплекс показателей для его расчета (см. табл.)¹.

Второй смешанный подход к оценке эффективности использования информационных систем учета состоит в том, что его методики призваны сделать «прозрачными» промежуточные этапы влияния такой системы на конечные финансовые результаты фирмы таким образом, чтобы их можно было количественно описать, измерить и отследить.

Самая известная из этой группы распространена на Западе, но пока малоприменяема у нас управленческая методология сбалансированной учетной ведомости BSC (Balanced Scorecard) для внедрения стратегического управления организацией, разработана Д. Нортон и Р. Каштаном в 1990 г. Сейчас BSC внедрена в тысячах учреждений во всем мире — от небольших некоммерческих фондов до крупных международных корпораций, более чем в половине компаний списка Fortune 500. В обзоре Harvard Business Review концепция BSC признана одной из важнейших идей менеджмента за последние 75 лет.

Методические реализации концепции используются не только для определения финансовых и нефинансовых последствий применения информационных систем в компании, ее электронного бизнеса, но и для анализа финансов, кадров, компетентности руководителей и т.п.

Возможность применения BSC для оценки эффективности информационной системы по учету ДПВОФ объясняется тем, что сущность

¹ Суспицына Г.Г. Оценка и оптимизация денежных потоков, направленных на воспроизводство основных средств // Финансовая экономика. — 2011. — № 2. — С. 94—98.

методики состоит в обобщающей оценке эффективности систем управления фирмой. Различные аспекты и разработанные стандарты методики дают ответ на основные управленческие вопросы по отношению к фирме клиентов и акционеров, о внутренних ресурсах фирмы, конкурентных преимуществах и т.д.

Использование метода для оценки эффекта от совершенствования управления учетом ДПВОФ позволяет определить, насколько предложенный проект соответствует целям предприятия по простому и расширенному воспроизводству ОФ. При этом рассматриваются финансовые и нефинансовые цели предприятия, что гарантирует полноту и достоверность оценки. В результате анализа проекта на соответствие целям предприятия и его дальнейшее принятие или отклонение происходит приведение в соответствие ИТ-стратегии и корпоративной стратегии предприятия.

Но применение методики совокупной стоимости не дает ответа на вопрос о доходе, который может быть получен от инвестиций определенного информационного проекта (по управления учетом ДПВОФ), а внедрение системы BSC на предприятии для оценки, в том числе эффективности информационных систем, является сложным долгосрочным мероприятием, поэтому сохраняется практическое значение группы так называемых классических финансовых методов оценки эффекта инвестиций в совершенствование системы управления учетом ДПВОФ. Такие методы основаны с учетом всех потоков платежей, порождаемых информационным проектом внедрения информационной системы бухгалтерского учета. Классические методы рассматривают изменения в общем размере доходов компании. Сложность такой оценки заключается в том, что она прогнозная и должна базироваться на учете как наибольшего количества возможных эффектов воздействия от внедрения ИС.

Общепринятой методики построения такой прогнозной оценки нет, однако те, которые существуют, основаны на моделировании бизнес-процессов компании, что сейчас можно считать единственной базой для построения прогноза доходов. Построение такой модели деятельности компании полезно тем, что она хорошо согласуется с функциональной системой бухгалтерского учета, что упрощает последующий контроль и позволяет дополнительно рассчитать эффект от внесения в систему небольших изменений. Согласно вышерассмотренному подходу к оценке эффективности информационной

Таблица. Показатели эффективности внедрения информационной системы учета ДПВОФ с учетом косвенных факторов

Фактор и расчетная формула	Описание составляющих	Значение коэффициентов К (согласно проведенным исследованиям эффективности внедрения ИС)	Пример расчета (данные в тыс. руб.)
1. Достоверность информации $\mathcal{E}inf = (Dfmc + Pftmc) \times Kinf$	2. $Dfmc$ — сумма износа основных фондов (далее — ОФ) и стоимость выбывших ОФ. $Pftmc$ — стоимость оприходованных ОФ (поступление ОФ). $Kinf$ — коэффициент увеличения прибыльности за счет повышения достоверности учета ОФ	3.	4. $\mathcal{E}inf = (523 + 9746) \times 0,001 = 10,269$
Доступ к данным в режиме реального времени $\mathcal{E}rt = (Dfmc + Pftmc) \times Krt$	Krt — коэффициент повышения прибыли за счет повышения оперативности доступа к информации о движении ОФ	0,0017	$\mathcal{E}rt = (523 + 9746) \times 0,0017 = 17,457$

1. Ведение единой корпоративной БД ОФ в режиме реального времени $\mathcal{E}rte = (Dfmc + Pftmc) \times Kdb$	2. Kdb — коэффициент повышения прибыли за счет снижения дублированности информации о движении ОФ	3. 0,0017	4. $\mathcal{E}rte = (523 + 9746) \times 0,0017 = 17,457$
Контроль информации $\mathcal{E}contr = (Dfmc + Pftmc) \times Kcontr$	$Kcontr$ — коэффициент повышения прибыли за счет улучшения контроля информации о движении ОФ	0,001	$\mathcal{E}rte = (523 + 9746) \times 0,001 = 10,269$
Сокращение затрат рабочего времени, связанного с документооборотом $\mathcal{E}td = (Dfmc + Pftmc) \times Ktd$	Ktd — коэффициент повышения прибыли за счет повышения производительности труда бухгалтерского персонала по учету ОФ	0,002	$\mathcal{E}rte = (523 + 9746) \times 0,002 = 20,538$
Определение цены программного продукта $\mathcal{E}programm_cost$	Расходы на разработку информационной системы ДПВОФ		106,79
Эффект от внедрения информационной системы учета ДПВОФ $\mathcal{E}g = \mathcal{E}dp + \mathcal{E}dp - \mathcal{E}programm_cost$	$\mathcal{E}g$ — эффект от внедрения. $\mathcal{E}programm_cost$ — расходы на разработку ИС. $\mathcal{E}dp$ — эффект от внедрения (прямые составляющие). $\mathcal{E}dp$ — эффект от внедрения (косвенные составляющие)	Значение $\mathcal{E}dp$ для примера примем равным среднегодовой заработной плате 1 бухгалтера = 240 тыс. руб.	$\mathcal{E}g = 240 + 10,269 + 17,457 + 17,457 + 10,269 + 20,538 - 106,79 = 209,2$

системы по управлению учетом ДПВОФ предложена формула расчета эффекта:

$$PV (Ei) = Ei / (1 + r \times ti), PV (Kj) = Kj / (1 + r \times tj),$$

где PV — текущая стоимость доходов/расходов (у.е.) от внедрения системы;

Ei — элемент потока доходов, которые предусматривается получить в момент времени ti (у.е.), Kj — элемент потока расходов, предусматриваемых осуществить в момент времени tj (у.е.);

r — ставка дисконтирования (доля единицы).

Таким образом, эффект от внедрения совершенствования системы управления учетом ДПВОФ подлежит измерению, несмотря на общепринятое мнение о невозможности адекватной оценки. В условиях информационного общества единственным верным подходом к решению проблемы может служить учет финансовых и нефинансовых эффектов от таких мер. Итак, расширение и усиление функций бухгалтерского учета, использование его аналитического потенциала на сегодня — основные и достоверные источники управленческой информации. Появление мощных специализированных программных продуктов, способных моделировать варианты действий с оценкой возможных финансовых и производственно-экономических результатов, позволяет создать полный управленческий цикл и использовать информативность бухгалтерского учета в фирменном управлении на более высоком уровне. При этом в основу моделей должен быть заложен принцип системной интеграции различных видов учета и подсистем управления, которые в данном контексте являются инструментами планирования и управления. Кроме того, интегрированная система учета очень удобна тем, что позволяет объединить непосредственно учет и анализ хозяйственной деятельности¹. Поэтому предложенный подход для расчета эффективности внедрения информационной системы в части интегрированной системы (которая облегчает ведение бухгалтерского учета, повышает его оперативность, обеспечивает возможность проведения анализа отдельных объектов или хозяйственных процессов, принятия эффективных управленческих решений) дает возможность оценить и количественно выразить сумму эффекта функционирования такой информационной системы.

¹ Суспицына Г.Г. Источники воспроизводства основного капитала: учетно-аналитическое обеспечение. Монография. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, Germany, 2011. 147 с.

Библиография

1. Бережной В.И., Суспицына Г.Г. Учет и анализ источников воспроизводства основного капитала предприятий пищевой промышленности. Георгиевск: ГТИ, 2010. 148 с.
2. Скрипкин К.Г. Экономическая эффективность информационных систем. М., 2002.
3. Суспицына Г.Г. Источники воспроизводства основного капитала: учетно-аналитическое обеспечение. Монография. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, Germany, 2011.
4. Суспицына Г.Г. Оценка и оптимизация денежных потоков, направленных на воспроизводство основных средств // Финансовая экономика. — 2011. — № 2.
5. Суспицына Г.Г. Оценка притока иностранных инвестиций в основной капитал различных отраслей народного хозяйства РФ // Научное обозрение». Серия 1. Экономика и право. — 2010. — № 3/4.
6. Суспицына Г.Г. Анализ инвестиций в основной капитал предприятий реального сектора отечественной экономики // Научное обозрение». Серия 1. Экономика и право. — 2011. — № 1.
7. Robert J. Thierauf. Effective Management and Evaluation of Information Technology. 2010.

ПЛОТКИНА Анна Рафаиловна,
кандидат экономических наук, профессор,
зав. кафедрой «Антикризисное управление
и оценка собственности»,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная
академия экономики и права», г. Хабаровск
auos@mail.ru

**Теоретико-аналитические основы управления
промышленным комплексом Дальнего Востока
в современных условиях хозяйствования /
The Teoretiko-analiticheskoy of the basis
of management of the industrial complex
of the Far East in modern conditions of managing**

Аннотация

В данной статье автор осуществил теоретическую проработку проблем промышленного развития Дальнего Востока на основе целевого подхода и использования современных моделей государственного управления.

Ключевые слова

Промышленный комплекс; регион; государственное управление; социально-экономическое развитие.

Annotation

In this article the author carried out theoretical study of problems of industrial development of the Far East on the basis of target approach and use of modern models of public administration

Keywords

Industrial complex; region; public administration; social and economic development.

На современном этапе общественного развития одной из ведущих задач в сфере российской экономики является формирование промышленного комплекса страны, конкурентоспособного на мировом рынке. Достижение данной цели обращает нас к необходимости оценки состояния и эффективности управления промышленными предприятиями регионов, где особое положение на рынке ресурсов занимает Дальний Восток. Говоря о социально-экономическом развитии Дальнего Востока, нельзя не отметить тот факт, что территория рассматриваемого региона отличается богатством недр, а именно наличием крупнейших месторождений углеводородов, гелия, угля, золота, меди, алмазов, редких металлов и других полезных ископаемых¹.

**Общая характеристика промышленного
комплекса Дальнего Востока (по отраслям):**

Рыболовная и рыбообрабатывающая промышленность. Почти половину улова ассортимента промысловых рыб и морского зверя дает Приморский край, около 2/5 улова — Камчатка и Сахалин. В целях улучшения ассортимента промысловых рыб и прежде всего увеличения количества лососевых, которыми особенно богат Дальний Восток, между Россией и Японией заключено специальное соглашение. В Камчатской и ряде других областей созданы заводы по искусственному разведению особо ценных пород. В Камчатской области ведется лов крабов и создано крабоконсервное производство, продукция которого высоко ценится на мировом рынке.

Лесная и деревообрабатывающая промышленность. Промышленные предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности Дальнего Востока производят заготовку 5—8 млн м³ древесины, что составляет менее 0,1 расчетной годичной лесосеки. Следовательно, данный регион обладает значительными резервами для увеличения лесозаготовок. Обратим внимание, что свыше 70% древесины (главным образом лиственница, ель, кедр и пихта) заготавливают Хабаровский и Приморский края.

Металлургический промышленный комплекс. Включает горнорудную промышленность, представленную добычей алмазов, вольфрамовых, оловосодержащих, свинцово-цинковых и других

¹ Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток : Дальнаука, 2001; Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М. : Экономика, 2006.

руд, а также предельную черную металлургию. Следует отметить, что к старейшим отраслям хозяйства края относится золотодобыча, которая носит очаговый характер. Сегодня Магаданская область и Якутия дают 2/3 всего золота в России. Важное значение для региона имеют Комсомольский металлургический завод, Южно-Якутский ТПК и некоторые другие.

Комплекс машиностроения и металлообработки. В состав комплекса машиностроения и металлообработки входят крупнейшие отрасли индустрии Дальнего Востока, на долю которых сегодня приходится около 7% стоимости всей промышленной продукции. По сути, машиностроение получило развитие лишь в Амурской области, Приморском и Хабаровском краях, а в некоторых других областях, в том числе и Якутии, налажены ремонтное дело и производство некоторых запасных частей для машин и техники местного хозяйства.

Оборонная промышленность. На сегодняшний день, по оценкам экспертов, предприятия оборонной промышленности теряют свой потенциал. Данное положение выражается, на наш взгляд, в старении производственной базы, где износ основных производственных фондов в среднем составляет 70%, почти половина оборудования изношена на все 100%, 40% станков и другого оборудования выпущены 20 и более лет назад. При этом загрузка предприятий не превышает 20—25%.

Промышленность строительного комплекса. Представлена цементными заводами в Сахалинской области, Приморском и Хабаровском краях, заводами железобетонных конструкций и строительных деталей, предприятиями по производству стройматериалов, расположенных в крупных городах региона. Однако, по оценкам экспертов, масштабы развития отрасли пока недостаточны.

Общемировое значение ресурсного потенциала Дальнего Востока обуславливает внимание ведущих экономистов к эффективности управления его промышленным комплексом как единой совокупности промышленных предприятий, размещенных на территории региона и интегрированных с другими отраслями производственной и непромышленной сфер.

Обращаясь к официальным материалам, отметим, что промышленные предприятия данного региона имеют следующие финансовые результаты: сальдо прибылей и убытков, по данным за 11 месяцев 2010 г., составило +26,276 млрд руб. С прибылью сработали все регионы, но с особой эффективностью функционируют предприятия Якутия (+29% к соответствующему периоду 2009 г.), промышленные

Таблица. Удельный вес основных отраслей промышленности в общем объеме промышленного производства Дальнего Востока в % за 2010 г.

	Электро-энергетика	Топлив-ная	Цветные металлы	Машино-строение и металло-обработка	Лесная и дерево-обработы-вающая	Легкая	Пищевая
Якутия	13.2	10.5	67.8	0.5	1.1	0.3	1.7
Приморье	29.2	2.9	3.0	10.3	7.2	1.4	36.2
Хабаровский край	13.4	3.8	11.3	40.4	10.7	0.3	11.4
Амурская область	37.7	3.8	23.2	6.1	7.4	0.3	9.4
Камчатская область	24.3	0.3	7.6	4.2	0.5	0.3	60.6
Магаданская область	23.5	1.1	60.7	0.8	0.3	0.004	12.5
Сахалинская область	11.7	45.6	—	1.2	1.7	0.1	36.2
ЕАО	18.6	1.2	4.6	15.4	16.9	8.7	2.6
Чукотская область	31.5	6.6	44.7	—	—	—	17.0

предприятия Хабаровского края (22%), Приморья (13%), Сахалина (10%). Вместе с тем удельный вес убыточных промышленных предприятий региона продолжает оставаться достаточно высоким, а это чуть менее половины от числа действующих. В том же Хабаровском крае таких предприятий 37%, а в Корякском автономном округе данная цифра доходит до 70%¹.

Несмотря на сложившееся в промышленном комплексе Дальнего Востока положение, объем иностранных инвестиционных вложений в экономику данного региона непрерывно растет, а средняя динамика данного показателя составляет около 13,4%, или 6,79 млрд. По количеству инвестиций, несомненно, лидирует Сахалинская область — 79,7% инвестиций, Якутия — 12,8%, Хабаровский край — 4,2% и т.д.

Следует отметить, что особую активность инвестиционные программы по обустройству и формированию комплексной производственной, транспортной, перерабатывающей инфраструктуры получили в 2003—2005 гг. в рамках реализации проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2». Уже в 2008 г. по обоим проектам была обеспечена добыча свыше 15 млрд м³ природного газа и более 17 млн т сырой нефти. Данные факты говорят о трехкратном увеличении валового производства первичных ТЭР на Дальнем Востоке².

В контексте реализуемой государством промышленной политики в качестве перспективных направлений развития промышленного комплекса Дальнего Востока предусматриваются:

- 1) активное наращивание темпов роста отраслей специализации;
- 2) формирование наилучших условий, в частности, социально-бытовой инфраструктуры для притока и закрепления профессиональных кадров;
- 3) становление и развитие высокоэффективной рыночной экономики на основе эффективных организационных структур;
- 4) расширение торгово-экономических связей не только на российском рынке, но и с соседними странами посредством ускоренного развития производств для экспорта³.

¹ Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск : ДВО РАН, 2010.

² Меламед И.И. Стратегия развития Дальнего Востока России: Монография. М. : Современная экономика и право, 2008; Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск, 2010.

³ Меламед И.И. Стратегия развития Дальнего Востока России: Монография. М., 2008.

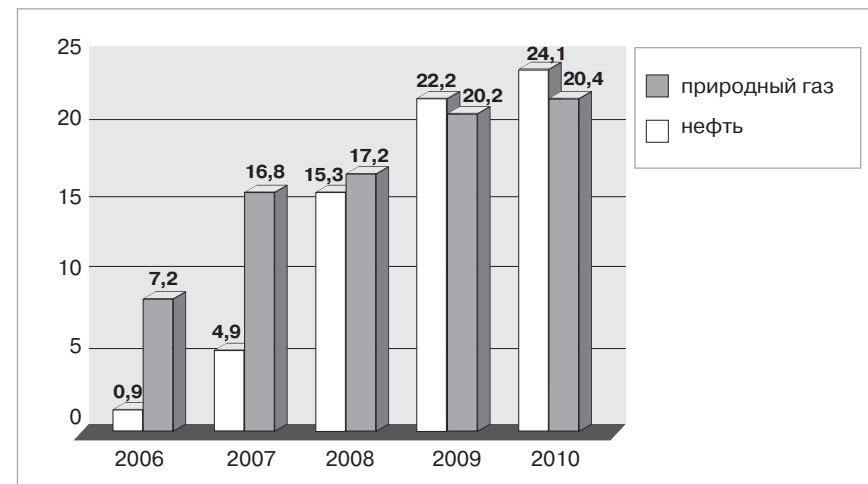

Рисунок. Добыча природного газа и сырой нефти по проектам «Сахалин-1», «Сахалин-2»

Реализация заявленных приоритетов подкреплена долгосрочной президентской программой социально-экономического развития Дальнего Востока, а также формированием свободных экономических зон в районах г. Находки и о. Сахалина. Для целей подготовки практических мероприятий программы при участии РАО «ЕЭС России» был осуществлен анализ роста потребления на период до 2015 г., в основу которого была заложена информация о планах развития ряда отраслей промышленности данного региона и конкретных действиях крупнейших корпораций и предприятий промышленного комплекса России.

Библиография

1. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток, 2001.
2. Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток : Дальнаука, 2003.
3. Меламед И.И. Стратегия развития Дальнего Востока России: Монография. М., 2008.
4. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М., 2006.
5. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск, 2010.
6. Экономическое обозрение Дальневосточного региона. — 2006. — № 10.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

СИДОРОВА-СЛЮСАРЕНКО

Татьяна Витальевна,
кандидат искусствоведения,
редактор-консультант
программ по искусству,
ГТРК «Культура»
tatyana.vita.64@gmail.com

Бидермайер: буржуазный стиль или высокая классика? / Biedermeier: «burgher» style or noble classics?

Аннотация

Статья посвящена достаточно дискуссионной теме «русского бидермайера». В отечественном искусствоведении по сей день не стихают споры, насколько правомерно говорить об этом немецко-бюргерском стиле применительно к русскому искусству. На основе новейших данных, полученных западными специалистами, а также непосредственного анализа произведений русской и зарубежной живописи автор стремится очистить бидермайер от штампов «бескрылости», «бюргерства», показать, что этот стиль имел весьма благородное происхождение и — как общая историко-культурная тенденция — оказал существенное воздействие и на русское искусство.

Ключевые слова

«Русский бидермайер»; «высокий» бидермайер; действенно-сюжетный бидермайер; эпоха Реставрации; классицизм; буржуазия; бюргерство; Венецианов; венециановская школа; Вальдмюллер; Керстинг; Экерсберг; Кебке.

Annotation

The article is devoted to quite controversial topic — «Russian biedermeier». The problem of correlating this «burgher» style with Russian painting has been hotly-debated by the domestic art-

researchers. Based on the latest information, obtained by Western experts, and on a thorough analysis of Russian and foreign painting, the author tries to free biedermeier from cliché «uninspired», «burgher» and to prove, that biedermeier as a style had rather noble origins — that's why it could influence the Russian art as well.

Keywords

«Russian biedermeier»; «noble» biedermeier; biedermeier with a plot; bourgeois; burghers; Restaurationsepoche; classicism; A.G. Venetsianov; Venetsianov's school; F.G. Waldmüller; G.F. Kersting; K.W. Eckersberg; K. Koebke.

В последние годы в российском искусствоведении — в силу целого ряда причин — резко вырос интерес к «домашне-предметному» стилю бидермайер, до сего времени остававшемуся, так сказать, на обочине исследовательских процессов. Искусству бидермайера посвящают выставки, конференции, специальные труды, главы в учебниках¹. И — как это нередко бывает на первых порах освоения нового явления — не стихают споры: о сущностных сторонах бидермайера, о его отношении к салонному и массовому искусству, о временных и географических рамках... Последнее для нас особенно важно — ведь от «географии» бидермайера зависит ответ на вопрос, в какой мере это, в общем-то, западное явление затронуло Россию и насколько правомерно говорить о «русском бидермайере».

В свое время тема «русского бидермайера» выдвигалась Н.Н. Коваленской, а затем была активно поддержана Д.В. Сарабьяновым², однако по сей день в российских искусствоведческих кругах данное явление воспринимают с большой долей настороженности³. Не

¹ См., в частности, труды на эту тему Д.В. Сарабьянова, Е.Д. Федотовой, Л.А. Маркиной, В.И. Раздольской, а также журналы «Пинакотекa». — 1998. — № 4; «Русская галерея». — 2000. — № 1—2; каталоги выставок «Бидермайер. Из коллекций князя Лихтенштейнского», 2009, «Датские мастера. 1800—1850» — Москва, 2011, материалы конференции «Russian and German Biedermeier. Dialogue and Comparison» — Таллин, 2011.

² Коваленская Н.Н. Русский жанр накануне передвижничества // Русская живопись XIX века. М., 1929. Сарабьянов Д.В. Художники круга Венецианова и немецкий бидермайер // Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980.

³ М.М. Алленов и С.М. Даниэль, характеризуя русское искусство первой половины XIX в., не используют термин «бидермайер», при этом употребляя

последнюю роль здесь, по-видимому, сыграл и идеологический фактор: ведь долгое время бидермайер воспринимался у нас как сугубо бюргерский стиль, «проявление бескрылого буржуазного мышления», принципиально чуждого русскому искусству. Однако, как показали исследования последних десятилетий, «бескрылость», «буржуазность» бидермайера — не более чем стойкие клише, удобные в теоретическом «обиходе», но не имеющие ничего общего с реальным положением дел. Откуда же взялись эти клише и что представляет собой в реальности данный стиль? Попробуем ответить на эти вопросы и тем самым прояснить — с наших позиций — проблему «русского бидермайера».

Итак, как известно, слово «бидермайер» возникло в Германии в середине XIX в., когда воздух в стране был буквально пропитан «духом перемен» и презрительно-насмешливым отношением к отживающей бюргерской культуре эпохи Реставрации. На волне этих настроений и придумали два друга-литератора некоего бюргера — деревенского учителя по фамилии Бидермайер (в переводе — «добропорядочный господин Майер»), от имени которого стали печатать пародии на тривиально-чувствительные стихи уходящей эпохи. Быть добрым и чувствительным отныне стало неактуальным — слово «бюргер», означавшее до этого просто «горожанин», и его синоним «бидермайер» отныне стали ассоциироваться с образом поэтического, но ограниченного обывателя, ютящегося на задворках истории.

Однако последующая эпоха коренным образом переосмыслила явление «бидермайер», избавив его от прежних — уничижительных ассоциаций: в конце XIX в., когда поутих революционный запал, а грядущий XX в. пугал неизвестностью, тот самый «затхлый бюргерский мирок» постепенно стал трактоваться как «мир естественного, честного бюргерства» и даже противопоставляться «поверхностным, претенциозным идеалам аристократии»¹. Бидермайер, уже не как имя собственное, а как специальный термин, стал характеризовать

весьма близкие по смыслу понятия: «бытовой романтизм», «романтический дилетантизм», «интимная человекосоразмерность». — См.: № 1, 3 прилагаемой библиографии. С.С. Степанова же, характеризуя русскую живопись второй трети XIX в., вообще сомневается в корректности термина «бидермайер» по отношению к русскому искусству (см. № 6).

¹ См. об этом: Ottomeyer H. «Von Stilen und Staenden in Biedermeierzeit» // Biedermeiers Glueck und Ende. ... die gestoerte Idylle 1815—1848. Katalog der Ausstellung. Muenchen, 1987. С. 93.

удобную, добротную мебель, а затем и бесхитростно-поэтичную — преимущественно немецко-австрийскую живопись эпохи Реставрации, в которой усматривали предтечу реализма. Впоследствии к бидермайеру стали причислять датское искусство¹.

Однако к середине столетия бидермайер пережил еще одну смену взглядов: в силу разных причин его стали рассматривать как проявление буржуазно-капиталистической культуры со всеми вытекающими отсюда последствиями — прямолинейностью, очевидностью в интерпретации действительности, отсутствием подтекста, культом вещей и т.п. Это стало очередным клеймом или, если угодно, мифом данного стиля.

Решительный перелом в понимании бидермайера произошел в 1980-е гг., когда случилось несколько важных событий. Во-первых, с огромным триумфом прокатилась по миру выставка «Золотой век датской живописи», открывшая широкому зрителю датский бидермайер с его удивительной красотой и поэтичностью. Во-вторых (и это, пожалуй, главное), в 1987 г. в Вене и Мюнхене были воплощены в жизнь два фундаментальных выставочных проекта, посвященных искусству бидермайера². Их организаторам на основе новых фактов удалось убедительно доказать, что этот бюргерский стиль имел на деле достаточно *высокое — аристократическое* — происхождение и его идеи витали в воздухе задолго до того, как он широко распространился в средних слоях населения. В частности, оказалось, что мебель 1820—1830-х гг., традиционно относимая к бидермайеру, на самом деле была изготовлена на пятнадцать — двадцать лет раньше и при-

¹ В качестве примеров «высокой» бидермайеровской живописи можно назвать замечательно тонкие картины австрийца Э. Энгерта («Девушка в саду», 1828), датчанина Э. Беренцена («Семейство Винтер», 1830), немецких мастеров Г.Ф. Керстинга («Молодая женщина, вышивающая у окна», 1827), Р.Ф. Васмана («Портрет сестры», 1822) и др., однако, не имея возможности в рамках короткой статьи показать данные произведения, отсылаем читателей к иллюстрированным каталогам выставок: «Biedermeier. Die Erfindung der Einfachkeit». Milwaukee, 2006, «Датские мастера. 1800—1850». Копенгаген, 2011, а также к трудам В. Гайсмайера (W. Geismeyer. Biedermeier. Leipzig, 1979), Г. Фродля (G. Frodl. Wiener Malerei der Biedermeierzeit. Hamburg, 1987), К. Монрада (K. Monrad. The Golden age of Danish Painting. Los Angeles. New York, 1994), Е.Д. Федотовой (Бидермайер. М., 2005), снабженным большим количеством иллюстраций.

² Венская выставка «Бюргерское чувство и протест — бидермайер и предмартовский период в Вене 1815—1848 годов» и мюнхенский проект «Бидермайер: счастье и конец... Нарушенная идиллия 1815—1848».

надлежала аристократическим фамилиям и лишь затем, с течением времени, распродавалась, попадая, таким образом, в бургерские дома. Кроме того, исследователи установили, что крупными центрами бидермайеровского искусства были не столько провинциальные города (с которыми традиционно связывают стиль бидермайер), сколько столицы и княжеские резиденции: Вена, Берлин, Мюнхен, Веймар, Кассель...

С точки зрения общеэстетических установок эпохи такое высокое происхождение стиля кажется вполне допустимым. Вспомним, что в последней трети XVIII в. рационалистический взгляд на мир, наряду с идеалами Природы и Простоты, окончательно овладевает умами аристократии. Монархи и представители высших слоев общества, выросшие на идеях Руссо и в атмосфере мощного прорыва в науке, стремятся к простоте — в образе жизни, общении с подданными, многие из них занимаются науками, осваивают ремесла, собирают специализированные коллекции¹. Пышность, выпячивание своего положения и богатства становятся в среде аристократии дурным тоном. Эти установки в еще большей степени укрепляются после Французской революции и наполеоновских войн, когда терпят крах высокопарные гражданские идеи и возрастает значимость *отдельного человека*. Особенно явно эти настроения ощущаются в консервативно настроенных немецкоязычных государствах, где гражданским свободам всегда предпочитали внутреннюю свободу личности, способной гармонично выстраивать — пусть не жизнь всего человечества! — но свою собственную жизнь.

Таким образом, возвращаясь к пониманию бидермайера в разные исторические эпохи, начиная с 1980-х гг. данное явление рассматривается уже отнюдь не как продукт мелко-бургерской или усредненно-буржуазной направленности, но как «высококультурный стиль, выражающий взыскательный поиск простых и ясных форм и уходящий своими корнями в XVIII столетие»². При этом за стилем сохраняется

¹ См. статью В. Хойслера, рассказывающую об ориентированном на простоту образе жизни немецкоязычных правителей Иосифа II, Фридриха Вильгельма II, Карла IV Теодора (Haeusler W. Versuch ueber die Einfachheit oder: die Ordnung der Vielfalt in Politik, Bildung und Kunst der buergerlichen Gesellschaft // Biedermeier. Die Erfindung der Einfachheit. Milwaukee, 2006. С. 97—119). В связи с этим вспоминается и Екатерина II, охотно демонстрировавшая свою просвещенность и так называемую народность.

² Winters L. Wiederentdeckung des Biedermeier // Biedermeier. Die Erfindung der Einfachheit. Milwaukee, 2006. С. 39.

его изначальное название — «бидермайер», и западных специалистов это не смущает: как справедливо заметил крупнейший специалист в данной области Х. Оттомайер, почему-то никому не приходит в голову связывать стиль «готика» с искусством готов — зато бидермайер на основании одного только названия продолжают упорно связывать с идеалами измельчавшего бургерства или прагматичной буржуазии¹.

Теперь зададим вопрос: мог ли бидермайер, означающий «взыскательный поиск простых и ясных форм», быть свойственным и России? На наш взгляд, вполне. Ведь, как мы знаем, в период Реставрации российское государство, объединившись с немецкоязычными странами (и примкнувшей к ним Данией) под флагом общей консервативно-охранительной политики, всецело разделяло с ними идею о том, что «освобождение души через просвещение должно предшествовать освобождению тела через законодательство»². И в этом просвещении души большие надежды возлагались на так называемый простой образ жизни: дом, семью, круг друзей, творческие занятия. Подчеркнем, что приоритет скромности распространялся и на правителей — именно в их адрес Гете бросил свою известную фразу: «Властитель отныне — лишь первый среди государственных служащих». В какой-то степени этим ориентиром следовал Александр I и уж тем более Николай I, называвший себя «первым слугой своего государства» и придававший большое значение частному, домашнему пространству как месту воспитания и формирования «достойных граждан». Понятно, что по сравнению с более демократичными немецкими государствами и Данией, в самодержавной России (и отчасти в Австрии) эти ориентиры нередко носили казенно-показной характер. Однако в данном случае мы говорим об общих духовно-ценностных установках времени.

Впрочем, приведенные выше аргументы — все же косвенные доказательства возможности бидермайера на русской почве. Обратимся же к прямым источникам — непосредственно к бидермайеровской живописи — и посмотрим, в какой степени вливаются в ее русло произведения отечественных художников.

¹ Ottomeyer H. «Verweile doch! Du bist so schoen!..» Ursprung und Entwicklung des Begriffes Biedermeier // Proceedings of the Art Museum of Estonia. Baltic Biedermeier. Panoramas and Introspections. 1 [6] 2011. Tallinn, 2011. С. 38.

² Примечательно, что эти слова С.С. Уварова почти дословно совпадают с размышлениями Ф. Шиллера, считавшего, что переходу государства к законности должно предшествовать «возвышение человека до разумности». — См.: Ф. Шиллер «Письма об эстетическом воспитании» (1793 г.).

На сегодняшний день лучшим периодом в живописи бидермайера исследователи считают временной промежуток 1810—1830-е гг., после чего — в 1840—1850-х гг. ядро стиля, по их мнению, начинает размываться¹. Произведения раннего (или, как его иногда называют, «высокого») бидермайера отличает целый ряд особенностей. Родное, близлежащее пространство — домашний интерьер, мастерская, знакомая улица или пейзаж — становится предметом внимания художников и средой их обитания. Но даже далеко от дома, в той же Италии, живописцы отныне ищут не абстрактно-прекрасные образцы для подражания, а интересные именно им уголки, близкие только им ракурсы — таким образом вживаясь в незнакомую среду, делая ее своей, близкой (как, например, уголки Рима, изображенные на камерных, поэтичных и совершенно «непафосных» картинах Х. Райнхольда, Ф. Седринга, К. Хансена).

Живопись бидермайера принципиально камерна, антирепрезентативна: и в этом смысле, сколь бы ни разнились в отношении индивидуального, авторского стиля бытовые зарисовки немецких, датских, русских мастеров², их все отличает атмосфера уюта, созерцательности и бессобытийности: любовно выписанные детали, теплый колорит, стройная, уравновешенная композиция, а в качестве героев — нередко родные и друзья художников.

Все сказанное распространяется в известной мере и на Венецианова (творчество которого, бесспорно, не замыкается рамками бидермайера), достаточно сравнить его «Утро помещицы» (1823) с «Портретом сестры художника» (1830) датского мастера К. Кебке: в обеих картинах царит ощущение удивительной прозрачности, незамутненности передаваемого ими художественного мира, только у Кебке больше щемящей недосказанности, а у Венецианова — напротив, радостного приятия жизни, любования красотой малого.

Малое, повседневное в живописи бидермайера всегда очень конкретно. Желание схватить жизненно-конкретное ядро действительности проступает в устремленности художников на пленэр, в их

¹ См.: Winters L. Wiederentdeckung des Biedermeier // Biedermeier. Die Erfindung der Einfachheit. Milwaukee, 2006. С. 39.

² Отсылаю к работам Г.Ф. Керстинга («Перед зеркалом», 1827), Й.Э. Гуммеля («Гранитная чаша в городском саду», 1831), К. Кебке («Вид Остербро при утреннем освещении», 1836), К.А. Зеленцова («В комнатах», 1820), Е.Ф. Крендовского («Александровская площадь в Полтаве», 1830-е). — См. перечисленные выше издания — № 5 библиографии.

точных зарисовках состояний природы, в скрупулезной передаче предметного мира, в фиксации индивидуально-характерных черт модели (если это портрет). С особым, заинтересованно-внимательным восприятием окружающего мира связана и определенная созерцательность бидермайеровских картин: поступки и мотивации персонажа интересуют художников далеко не в той мере, в какой их интересуют его внешние объективно-предметные характеристики. Люди и вещный мир в произведениях бидермайера сделаны словно «из одного теста»: все одинаково тщательно проработаны и представлены как своего рода *Stilleben* — «тихая жизнь» вещной природы. По сравнению с просветительским классицизмом, человек в живописи бидермайера перестал позировать, «играть на публику» — стал *вещью в себе*, ушел в свою внутреннюю жизнь, которая пока загадочна даже для него самого.

Если мы сравним отдельные работы А.Г. Венецианова, его учеников А.Г. Денисова, А.В. Тыранова с произведениями австрийца Э. Энгерта, датского художника В. Бендца, немецкого мастера Вильгельма Гропиуса, то, при всех различиях сюжета, места действия, количества персонажей и, главное, авторского стиля, заметим одно общее свойство: герои всех этих картин находятся в некоем заторможенно-завороженном состоянии. Даже в сценах, где персонажи как будто бы объединены общим действием, они кажутся разобщенными, ушедшими каждый в свой мир. Повседневная жизнь в живописи бидермайера предстает несуетной, сосредоточенной, и это придает ей особую высоту, которая не имеет ничего общего с высокопарной классицистической идеализацией.

Однако — и это очень важно! — видоизменяя классицистическую традицию, бидермайер ни в коем случае с ней *не порывает*: при очевидном стремлении к *индивидуально-неповторимому*, в нем остается ориентация на *высокое, всеобщее*: малое рассматривается как упорядоченный микрокосмос, где царит та же гармония, что и в макрокосмосе. Что характерно: в постижении этих всеобщих законов простоты и целесообразности бидермайеровским мастерам во многом помогает научная, практическая деятельность, к которой они испытывают большую тягу. Так, немецкий живописец И.А. Кох увлечен геологией, его коллега К.Г. Карус — медициной, датский мастер К.В. Экерсберг — механикой и мореплаванием, А.Г. Венецианов — сельским хозяйством и агрономическими опытами. Но и непосредственно в своем искусстве представители бидермайера

также практикуют научно-объективные методы: в частности, придают большое значение законам перспективы. И люди, и предметы, благодаря такому индивидуально-объективному подходу, предстают в живописи бидермайера частью единой рациональной и вместе с тем одухотворенной среды.

В свете всего сказанного поистине поражает сходство исканий датчанина Экерсберга и русского художника Венецианова, судя по всему, даже не подозревавших о существовании друг друга! Оба самостоятельно пришли к необходимости посвятить свое искусство темам повседневной жизни, оба сделали это своим принципиальным творческим методом, что послужило им основой для создания собственных школ. «Вы всегда хотите делать все лучше господ Бога. Право же, будьте довольны, если вам удастся сделать не хуже его!» — говорил своим ученикам Экерсберг. «Ничто так не опасно, как поправка натуры», — вторил ему Венецианов¹. И тот, и другой сочетали работу на пленэре с научным подходом к действительности, в частности, придавали огромное значение вопросам перспективы и оставили труды на эту тему, при этом определяющую роль отводили «духовному зрению», эстетическому кругозору художника. Совпадение творческих интересов русского и датского мастеров прослеживается даже в мелочах: так, оба искали способы наиболее точной передачи облаков (сохранились их схемы, этюды, разъяснения по этому поводу). Наконец, удивительно похож их облик на портретах — умный, пронизательный, бесстрашно-пытливый: сравним известный «Портрет А.Г. Венецианова», выполненный С.К. Зарянко, с «Портретом художника Кристофера Вильяма Экерсберга» кисти К.А. Йенсена.

На втором этапе бидермайера (1840-е — начало 1850-х гг.), как уже было сказано, ядро стиля начинает размываться: все большую часть картинного пространства завоевывает предметный мир. Правда, в живописи одного из самых одаренных учеников Венецианова Г.В. Сороки все еще царит высокий бидермайер: вещная среда в его интерпретации приобретает щемяще-романтические черты — предстает едва ли не как последний оплот духовности, отдавая часть своей красоты даже миру людей. В то же время в других произведениях вещный мир постепенно начинает замещать собой свето-воздуш-

¹ См.: Berman P. In Another Light: Danish Painting in the Nineteenth Century. Thames & Hudson, 2007. С. 137. Венецианов А.Г. Нечто о перспективе // Венецианов А.Г. Статьи. Письма. Современники о художнике. Л., 1980. С. 60.

ную целостность, колористическую обобщенность, композиционное единство — поглощая глубину картины, торжественно представляя на первом (по сути, единственном!) плане, как на витрине. Таковы некоторые «безвоздушные» цветочные натюрморты (поздний Вальдмюллер, И.Т. Хруцкий), но таковы и портреты, гордые своей победительной иллюзорностью: модели, ставшие частью сугубо материальной среды (см. работы Ф. Амерлинг, того же Ф.Г. Вальдмюллера, С.К. Зарянко) — по сути, это уже не бидермайер, а, скорее, салонная живопись.

Однако бидермайер видоизменяется и в другую сторону: под воздействием неуклонно набирающих силу реалистических тенденций в нем усиливается действенно-сюжетное начало — гармония жизни превращается либо в «благие примеры» хороших поступков (морализующие сценки австрийского мастера П. Фенди), либо — как действие от противоположного! — в демонстрацию того, что нельзя и что плохо (обличительные картины австрийца Й. Данхаузера). Таким образом, театрализация и назидательность классицизма, которую всячески отрицал ранний бидермайер, возрождается на новом уровне, особенно это проявляется в австрийской живописи.

В то же время в рамках действенно-сюжетной живописи можно найти проявления прежнего, высокого бидермайера с его неизменно поэтическим восприятием повседневности, однако обогащенного новыми, в частности, комическими элементами: таковы ностальгическая ирония в произведениях немецкого мастера К. Шпицвега или всепрощающий смех и радостное приятие жизни в картинах П.А. Федотова (мы не затрагиваем здесь поздний период федотовского творчества, свидетельствующий о резком сломе его светлого мировосприятия) — несмотря на обличительные намерения данного художника, мы относим его к типичным представителям бидермайера: это проступает и в самих федотовских типах («писанных с любовью и нежностью», как заметил еще А.Н. Бенуа), в красоте и отточенности предметного мира; в стройной отшлифованности композиции — и в целом в глубоко увлеченном, любовно-заинтересованном отношении художника к действительности, которую он вроде как критикует (это особенно заметно при сравнении картины Федотова с обличительной сценой Данхаузера).

Обобщая все вышесказанное, хотелось бы подчеркнуть, что именно *общая* бидермайеровская платформа, очищенная от клише и мифов, позволяет особенно отчетливо разглядеть национальную, индивидуальную специфику различных художников, а значит, по-новому

посмотреть на их творчество. Так, у русских мастеров бидермайер предстает более антропоцентричным, нежели в искусстве их западных коллег: это заметно в произведениях венециановцев и тем более в творчестве их учителя¹. По сравнению с объемно-телесной и вместе с тем колористически тонкой передачей объектов действительности, которые отличают венециановцев, творчество немецко-австрийских мастеров кажется более графичным, архитектурно-рациональным, нередко являя собой загадочную двойственность чертежа и действительности, знака и реальности. Портретное творчество Тропинина, не в последнюю очередь в силу весьма ощутимых в России традиций сентиментализма, предстает более эмоциональным по сравнению с бесстрастно-пластическими изображениями немецко-австрийских художников. А портреты датских мастеров отличаются хрупкой линейностью и характеристичностью... Разумеется, это далеко не все отличия — их можно называть и называть. Но сейчас важно другое.

Именно всесторонний, объективный подход к бидермайеру обнаруживает, что это не «узкий бюргерский мирок», не буржуазная салонность, не культ вещей (в противовес жизни духа), а нечто иное: стремление заново открыть гармонию мира через индивидуально-предметное соприкосновение с действительностью, ощутить всеобщее через частное. Таков был поворот духовно-эстетической мысли, свершившийся на рубеже XVIII—XIX вв. и в наибольшей степени проявивший себя в первой половине XIX столетия в искусстве бидермайера. В свете всего сказанного явление «русский бидермайер» уже не кажется столь чуждым отечественному менталитету. Другое дело, что этот феномен содержит в себе еще немало проблем и противоречий, которые ждут своего разрешения.

Библиография

1. Алленов М.М. История русского искусства. XVIII — начало XX века. М., 2008.
2. Венецианов А.Г. Статьи. Письма. Современники о художнике. Л., 1980.
3. Даниэль С.М. Европейский классицизм. СПб., 2003.

¹ Человек в его духовно-телесной гармонии и укорененности в землю (понимаемую как Космос) стоит в центре венециановских полотен, и в этом проявляется связь художника с этическими заветами русского классицизма, а также, по мнению Сарабьянова, с восточнохристианской традицией с ее учением о «святой телесности». — См.: Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998. С. 74.

4. Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998.
5. Сарабьянов Д.В. Художники круга Венецианова и немецкий бидермайер // Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980.
6. Степанова С.С. Русская живопись второй трети девятнадцатого века. Личность и художественный процесс. Автореферат докт. дис. 2009.
7. Федотова Е.Д. Бидермайер. М., 2005.
8. Biedermeiers Glueck und Ende. ... die gestoerte Idylle 1815—1848. Katalog der Ausstellung. Muenchen, 1987.
9. Biedermeier. Die Erfindung der Einfachkeit. Milwaukee, 2006.
10. Frodl G. Wiener Malerei der Biedermeierzeit. Hamburg, 1987.
11. Geismeyer W. Biedermeier. Leipzig, 1979.
12. Monrad K. The Golden age of Danish Panting. Los Angeles; New York, 1994.

*ДРАНИЦЫНА Марина Николаевна,
соискатель кафедры теории литературы
и литературной критики,
Литературный институт имени А.М. Горького,
член СП России
dmn-mari@rambler.ru*

Поэтика иронии Андрея Белого / Poetics of irony of Andrei Bely

Аннотация

Самое субъективное и интимное свойство художника — ирония становится способом художественного воспроизведения действительности, посредством которого автор разрушает инерцию привычного, обыденного восприятия исторических явлений и предметов.

Ключевые слова

Ирония; каламбур; карикатурные образы.

Annotation

The most subjective and intimate quality of an artist: the structure of his eye, the set of his soul, demanding a conceptual vision, language intuition and wit — irony becomes a means of artistic perception of reality, with the help of which an author ruins the inertia of habitual perception of phenomena and objects.

Keywords

Irony; play of words; grotesque images.

Проникновение иронии в творческую и мировоззренческую системы различных писателей — это своеобразное проявление квинт-эссенции времени, формирующейся под воздействием социальной

реальности. Каждая конкретная эпоха формирует определенный тип мыслящей и творящей личности, и, если ирония представляет собой духовный акт человека, можно говорить о некоей временной и исторической обусловленности возникновения иронического мировоззрения. В живой ткани художественного произведения такое мировоззрение улавливается не всегда. Подчас авторская ирония настолько завуалирована, что распознать и идентифицировать ее в тексте бывает непросто: «В искусстве слова ирония — категория подчас трудноуловимая, нередко граничащая с шутивостью (...). Общие словарные дефиниции иронии как эстетической категории: “скрытая насмешка”, “риторический троп”, “фигура речи” и др. — можно использовать для анализа конкретного текста как опорные определения, которые необходимо всякий раз детализировать с учетом поэтики описываемого произведения»¹. Поэтика иронии А. Белого диверсификационна. Семантические «сломы», парадоксы, резкие тропы, придающие остроту и желчь стилю, — все это знак специфики иронии А. Белого, определенной им самим как «стилистика бреда, превращенная в сплошной каламбур»². А. Белый — тонкий иронист, владеющий богатейшей стилиевой палитрой, смелым, язвительным языком. Путем пародийной стилизации он сознательно выставляет напоказ свою подчиненность Гоголю. Иронично описывая город, А. Белый в гоголевской манере преувеличенной серьезности преподносит читателю различные сведения о Петербурге, намеренно заостряя внимание на Невском проспекте, путая и отвлекая читателя, используя прием «задержания». С «Пролога» иронизируя над позицией имперского тщеславия, А. Белый дает историю Петербурга, которая, как и всевозможные представления об этом городе, является и реальной, и мифогенной, одновременно иронически имитируя ход мысли, характерный для многих серьезных исторических трудов того времени. Несмотря на то что «как юморист он в русской литературе имеет себе равного разве только в Гоголе»³, А. Белый не пытается воспроизводить гоголевские формы воплощения смешного. Смех не свойственен поэтике произведений А. Белого, а ироническое мировидение настолько субъективно, что скопировать и повторить

¹ Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции. Тарту, 2010. С. 214.

² Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934. С. 304.

³ Аскольдов С. Творчество Андрея Белого // Литературная мысль. Альманах 1. Пг., 1922. С. 82.

его довольно сложно. «Можно изобразить “под Гоголя” Невский проспект, увидеть его, как Гоголь, нельзя»¹. А Белый и не стремится это сделать. Ему как сознающему свою силу художнику не нужно видеть чужими глазами. Воздействие Гоголя на А. Белого заметно и в патетике, и в иронии, но А. Белый преувеличивает гоголевскую манеру, пародируя ее, «намеренно стилизует себя под Гоголя, чтобы уже в пародии дать обобщенный и стремящийся к еще большему обобщению образ пошлости»². Все это «есть итог увлечения прозой Гоголя до усиления ее реставрировать»³.

Создавая литературные аллюзии, А. Белый разрабатывает уже известные образы по-своему. На страницах романа по главному проспекту Петербурга ходят не совсем гоголевские персонажи: «у Гоголя по Невскому бродят носы, бакенбарды, усы; у Белого бродят носы “утиные, орлиные, петушинные”; бредут “котелок, трость, пальто, уши, нос и усы”»⁴; не совсем пушкинский Медный всадник скачет по городу и, сойдя с коня, приходит в гости к революционеру Дудкину на чердак. А. Белый намеренно заставляет читателя вспомнить несчастного Евгения, больному воображению которого мнится, что за ним на «звонко-скачущем коне» гонится, покинув постамент, Петр I; вспоминает читатель и пришествие Каменного гостя к циничному Дону Жуану. И тут же совершенно неожиданно ломаются такие серьезные пушкинские образы. Вместо них появляется некая пародия: «металлическим задом своим гулко треснул по стулу литой император; и зеленеющий локоть всей тяжестью меди валился на стол колокольными звуками; медленно снял с головы император свой медный веночек; лавры грохотно оборвались. И бряцая, и дзаякая, докрасна раскаленную трубочку повывинчивала рука; и — указывала глазами на трубочку; и — подмигнула на трубочку: *Petro Primo Catherina Secunda...* (Петру Первому — Екатерина Вторая). Всунула в губы: зеленый дымок распаявшейся меди отчетливо закурился под месяцем»⁵. Каменный пришелец называет Дудкина «сыном» и запечатлевается в распаленном болезнью мозгу Дудкина как некое пугающее «оно». Символ Петербурга — Медный всадник — волей А. Белого не единож-

ды предстанет в ироническом свете. Он то «медноголовый гигант», то «загадочный всадник» с «тяжелой, покрытой зеленью рукой» — что звучит достаточно саркастично. Город с его неизменными атрибутами — Невским проспектом, Медным всадником; с его жителями, идеями, атмосферой является одним из главных объектов иронического мировидения А. Белого не случайно. Автор «Петербурга» считал, что преобразование жизни вне себя привело человечество к отрицанию себя. Отрицание это может осуществляться посредством иронии, под разрушительное воздействие которой попадает один из великих преобразователей и его детище. «В “Петербурге” влияние Гоголя осложнено Достоевским, которого меньше, но и откликом “Медного всадника” <...> высокопарница департаментов, простроченная и каламбурами “Носа”, и бредом “Записок сумасшедшего”, и паническим ужасом из “Портрета”; декорация города — по “Невскому проспекту”»¹. Здесь сказывается переключка А. Белого с поэтикой и мыслью века девятнадцатого, и конечно же «Гоголь здесь явно соседствует с Достоевским»². И в то же время авторская ирония рушит стереотипное представление о городе и обо всем, что с ним связано в прошлом и настоящем, ломая инерцию привычного понимания и восприятия, концептуально переиначивая значимость Петербурга и всех происходящих в нем событий. Нет ничего табуированного, что не подверглось бы ироническому переосмыслению, что избежало бы иронического развенчания и низведения до состояния абсурда. Все, что попадает в поле зрения автора, выворачивается наизнанку, обесмысливается и разоблачается иронией. А. Белому, как и многим его современникам на рубеже веков, не чужда «ироническая дихотомия», о которой пишет в своей статье об И. Анненском И. Минералова. Эта губительная раздвоенность, «являющаяся следствием явного снижения патетической оценки какой-либо сюжетной коллизии, образа героя, даже мелочей, деталей, подробностей, из которых складывается образ, внутренняя форма целого»³ «зарождается и сохраняется до той роковой черты, пока сама эпоха не разведет на полюса в реальной жизни пересмешника и предмет иронии»⁴. Ирония

¹ Мочульский К.В. Кризис воображения. Томск, 1999. С. 278.

² Антокольский П.Г. Петербург Андрея Белого // Петербург. М., 1978. С. 334.

³ Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934. С. 302.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Антокольский П.Г. Петербург Андрея Белого // Петербург. М., 1978. С. 246.

¹ Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934. С. 302.

² Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 90.

³ Минералова И. «Учительство» поэта Иннокентия Анненского: синтез лирики и иронии // Иннокентий Федорович Анненский. Материалы и исследования. М., 2009. С. 515.

⁴ Там же. С. 515.

«самая свободная из всех вольностей»¹ способна освобождать от несовершенства действительности, что с точки зрения романтического сознания является высшей ценностью. Но достигая невероятных высот, освобождаясь от всевозможных «наслоений», среди которых остаются нравственные и духовные приоритеты, и абсолютизируясь, эта «вольность» заставляет человека усомниться и иронически переосмыслить не только окружающий его предметный, событийный и идеологический мир, но и самое себя. Именно поэтому порой кажется, что автор «Петербурга», «боясь быть осмеянным, сам первый осмеивает себя, иронически преподнося читателю и те принципы, и те философские категории, на которые он уже опирается и будет опираться в дальнейшем»².

В первую очередь в пределы иронии попадает сфера интимного — любовная неудача главного героя и связанные с ней переживания. «Истинная ирония, — подмечает Ф. Шлегель, — есть ирония любви. Она возникает из чувства конечности и собственного ограничения и видимого противоречия этого чувства идее бесконечного, заключенного во всякой истинной любви»³. Триада: Николай Аблеухов — Ангел Пери — Сергей Сергеевич Лихутин — художественное преломление отношений: А. Белый — Л. Менделеева — А. Блок. Образ Лихутиной — пародия не только на Л.Д. Менделееву, «подарившую» некоторые черты внешности и характера героине романа, но и на некогда сакральные идеалы, на культивируемый когда-то А. Белым софийный образ Души мира. «В фамилии “Лихутина” содержится напоминание и о персонифицированном воплощении злой доли, предстающей в сказках в образах худой женщины, — Лихе Одноглазом, встреча с которым может привести человека к гибели»⁴.

«Она была дама; а в дамах нельзя будить хаоса; в даме таится преступница; но, совершись преступление, кроме святости, ничего не останется в дамской душе»⁵, — еще одно ироничное воспоминание о боготворимом когда-то женском образе, Софии, олицетворявшем святость и мудрость. «То, что у Блока подано с мистической востор-

женностью, мною подано в теме иронии <...> и Блок, и я, совпав в темах во времени, совсем по-разному оформили темы, у Блока она — всерьез, у меня она — шарж»¹, — писал А. Белый. По мнению одного из первых исследователей творчества А. Белого — Романа Гуля, при помощи комизма А. Белый желает «уйти от темы пола», старательно избегая ее. И когда в построении романа не спасает комическое, тогда вызывается второе средство — уродства, безобразия, патология. В любовных сценах — «волосатые груди», «грязные кофточки», «потные носы», «блошинные укусы», «дурной запах зуба» и пр. «Зоя Захаровна надевала парик (при гостях); вероятно, она беззастенчиво его красила (мы ее видели роскошноволосой брюнеткой, а теперь перед нами была просто старая женщина с потным носом); на ней была кофточка, опять-таки грязная (вероятно, ночная). А локоть был прорван: виднелась поблекшая кожа, на ней, вероятно, блошинный укус». «И выпячивая корсетом нестянутый свой живот, на ходу трепетала свисающим подбородком...» Комизм, уродства и нечистоты проходят сквозь половую завязь романа².

На излете века XIX и начале века XX в жернова иронии попадает все, что когда-то заслуживало особого отношения: высокие помыслы и лучшие проявления человеческой души. Семейные ценности, любовь, понятия о дружбе, чести, достоинстве — все оказалось под прицелом иронии. Ироническое переименование не признавало ничьей незыблемости. В пародийном снижении новомодные «штампы» символизма появляются не только из-под пера А. Белого. Аналогичным образом «не жалел» своих героинь Ф. Сологуб, создавший «целую галерею отвратительнейших женских образов»³. Подобно произведению Ф. Сологуба, и в романе А. Белого все свидетельствует об особой окрашенности мироощущения автора: «Философские и художественные реминисценции перемежаются с деталями быта и лицами, описываемыми иронически, что и накладывает общую печать иронии и на размышления весьма серьезного свойства»⁴.

А. Белый также не чуждается карикатурных образов, этого «пас-

¹ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983. С. 287.

² Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 91.

³ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. М., 1983. С. 361.

⁴ Рогачева И.В. В поисках утраченного. Две редакции «Золота в лазури» Андрея Белого. М., 2002. С. 121.

⁵ Белый А. Петербург. М., 1978. С. 68.

¹ Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1990. С. 141.

² Гуть Р. Пол в творчестве. Разбор произведений А. Белого. Берлин, 1923. С. 42.

³ Ерофеев В. Тревожные уроки «Мелкого беса» // Сологуб Ф.К. Мелкий бес. Роман. Рассказы. М., 1989. С. 14.

⁴ Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 91.

сивного соединения наивного и гротескного», которое «поэт может использовать как трагически, так и комически»¹. Писатель использует карикатуру в сложном трагикомическом соединении. Карикатурно подается читателю Аблеухов-отец. Этот немощный, забывчивый, косноязычный старик «с худосочной, совершенно невзрачной фигуркой», бледное лицо которого «напоминало и серое пресс-папье (в минуту торжественную), и — папье-маше (в час досуга)» ассоциируется не только со знаменитым Победоносцевым, прокурором Святейшего синода.

Как пародию на «мысль семейную» Л.Н. Толстого можно рассматривать драматичные коллизии ухода и возвращения жены Аблеухова-старшего, а также сложные и бессмысленные любовные экзерсисы Софьи Петровны Лихутиной по отношению к мужу Сергею Сергеевичу и несостоявшемуся любовнику Николаю Аблеухову.

Как иронический прием А. Белый использует словесную игру: что можно увидеть на примере диалога Дудкина и Николая Аблеухова:

«...все люди (и даже такие, как вы) — клавиатура, на которой летучие пальцы пьяниста... бегают, преодолевая все трудности. Таковы-то мы все», — возвещает Дудкин.

«То есть спортсмены от революции?» — парирует Николай Аблеухов.

Дудкин метафорично представляет себя музыкантом, то есть творцом и властителем, сверхчеловеком, равным Богу, от которого зависит, зазвучит ли инструмент современности и какая музыка будет звучать. Аблеухов же видит его иначе, поэтому и слово «бегают», относящееся к пальцам пианиста, он интерпретирует совершенно иначе, вкладывая в него всю свойственную ему иронию. Властитель превращается в уставшего, загнанного человека, вынужденного постоянно преодолевать препятствия и не имеющего возможности от них избавиться; то есть, по сути, в того, кем Дудкин и является на самом деле.

Авторская ирония А. Белого основывается также на игре со смыслами: «на пороге спальни стоял ее муж во всем белом — в кальсонах»². Культивируемый в ту пору А. Блоком образ Христа в белом, незапятнанном одеянии, иронически низводится А. Белым до образа обманутого мужа в нижнем белье.

Ироничным фактом выражается гордость сенатора своим проис-

хождением: «Аполлон Аполлонович Аблеухов был почтенного рода: имел своим предком Адама». Вместе с тем А. Белый, раскрывая некоторые специфические особенности своего романа, подчеркивает: «род Аблеуховых убудочный», что определяется «звуковым лейтмотивом романа»¹. Эта генеалогическая подробность весьма важна и приобретает особый смысл. По мнению Белого, генетические огрехи несут в себе угрозу современному миру. В ироничном скептицизме по поводу «благородства» крови Аблеухова-старшего кроется мысль писателя, очевиднее и яснее высказанная им в статье «Песнь жизни»: «Человечеству грозит смерть. И это не фантазия: человечество выродждается; всюду господствует дурная наследственность...»²

Ирония — один из важных приемов этого авторского «всеведения», она сопровождает отношение автора к героям. Авторский голос то и дело иронически комментирует или оценивает происходящее. С позиции «всеведущего автора» Белый с насмешкой наблюдает сумбурное движение мыслей и поступков героев.

Прием, который можно обозначить как «ироничный автобиографизм», в высшей степени присущ творчеству А. Белого и особенно его роману «Петербург». В полифонической ткани романа голос Николая Аблеухова самый громкий и отчетливый. В его восприятии даются все основные события. И восприятие это тоже не лишено иронического мирозерцания, близкого к «трагической» иронии А. Шопенгауэра, где обман воли превращает жизнь человека в фарс: «Жизнь всякого отдельного человека, если оставить в стороне ее целое и общее, выставить одни значительные черты, собственно, всегда трагедия; но разработанная в частности имеет характер комедии...»³

Конечно, лирический герой «Петербурга» Николай Аблеухов не тождествен личности автора — А. Белому, не тождественен и Борису Бугаеву. В то же время А. Белый, как никто другой, неотделим от всего им созданного. Погрешность соединения Белого-человека и Белого-художника минимальна, оттого, что по замечанию одного из современников, — о чем бы ни писал А. Белый, он писал о себе самом⁴. Автору знаком каждый закоулок души Аблеухова-младшего,

¹ Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934. С. 306.

² Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 168.

³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. СПб., 1893. С. 336.

⁴ Рогачева И.В. В поисках утраченного. Две редакции «Золота в лазури» Андрея Белого. М., 2002. С. 11.

¹ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983. С. 311.

² Белый А. Петербург. М., 1978. С. 117.

словно он изучил ее под микроскопом. Но не от того, что автор — вездесущий Бог, творец, теург. Его знание дается не просто так. Оно болезненно, оно выстрадано собственным опытом. Авторская ирония по отношению к главному герою — это прежде всего проявление самоиронии, которая обнаруживает комплексы, мучившие Бориса Бугаева. Все: от противоречий внешности (красавец — урод) до внутренней неопределенности героя («все в нем шатко и зыбко»¹) — поддается ироничному осмыслению и переосмыслению автора, утверждавшему, что и в мире существует ужасная раздвоенность. Подобная раздвоенность присуща поэтике «Петербурга», в художественном пространстве которого авторская ирония наделена, без сомнения, и континуальным значением. Благодаря ей читатель преодолевает специфическую раздробленность романной реальности.

Библиография

1. Антокольский П. Г. Петербург Андрея Белого // Петербург. М., 1978.
2. Аскольдов С. Творчество Андрея Белого // Литературная мысль. Альманах 1. Пг., 1922.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934.
4. Белый А.. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. М., 1990.
5. Белый А. Петербург. М., 1978.
6. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
7. Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции. Тарту, 2010.
8. Гуль Р. Пол в творчестве. Разбор произведений А. Белого. Берлин, 1923.
9. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988.
10. Ерофеев В. Тревожные уроки «Мелкого беса» // Сологуб Ф.К. Мелкий бес. Роман. Рассказы. М., 1989.
11. Минералова И. «Учительство» поэта Иннокентия Анненского: синтез лирики и иронии // Иннокентий Федорович Анненский. Материалы и исследования. М., 2009.
12. Мочульский К. Кризис воображения. Томск, 1999.
13. Рогачева И.В. В поисках утраченного. Две редакции «Золота в лазури» Андрея Белого. М. 2002.
14. Шкловский В. Воскрешение слова. СПб., 1914.
15. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. М., 1983.
16. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. СПб., 1893.

¹ Антокольский П.Г. Петербург Андрея Белого // Петербург. М., 1978. С. 336.

АСПЕКТЫ

*БАШАНАЕВА Гулизар Гаджиевна,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры общей и практической психологии,
Московский государственный
педагогический университет
gulizar1611@mail.ru*

Генезис взглядов отечественных психологов на проблему саногенного мышления / **Genesis of views of domestic psychologists on a problem of sanogeny thinking**

Аннотация

В статье излагаются проблемы, связанные с исследованием оздоровительного (саногенного) мышления в России. Данный подход позволяет несколько расширить понимание сущности влияния мышления на эмоциональное состояние личности не только с позиций возрастной психологии, но существенно дополнить акмеологическую теорию мышления компонентами социального института образования. Отражено значение эмоционального отношения родителя к ребенку при формировании детско-родительской общности.

Ключевые слова

Саногенное мышление; патогенное мышление; нестандартное мышление; эмоционально-позитивный характер межличностных отношений.

Annotation

In article the problems connected with research of improving (sanogeny) of thinking in Russia are stated. This approach allows

to expand some understanding of essence of influence of thinking on an emotional condition of the personality not only from positions of age psychology, but it is essential to add the akmeologicheskoy theory of thinking with components of social institute of education. Value of the emotional relation of the parent to the child is reflected when forming a child parental community.

Keywords

Sanogeny thinking; pathogenic thinking; independent way of thinking; emotional and positive character of the interpersonal relations.

В России проблемы, связанные с исследованием оздоровительного (саногенного) мышления, имеют свои исторические корни и традиции.

Идеи изучения психологической сущности саногенного мышления в рамках концепции «коллективного сознания» получили свое развитие в работах советских и российских психологов (В.М. Бехтерева, 1994, 2010; А.В. Залужного, 2007; А.В. Петровского, 2007; К.К. Платонова, 2011; Л.И. Уманского, 2001, и др.). В отличие от западных психологов они рассматривали мышление через призму коллектива и групповых процессов.

В отечественной социальной психологии понятие «коллектив» изучалось с позиций акмеологической стадии достижения людьми единства, направленного на реализацию социально значимых целей¹. Следует отметить, что введение нового научного понятия «коллектив» не было определенной данью идеологических установок, существовавших в стране и пронизывающих в буквальном смысле все сферы общества. Отход от использования термина «группа» был обусловлен дополнительными методологическими особенностями коллектива. Во-первых, людей в коллективе объединяет не только совместная деятельность, но и ее организация. Во-вторых, есть система стимулирования членов коллектива. В-третьих, коллектив более долговременное объединение людей, чем группа. В-четвертых, членов коллектива, как правило, объединяет психологическая сплоченность². Все эти особенности коллектива обозначили и специфику изучения

¹ Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 2010. С. 184—191.

² Бехтерев В.М. Указ. соч. С. 123—128.

мышления в коллективе («коллективное сознание»). Придав главенствующее значение коллективу как некоему единому организму, российскими учеными мышление изучалось с позиций знания индивидом общественных стереотипов, усвоения и принятия личностью профессиональных, этических и нравственных норм поведения на производстве. Случаи же нестандартного (творческого) мышления рассматривались как исключительные (чаще всего диссидентские) случаи, которые не характерны для советского человека, что в конечном итоге привело к существенной идеологизации психологической науки в стране, ограничению творческой, познавательной активности личности. Однако это не помешало применить на практике прогрессивные положения отечественных ученых в формировании гармонично развитой личности, эффективно адаптирующейся в профессиональной группе и в обществе в целом.

Эмпирические исследования, проведенные советскими психологами в 60—70-е гг. XIX и начале XX вв., были посвящены не только изучению психологического климата в различных производственных коллективах, но и формированию умственных операций, способствующих усвоению программ культурного поведения. Создаются банки данных о социально-психологических портретах коллективов, в которых проводились исследования. Самые распространенные случаи, требующие вмешательства психолога в жизнедеятельность коллектива (случаи внутренних конфликтов, прогулов, брак в работе, пьянство, высокая «текучесть» кадров, нарушение трудовой дисциплины), являлись внешними проявлениями патогенного мышления, дезадаптации личности. И наоборот, сотрудники с высоким уровнем внутренней самодисциплины, бесконфликтные, оптимистичные, внимательные, отзывчивые, демонстрируют черты оздоровительного (саногенного) мышления¹.

Принципы взаимосвязи мышления и поведения личности нашли свое отражение в научных трудах Г.М. Андреевой (2008), С.В. Быкова (2003) и Л.М. Семенюк (2000). Формирование эмоциональных состояний ребенка возникает по причине взаимоотношений семье. Во-первых, родители могут вербально и невербально формировать

¹ Залужный А.С. Коллектив — высшая стадия развития группы. М., 2007. 254 с.; Петровский А.В. Психология и время. СПб. : Питер, 2007. 448 с.; Платонов К.К. Занимательная психология. М. : Римис, 2011. 304 с.; Уманский Л.И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. Избранные труды. Кострома : КГУ, 2001. 208 с.

мыслительные автоматизмы, осуждаемые обществом образцы поведения (пренебрежительное отношение к труду, злоупотребление алкоголем, жестокость и т.д.). Во-вторых, родители вербально придерживаются общественно одобряемых форм поведения, но сами совершают поступки, которые не соответствуют ожиданиям общества. В этих случаях у детей формируются когнитивные схемы, развивающие лицемерие и ханжество, в целом аморальные установки, которые впоследствии могут послужить значительным стимулом в формировании негативных эмоциональных состояний. В-третьих, родители вербально и невербально придерживаются нормативных форм и образцов поведения, но при этом не удовлетворяют эмоциональных потребностей ребенка. Отсутствие положительных эмоциональных (дружеских) контактов родителей с детьми в значительной степени усложняет процесс развития ребенка, снижает его готовность к интеграции в общество. В-четвертых, родители, применяя жесткие методы воспитания, основанные на принуждении, насилии, унижении личности ребенка, формируют устойчивые негативные внутренние состояния¹.

Динамика формирования негативных эмоциональных состояний личности предполагает изучение данного психологического процесса посредством образовательных социальных институтов. Следует признать справедливым утверждение Д.И. Фельдштейна (2010), что на поведение личности значительное влияние оказывает когнитивная оценка, формирующаяся в «системе отношений», в образовательном процессе (особенности взаимоотношений с учителями; статус ученика; социально-психологический климат в школе; познавательная активность школьника; отношение к своим сверстникам; своему будущему; жизненным целям)².

Стремление занимать лидерские позиции, влечение к референтности как инструментальным средствам самоутверждения может достаточно серьезно исказить самосознание, породить честолюбие, неадекватную самооценку, конфликтность и, как следствие, агрессивность в поведении подростка.

Исследования многих ученых психологов указывают на значи-

¹ Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростка и условия его коррекции. М., 2010.

² Фельдштейн Д.И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития. — М. : МПСИ, 2010. — 166 с.

мость для подростков в этот период объективной оценки своего места в школьном сообществе, своей принадлежности к школьным группам, носящим различную направленность¹.

Подростки, входящие в неформальные школьные группы, часто обнаруживают целый ряд отклонений в мыслительных процессах, таких как импульсивность, сниженный уровень рефлексивности, ригидность мышления и т.д., которые, в свою очередь, снижают психическое и соматическое здоровье личности.

Данный подход позволяет несколько расширить понимание сущности влияния мышления на эмоциональное состояние личности не только с позиций возрастной психологии, но существенно дополнить акмеологическую теорию мышления компонентами социального института образования.

Анализ подходов к пониманию сущности и содержания саногенного мышления свидетельствует о значительном различии методологических оснований в объяснении изучаемого психологического процесса. При этом внимание большинства авторов сосредоточено на исследовании отдельных причин и условий формирования оздоровительного мышления. Они объясняют его с позиций одной доминирующей детерминанты (личность или средовые условия) или дихотомии: саногенное — патогенное мышление.

Впервые анализ саногенного мышления в прямой его постановке, с позиций общенаучной трактовки изучаемого феномена был проведен в работах Ю.М. Орлова. Наиболее ценной является попытка профессора Ю.М. Орлова рассмотреть мышление через призму его взаимосвязи с самостоятельной познавательной активностью личности².

В своих исследованиях ученый приходит к выводу, что основная функция саногенного мышления — это устранение причин, мешающих самосовершенствованию, гармонизации личности, согласованности внутреннего мира человека, готовности к интеграции в социум, управление своими чувствами, осознанности удовлетворяемых потребностей. Мышление, которое нивелирует внутренние противоречия, снижает напряженность, предотвращает заболевания,

¹ Башкатов И.П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. М., 2000; Кон И.С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. — Ростов н/Д : Феникс, 2006. — 608 с. и др.

² Орлов Ю.М. Оздоровляющее мышление. — М. : Слайдинг, 2006. — 90 с.

Ю.М. Орлов предложил называть саногенным, то есть порождающим здоровье¹. Соответственно, противоположное мышление, подчиняющееся привычным автоматизмам, определяемым требованиями культуры, можно назвать патогенным, то есть мышлением, порождающим болезнь.

Результаты исследования М.Ю. Орлова подтвердили, что мыслительные процессы, происходящие без волевых усилий, формируют «человека привычки», «механического человека». Вводя данные понятия в научный оборот, ученый отмечает, что «человек привычки» существует внутри каждого человека, с одной стороны, облегчая нашу жизнь, а с другой — значительно затрудняя ее. Если в человеке были хорошие привычки, соответствующие социокультурным требованиям, которые предъявляет социум, то индивид свои дела делал бы без усилий. Привычные способы реагирования человека на различные стимулы делают его особенным и уникальным, хотя каждая из привычек в отдельности в достаточной мере имеет определенную схожесть с привычками остальных людей. Научившись реагировать определенным образом на негативные жизненные ситуации, «человек привычки» автоматически совершает умственные операции, которые достаточно устойчиво закрепляются не только в поведенческих паттернах (избегание угрозы, эскапизм и др.), но и во внутренних состояниях (страх, тревога, обида, стыд, отчаяние, зависть и пр.). Таким образом, человек утрачивает способность дифференцировать признаки на безопасные и несущие угрозу. Осознание этого классического механизма выживания требует «запуска» волевых усилий, что, в свою очередь, порождает саногенное (оздоровительное) мышление.

Выстраивая свою теорию на методологическом принципе противоположности, Ю.М. Орлов дает характеристики саногенного мышления как антитезу патогенного (см. табл.).

В свете психолого-педагогических проблем младшего школьного возраста развитие теории саногенного мышления явилось предметом анализа российских ученых (А.С. Белкина, 2006; Т.Н. Васильевой, 2000; И.Ю. Кулагиной, 2007; Л.В. Рубцовой, 2010; Л.М. Фридмана, 2007, и др.).

Анализируя проблему развития школьников, Т.Н. Васильева объясняет данный процесс посредством понятия «ситуация успеха» и

¹ Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. — М.: Прогресс, 1993. — С. 141—142.

Таблица. Сравнительные характеристики саногенного и патогенного мышления (по Ю.М. Орлову)

№	Характеристики саногенного мышления	Характеристики патогенного мышления
1	контроль воображения	свобода от контроля воображения
2	наличие рефлексии	исключение рефлексии
3	проигрывание ситуаций стресса	избегание анализа стрессовой ситуации
4	концентрация внимания	рассеянное внимание
5	нивелирование негативных образований	сохранение отрицательных образований
6	преобладание когнитивных схем	доминирование энергии чувств

считает, что эта ситуация может стать значимым условием последующего движения личности вперед. Исходя из этого, фоновое переживание ребенком успеха можно использовать для формирования элементов саногенного мышления¹.

А.С. Белкин (2006), описывая психологическую сущность феномена успеха, отмечает, что положительные эмоции, переживание состояния эйфории, удовлетворенности от того, что результат, к которому личность стремилась в своей деятельности, совпал с ее конечной целью. На основе позитивных эмоциональных состояний, радости от переживаемых событий могут сформироваться стабильные чувства удовлетворения, новые, более сильные мотивы познавательной активности, более высокая самооценка и самоуважение. В том случае, когда успех становится стабильным, может возникнуть реакция, позволяющая высвободить значительные скрытые возможности личности, побуждающая мощный заряд человеческой духовной энергии, способствующей формированию саногенного мышления².

По мнению Л.М. Фридмана и И.Ю. Кулагиной, эмоции оказывают влияние на изменение развития всех познавательных процессов у детей, причем одним эмоциям могут помогать развитию, а другим — препятствовать.

¹ Васильева Т.Н. Формирование саногенного мышления младшего школьника: Учебное пособие. — Калининград: Калинингр. ун-т, 2000. — 148 с.

² Белкин А.С. Конфликтология образовательного процесса. Екатеринбург, 2006. 126 с.

В эмоциональном покое дети воспринимают предметы окружающего мира в зависимости от их значимости для ребенка, и чем значимее для него тот или иной объект, тем лучше он воспринимается. Эмоциональное возбуждение среднего и высокого уровня насыщенности существенно влияет на познавательные процессы: у ребенка возникает сильная тенденция к восприятию, припоминанию только того предмета, с которым связана доминирующая эмоция¹.

Существует возможность посредством саногенного мышления оказывать влияние на процесс эмоционального возбуждения и интеллектуальную сферу ребенка. В своих исследованиях российский психолог Л.В. Рубцова (2010) отмечает, что особенностью саногенного мышления являются те обстоятельства, при которых интенсивность эмоциональной активности начинает в меньшей степени оказывать влияние на некоторые ситуации в учебной деятельности школьника. Ослабление этого влияния в условиях саногенного мышления обусловлено формированием решения о том или ином действии, осуществляемом ребенком в процессе всесторонней оценки всех обстоятельств и мотивов. Начало этого процесса обычно связано с эмоциональной оценкой события, завершается также его эмоциональным оцениванием, однако все это происходит на когнитивном уровне².

Патогенное мышление деформирует предметность восприятия окружающего мира. В специальных экспериментальных исследованиях, проведенных Д.В. Березиной (2000), Т.Н. Павлий (1997, 2004), Е.В. Михайловой (1998), было выявлено, что дети, для которых характерно патогенное мышление, воспринимают предметы окружающего мира не целостно, а как нечто разрозненное, на основании отдельных аффективных признаков (эмоционально отрицательно/положительно окрашенных). Полученные результаты эксперимента подтверждают положение о том, что ряд нарушений мышления и интеллектуальной деятельности в целом связаны с функционированием аффективной сферы³.

¹ Фридман Л.М., Кулагина И.Ю. Мотивация учения. М., 2007. С. 113—116.

² Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 2001. С. 212—261.

³ Павлий Т.Н. Некоторые подходы к изучению и коррекции эмоциональной сферы детей с задержкой психического развития // Дефектология. — 2000. — № 4. — С. 36.

Данное положение еще раз подтверждает обоснованность выводов Ю.М. Орлова, свидетельствующих о том, что саногенное мышление предполагает формирование у личности таких черт, как: а) контроль эмоций; б) рефлексии; в) концентрацию внимания и пр.

В системе представлений об общих и специфических закономерностях развития психики детей, имеющих черты патогенного мышления (В.И. Лубовский, 2009; В.Г. Петрова, 2009; Т.В. Розанова, 2009, и др.), понятие специфики связывается главным образом с влиянием факторов органического ряда, непосредственно обуславливающих дефицитарность и искажения этого процесса. Правомерность данной концептуальной конструкции не вызывает сомнений, поскольку в ней фокусируются преимущественно проблемы когнитивного развития, под которым понимается прежде всего формирование перцептивных, мнемических и интеллектуальных образований¹. Указанные элементы интеллектуальной сферы достаточно сильно коррелируют, т.к. саногенное мышление создает внутренние предпосылки эффективного развития познавательных процессов, способствует преодолению негативных качеств ума.

Вместе с тем в клинической модели психического недоразвития этиологическая роль этих факторов рассматривается и применительно к уровню вторичных отклонений в развитии, затрагивающих не только сложные формы познавательной деятельности, но и все основные сферы личности этих детей. Необходимость учета резидуально-органической почвы в формировании черт саногенного мышления в развитии ребенка не нуждается в доказательствах, но при этом не менее важным представляется и ясное понимание сложноопосредствованного характера трансформаций симптомов первично-органического уровня во вторичные психологические образования.

Возможности клинического подхода для анализа этих трансформаций представляются недостаточными, как минимум, по двум причинам. Во-первых, клиническая квалификация этих нарушений, опирающаяся на довольно ограниченный набор синдромов, описывающих расстройства психоорганического и аффективно-поведенческого уровней, не в состоянии охватить широкое разнообразие вариантов феноменологического проявления отклонений именно в

¹ Лубовский В.И., Петрова В.Г., Розанова Т.В. Специальная психология. 6-е изд., испр. и доп. — М.: Академия, 2009. — 560 с.

психосоциальном развитии детей. Во-вторых, при явном сходстве и даже идентичности выделяемых при клиническом анализе этиологических факторов, могут фиксироваться различные формы этих расстройств, так же как и различные уровни, и качество эмоциональных состояний личности.

Поэтому, по мнению ряда ученых (М.С. Певзнер, 2004; Т.А. Власовой, 2004; Е.С. Иванова, 2004, и др.), традиционная клиническая модель диагноза при нарушениях психического развития у детей пригодна сегодня прежде всего для формального решения задач образовательной дифференциации, а также для терапии осложняющих синдромов, имеющих отчетливое резидуально-органическое происхождение. Кроме того, представляется самоочевидной важнейшая роль клинического знания в решении задач первичной профилактики наследственных и экзогенно-органических форм аномалий психического развития как одного из важных условий создания предпосылок для формирования саногенного мышления¹.

В психологических исследованиях отечественных ученых саногенное мышление относится к одной из высших психических функций и рассматривается как процесс отражения существенных свойств объектов, а также связей между ними, что приводит к появлению представлений об объективной реальности. Полученные в ряде психологических исследований мышления факты свидетельствуют о приоритетности внутренней системы критериев оценки его развитости как деятельности, имеющей мотив, цель, систему действий и операций, результат и контроль.

Библиография

1. Башкатов И.П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. М., 2000.
2. Белкин А.С. Конфликтология образовательного процесса. Екатеринбург, 2006.
3. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 2010.
4. Васильева Т.Н. Формирование саногенного мышления младшего школьника: Учебное пособие. Калининград, 2000.
5. Залужный А.С. Коллектив — высшая стадия развития группы. М., 2007.

¹ Певзнер М.С., Власова Т.А., Иванов Е.С. Психология детей с задержкой психического развития: изучение, социализация, психокоррекция. Хрестоматия. — М.: Речь, 2004. — 432 с.

6. Кон И.С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д, 2006.
7. Лубовский В.И., Петрова В.Г., Розанова Т.В. Специальная психология. 6-е изд., испр. и доп. М., 2009.
8. Орлов Ю.М. Оздоровляющее мышление. М., 2006.
9. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. М., 1993.
10. Павлий Т.Н. Некоторые подходы к изучению и коррекции эмоциональной сферы детей с задержкой психического развития // Дефектология. — 2000. — № 4.
11. Певзнер М.С., Власова Т.А., Иванов Е.С. Психология детей с задержкой психического развития: изучение, социализация, психокоррекция. Хрестоматия. М., 2004.
12. Петровский А.В. Психология и время. СПб., 2007.
13. Платонов К.К. Занимательная психология. М., 2011.
14. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 2001.
15. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростка и условия его коррекции. М., 2010.
16. Уманский Л.И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. Избранные труды. Кострома, 2001.
17. Фельдштейн Д.И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития. М., 2010.
18. Фридман Л.М., Кулагина И.Ю. Мотивация учения. М., 2007.

*ДЖУРАБАЕВ Джамшед Хабибуллоевич,
докторант, Институт истории,
археологии и этнографии имени А. Дониша
АН Республики Таджикистан
juraboev.jh@gmail.com*

Формы феодального землевладения в Бухарском эмирате во второй половине XVIII в. / The Forms of Land Ownership in Bukharian Emirate (Kingdom) in the Second Half of XVIII Century

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные формы феодального землевладения Бухарского эмирата позднефеодального периода. Определены категории земельной собственности и особенности их использования, пожалования, купли и продажи. Дана четкая характеристика амляковых, мюлковых земель, определена сущность земельного пожалования «танхо», раскрыта роль вакуфных земель в феодальном обществе. Приведены некоторые факты упорядочения земельной собственности Бухарского эмирата посредством налога и разных податных обложений.

Ключевые слова

Формы землевладения; государственные земли; амляковые земли; харадж; танхо; вакф; сбор налога.

Annotation

Fundamental forms of feudal land ownership of Bukharian Kingdom (emirate) of late feudal period is reviewed in this article. The category of land ownership and peculiarities of their usage, granting, purchasing and selling are determined. There is also given distinct characteristic of various kind of lands as amlyak, mulk and determined the essence of land

granting «tanho» (individual), enlightened the role of vaqf lands in feudal society. There is argued some facts of streamlining of Bukharian Khanstv land ownership by means of tax and other poll tax paying.

Keywords

Forms of land ownership; state lands; amlyak lands; haradj; tanho; vaqf; tax collection.

Земельные, арендные, рентные, налоговые отношения и другие формы отношений в сельском хозяйстве в совокупности играют важную роль в формировании земельной собственности. Земельная собственность — это исторически определенная общественная форма присвоения (индивидуумом, коллективом и государством) земли как части природы. Она выражает производственные отношения между людьми по поводу присвоения и использования земли как естественного условия производства в сельском хозяйстве. Именно видом земельной собственности определяется способ производства. От того, в чьих руках находится земля, от вида собственности на землю зависит и степень эффективности ее использования¹.

В Бухарском ханстве многочисленные участки государственных земель согласно ханским указам начиная с XVI в. вплоть до XIX в. постепенно становились частными. Этот процесс происходил по трем направлениям: во-первых, путем освоения общинных и необработанных земель; во-вторых, путем продажи государственных земель частным лицам и, в-третьих, путем дарения, пожалования со стороны государства чиновникам и влиятельным феодалам².

В Бухарском ханстве можно наметить следующие категории земель: 1) земли государственные (в прямом смысле слова), так называемые мамляко-и-падшахи, или амляк, 2) земли, принадлежащие эмиру лично, 3) земли мюльковые, 4) земли вакуфные, 5) земли общинные³.

Самую значительную категорию земель ханства составляли зем-

¹ Курбонов А.К. Земельная собственность и ее упорядочение посредством налоговых платежей в Средней Азии в IX—XX вв. // Экономический журнал. — 2008. — № 15. С. 119.

² Курбонов А.К. Земельная собственность... С. 122; Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв. Душанбе, 1966. С. 33.

³ Дембо Л.И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954. С. 116.

ли амляковые, то есть государственные земли. Они противопоставлялись мюльковым землям, как частновладельческим. В ханстве было деление на амляк и мюльк. Амляковыми землями владели и пользовались отдельные лица или общины. Считаясь государственными, они передавались отдельным лицам или целым общинам только на праве пользования при условии уплаты государству налога — хераджа, или амляка¹. Особенность амляковых земель заключалась в том, что их нельзя было отчуждать: лица, купившие эти земли, не имели права ни завещать ее, ни обратить в вакф, ни заложить, ни заявлять на таковую претензию, то есть судебным порядком превращать ее в мюльк². Поэтому эти земли назывались иногда также хераджевыми. Амляковые земли преимущественно находились во владении и пользовании непосредственных производителей, которые в таком случае противостояли непосредственно государству. Амляковые земли нередко являлись также предметом земельных пожалований. При этом, однако, они не превращались в мюльк того лица, которому были пожалованы, а оставались амляковой землей. Пожалованная земля передавалась на праве условного и временного владения. В сущности говоря, в этих случаях жаловалась не земля, а, вернее, доходы с земли, право получения в свою пользу феодальных повинностей. Такие земельные пожалования носили в Бухарском ханстве название «танхо»³. Давая определение термину «танхо», В.Ф. Минорский объясняет его как «деньги», «наличные деньги», «сумма»⁴. Это смысловое значение термина, употребительное и в живом таджикском языке.

¹ Дембо Л.И. Земельные правоотношения... С. 116.

² Ростиславов М.Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. 1. СПб., 1876. С. 322.

³ Танхо (перс. — наличные деньги, свободные земли) — жалованье, выдаваемое из ханской казны для мелких государственных служащих и воинов в виде участка земли или части хараджа с него. Отсюда диван танхах — учреждение, ведущее контроль за состоянием земель и денег, выделенных государством для пожалования в танхах. См.: Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии // Записки ИВ АН УзССР. — 11/2 — 1933. — С. 83; Семенов А.А. Очерки поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Ташкент, 1929. С. 30.

⁴ Тазкират-аль-мулюк, *Tadhkirat al-muluk, a manual of Safavid administration*, by V. Minorsky. Part I — Persian text; Part. II-English translation, Introduction, Commentary. G. M. S., New series, vol. XVI, 1943. Pp. 51, 71, 75, 89.

Однако следует отличать техническое значение этого термина. В узбекских ханствах Средней Азии XVII—XIX вв., в том числе в Бухарском ханстве, термин «танхо» чаще всего означал пожалование земли во временное условное владение, бенефиций¹.

По мнению М.Ю. Юлдашева, как суюргал, так и танхо имели одно смысловое значение, а именно — земельное пожалование, хотя употреблялись в разных случаях. Если пожалование относилось к султанам, царевичам и духовным феодалам, то оно называлось суюргалом, а если к воинам (вернее, военачальникам), то танхо². Владелец танхо (танходор) не получал судебно-административного иммунитета и пользовался не правом собственности на землю и лишь правом на ренту с посевных площадей территории, полученной им в качестве танхо³. Танхо предоставлялось обычно нукерам, начиная с определенного чина (юз-баши) и выше, и представляло собой жалование за нукерскую службу, заменяя денежное или натуральное довольствие. Если нукер сам владел участком земли, то взамен жалования за службу он освобождался от хераджа и прочих повинностей; если же он сам не владел землей, то ему предоставлялось право на получение натуральных сборов с земель других лиц, обычно его же родственников, если они занимались земледелием⁴.

А.А. Семенов рассматривает танхо как своего рода поместье древнерусского служащего сословия, прибавляя при этом, что от обеленных мюльков (мюльки хурр-и холис) танхо отличалось лишь своей условностью, временным характером⁵.

В Бухарском ханстве учетом пожалования танхо занималось специальное ведомство — великий диван. Танходор не имел права на управление территорией, с которой взимался доход. Он пользовался только правом на ренту. Таким образом, население, жившее на пожалованной земле, юридически оставалось независимым от танходора и не попадало по отношению к нему в крепостные отношения, но

¹ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949. С. 196—197.

² Юлдашев М.Ю. К истории землевладения в Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. — 1964. — № 3. — С. 65.

³ Исмаилова Б. Бухарский эмират при эмире Хайдаре. Худжанд, 2000. С. 142.

⁴ Дембо Л.И. Земельные правоотношения... С. 117.

⁵ Семенов А.А. Очерк поземельно-податного... С. 28.

фактически, как правило, оказывалось в прямой и непосредственной от него зависимости¹.

Категория земель, принадлежавших эмиру лично, в Бухарском ханстве была незначительна. Источником таких земель были земли, им орошенные из «мертвых» земель, либо земли, приобретенные ханом по гражданско-правовой сделке, либо конфискованные и выморочные земли.

Существовало несколько видов мюльковых земель, но право мюлькдаров на распоряжение землями мюльк было одинаковым для всех видов этого рода землевладения. Вместе с тем право мюлькового землевладения не представляло собой права полной частной собственности. И мюльк был земельным владением по воле хана, и от хана (эмира) зависело прекратить это право, перевести землю из категории мюльк в другую категорию или изъять мюльковую землю у мюлькдара². И действительно, ханы нередко осуществляли на практике такие трансформации.

Владельцами мюльков могли быть не только отдельные лица, но и целые общины и родоплеменные объединения. Отдельные узбекские роды владели землями на праве мюльк. Основанием установления права мюльк на землю было либо пожалование со стороны хана (эмира), либо оживление мертвой земли, либо, наконец, передача владельцем части, находящейся в его владении земли в категорию амляк с условием сохранения остальной части земли в своем владении на праве мюльк.

Земли мюльк делились на три вида: 1) мюльк-и-хур-и-холис — это наиболее привилегированный вид мюлька, полностью освобожденный от всех налогов и сборов, 2) мюльк-и-херадж — это земли, с которых их владельцы должны были платить налог, называвшийся арабским словом «херадж» и ежегодно определявшийся путем пробного обмолота, и 3) мюльк-и-ушр, то есть земли «десятинные», с которых уплачивался налог ушр в размере одной десятой части урожая³.

Выражение «мульк-и халис» — «очищенный мюльк», как и равнозначное «мульк-и хусуси» — «собственный (или „личный“) мюльк», было в употреблении в Бухарском ханстве. Однако там этот термин,

по словам проф. А.А. Семенова, прилагался чаще всего к землям, пожалованным в виде мюльк ханом (эмиром)¹. Землями «мульк-и халис», «мульк-и халис» могли быть земли частных лиц, равно как и земли удельные, принадлежавшие лично хану или членам правящих династий. В этом последнем значении мы встречаем выражение «халисэ» еще у Рашид-ад-дина, на грани XIII—XIV вв.² Как отмечает И.П. Петрушевский, по-видимому, общим признаком для всех этих земель была свобода от податей. Разумеется, это была льгота для владельца мюльк, но никак не для сидевших на его землях крестьян. Размеры податей и повинностей последних оставались неизменными, только их не приходилось делить между владельцем и диваном: они целиком поступали в пользу мюлькдара³.

Мюльковыми землями всех трех видов их владельцы могли свободно распоряжаться по своему усмотрению. Этим они отличались от амляковых земель (государственных земель, в узком смысле слова), которые не могли ни завещаться, ни закладываться в чью бы то ни было пользу, ни обращаться в вакуф и т.п.⁴

Мюльковые земли либо совсем освобождались от налогов в пользу их владельцев — феодалов (мюльки-и-хур-и-холис) либо облагались меньшим налогом, чем амляковые земли (херадж был ниже амляка), и это имело значение для помещиков-феодалов, так как давало им возможность присваивать себе ту или иную часть феодальной ренты, выколачиваемой из непосредственных производителей.

В восточноведческой литературе мюльк-и ушри и дахйак отождествляются (ар. ушр = перс. дахйак). В податном отношении эти льготные мюльки облагались не хераджем (поземельным налогом, составлявшим в изучаемый период 1/5—1/3 части урожая), а десятиной (1/10). Но, хотя лексически ушр и дахйак означают одно и то же — «десятину», терминологическое значение их в Бухарском ханстве было неодинаковым. Ушр поступал в государственную казну — диван. А дахйак представлял собой отчисление государством 1/10 части податей с отдельных земель (в том числе амляковых) в пользу религиозных

¹ История таджикского народа. Том IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. — 1917 г.) / Под общ. ред. акад. АН РТ Р.М. Масова. Душанбе: 2010. С. 217.

² История таджикского народа. Душанбе, 2010. Т. IV. С. 117—118.

³ История таджикского народа. Душанбе, 2010. Т. IV. С. 118.

¹ Семенов А.А. Очерк земельно-податного... С. 9.

² Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949. С. 236.

³ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949. С. 237.

⁴ Дембо Л.И. Земельные правоотношения... С. 118—119.

учреждений. В этом смысле дахйак был как бы вакфом, назначаемым государством в пользу мечетей, медресе, мазаров и т.д.¹

Важной категорией земельной собственности являлись земли и имущество вакуфные². Вакфом именовалось движимое и недвижимое имущество (в их числе обработанные земли, мельницы, каналы и другие оросительные сооружения, а в городах — ремесленные мастерские, лавки, торговые ряды, караван-сарай), завещанное в пользу религиозных учреждений, мечетей, медресе, дервишских обитателей (ханака), а также гробницам святых и государей, благотворительным учреждениям и т.д.³

По сведениям письменного источника конца XVIII в. «Маджма' ал-аркам», учетом вакфов ведал государственный чиновник *Садр*, то есть он распоряжался вакфами, «находящимися внутри рабада Священной Бухары на расстоянии до одного *фарсанга*. *Судур'* же ведает учетом вакфов, находящихся вне упомянутого /рабада/»⁴.

При обычае наследственности духовных должностей вакфы превращались в наследственные владения. Существовали также вакфы личные и фамильные, специально учрежденные для содержания фамилий сейидов, потомков почитаемых суфийских шейхов и других фамилий, в таких вакфах звание мутаваллия, то есть распорядителя вакфа (обычно наследственное), принадлежало главе данной фамилии.

Вакуфные земли играли и экономически, и политически большую роль в узбекских ханствах, образуя экономическую и политическую базу мусульманского духовенства.

¹ Абдураимов М.А. О некоторых категориях феодального землевладения и положении крестьян в Бухарском ханстве в XVI — начале XIX века // *Общественные науки в Узбекистане*. — 1963. — № 7. — С. 36.

² Вакф — пожертвование каким-либо частным лицом земли и другого имущества с благотворительной целью религиозным или общественным учреждениям. Об институте вакфа подробно см.: Вяткин В.Л. О вакфах Самаркандской области // *Отдельный оттиск из СКСО*. — Вып. X. Самарканд, 1912. С. 95—107; Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв. М.-Л., 1966. С. 247—251; Абдураимов М.А. *Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века*. Т. 2. Ташкент, 1970. С. 63—78.

³ Саидов А. *Социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVII — первой половине XVIII вв.* Душанбе, 2006. С. 168—169.

⁴ Маджма' ал-аркам («Предписания фиска») / Пер. А.Б. Вильдановой. М.: Наука, 1981. С. 93.

Доходами от вакуфов, посвященных определенным учреждениям и корпорациям (мечети, школы, кладбища и т.п.), широко пользовались все лица, причастные к данному учреждению и прежде всего управляющие (мутевалли), учителя, муллы-ученики при медресе, имамы и другие представители мусульманского духовенства. Все они в большей или меньшей степени пользовались доходами от вакуфа, причем это пользование носило как легальный, так и нелегальный характер. Так, муллы-ученики нередко лишь тогда посещали медресе, когда наступало время дележа доходов, а свои права на комнаты в медресе (худжри) перепродавали другим¹.

Последнюю категорию земель составляли общинные земли. Строго говоря, общинные земли не образовывали собою самостоятельной категории земель, так как общинный характер этих земель определялся не видом землевладения, а видом землепользования. Общинное землепользование могло осуществляться и на амляковых землях, и на мюльковых землях, когда последние принадлежали родоплеменным объединениям.

Кроме вышеуказанных категорий феодального землевладения, существовали и земли, принадлежащие фамилиям и кочевым племенам².

Во второй половине XVIII в. намечаются некоторые изменения. В период правления первых представителей мангытской династии продажа государственных земель почти не наблюдается. Очевидно, данное обстоятельство было связано с попытками мангытов усилить центральную власть и ослабить центробежные силы, так как концентрация большого количества земли и воды в руках отдельных землевладельцев усиливала их политические позиции. В источниках очень мало документов о купле и продаже земли. Например, в документах по истории аграрных отношений приводится всего один документ по продаже земли — это купчая (васика) 1775 г.³

Следует особо подчеркнуть тот факт, что земельная собственность и ее форма землепользования за весь исторический период

¹ Дембо Л.И. *Земельные правоотношения...* С. 121.

² Саидов А. *Социально-экономическое положение...* С. 171.

³ *Документы к истории аграрных отношений*, вып. 1, *Акты феодальной собственности на землю XVII — XIX вв.*, подбор документов, перевод, введение и примечания О.Д. Чехович под ред. А.К. Арендса. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1954. С. 179—181, 196—197.

существования Бухарского ханства упорядочивалась посредством налога и разных податных обложений.

Ответственным сановником, занимающимся сбором налогов и податных обложений в Бухарском ханстве, являлся кушбеги, возглавлявший центральный аппарат управления государством. У него были два помощника — закотчи, которые являлись ответственными за сбор податей двух частей ханства: западной и восточной. К западной части были причислены: Кармина, Нурата, Хатырчи, Зиуддин, Каттакурбан, Панджшанбе, Митан, Яны-Курбан. Местопребыванием закотчи этой части являлся город Хатырчи. К восточной части входили: Самарканд, Ургут, Пенджикент, Чалек, Джизак и Ура-тюбе. Центром восточной части считался город Самарканд¹. У каждого закотчи находились доверенные лица. В частности, при хатырчинском закотчи состояло 10 доверенных лиц, у самаркандского закотчи было 14 доверенных лиц.

Кроме того, все чиновники и военные, которые подчинялись кушбеги, обязаны были содействовать сбору податей. 1) В системе управления государства каждый чиновник имел функции и обязанности на своем уровне, направленные на сбор налогов и податей. 2) Налог с населения на местах зависел от размера земли. 3) Податное обложение базировалось на поземельном налоге, расчетная основа которого во многом превышала фактическую урожайность².

В целом в структуре земельной собственности в Бухарском эмирате удельный вес частной собственности на землю не превышал 25,4%, то есть основная часть земельных ресурсов находилась в руках государства и духовенства. Более того, частные земельные владения в основном находились в руках крупных феодалов, подавляющее же большинство непосредственных производителей — крестьян были малоземельными и безземельными, вынуждены были работать на условиях аренды или издольщины.

Библиография

1. Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века. Т. 2. Ташкент, 1970.

¹ Соболев Л.Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа // ЗИРГО по отделению статистики. Т. IV. СПб., 1874. С. 401.

² Курбонов А.К. Земельная собственность и ее упорядочение... С. 123.

2. Абдураимов М.А. О некоторых категориях феодального землевладения и положении крестьян в Бухарском ханстве в XVI — начале XIX века // Общественные науки в Узбекистане. — 1963. — № 7.
3. Вяткин В.Л. О вакфах Самаркандской области // Отдельный оттиск из СКСО. Вып. X. Самарканд, 1912.
4. Документы к истории аграрных отношений, вып. 1, Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв., подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович под ред. А.К. Арендса. Ташкент, 1954.
5. Дембо Л.И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954.
6. История таджикского народа. Душанбе, 2010. Том IV.
7. Исмаилова Б. Бухарский эмират при эмире Хайдаре. Худжанд, 2000. Т. 1. СПб., 1876.
8. Курбонов А.К. Земельная собственность и ее упорядочение посредством налоговых платежей в Средней Азии в IX—XX вв. // Экономический журнал. — 2008. — № 15.
9. Маджма' ал-аркам («Предписания фиска») / Пер. А. Б. Вильдановой. М., 1981.
10. Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв. Душанбе, 1966.
11. Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв. М.-Л., 1966.
12. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949.
13. Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. 1. СПб., 1876.
14. Саидов А. Социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVII — первой половине XVIII вв. Душанбе, 2006.
15. Соболев Л.Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа // ЗИРГО по отделению статистики. Том. IV. СПб., 1874.
16. Семенов А.А. Очерки поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Ташкент, 1929.
17. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии // Записки ИВ АН УзССР. — 11/2 — 1933.
18. Юлдашев М.Ю. К истории землевладения в Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. — 1964. — № 3.
19. Тазкират-аль-мулюк, Tadhkirat al-muluk, a manual of Safavid administration, by V. Minorsky. Part I — Persian text; Part. II-English translation, Introduction, Commentary. G. M. S., New series, vol. XVI, 1943.

*ИВАНОВА Елена Анатольевна,
кандидат философских наук,
доцент, преподаватель, РУДН
aliovanova@gmail.com;
КАЛУПЕТЕКА Эриней,
аспирант, РУДН, Ангола
astra_inclinant@yahoo.com*

Роль знаков и символов в формировании имиджа Анголы / Role of signs and symbols in shaping the image of Angola

Аннотация

В данной статье на примере Анголы рассматривается, как знаки и символы используются при формировании имиджа государства. Авторы анализируют уникальные символы узнаваемости Анголы как элементы имиджа этой страны. В частности, в статье описывается, как национальные символы Анголы (соединение части зубчатого колеса и снопа кукурузы, а также кофе и хлопка; цветок «Роза Анголы»; редкое реликтовое растение *Welwitschia mirabilis*; индейская скульптура-чокве «Мыслитель»; животное *Hippotragus niger*) представлены на флаге Анголы, в символике национальной авиакомпании страны, на заграничном паспорте граждан Анголы и пр.

Ключевые слова

Имидж государства; Ангола; знаки и символы; национальные символы; национальный гимн; флаг; гимн; традиции; культура; репутация; PR-образ; PR; журналистика.

Annotation

In this paper, the example of Angola is taken for showing how signs and symbols are used in forming the image of the state. The authors analyze the unique signs and symbols of Angola as elements of its image. In

particular, the article describes how the national symbols of Angola (the compound of the gear and the sheaf of corn, as well as coffee and cotton; flower «Rose of Angola», a rare relict plant *Welwitschia mirabilis*; Chokwe Indian sculpture «The Thinker»; animal *Hippotragus niger*) are submitted on the flag of Angola, as a symbol of its national airline, Angolan foreign passport and etc.

Keywords

Image of a country; Angola; signs and symbols; national symbols; national anthem; flag; anthem; traditions; culture; reputation; PR-image; PR; journalism.

Для всех народов мира символика страны играет важную роль, потому что в ней отражена история того или иного государства, мышление предков, национальные традиции, которые для местного населения всегда остаются священны.

Традиция использования того или иного изображения или эмблемы в качестве государственного, семейного или кланового символа, вероятно, существует со времен Средних веков. Можно утверждать, что выбор того или иного символа никогда не был случайным. Во многих странах мира традиция использовать именно эти символы сохранилась. Они понимаются как общенациональные и объединяющие.

Помимо герба, гимна и флага, каждое государство имеет ряд других, более специфических знаков и символов, которые обозначают уникальные для каждой страны историю, культуру и быт¹.

Предлагаем рассмотреть некоторые базисные символы государства Анголы с точки зрения их влияния на формирование имиджа этой страны.

Национальный символ Анголы — это соединение части зубчатого колеса (представленного и на флаге) и снопа кукурузы, а также кофе и хлопка, символизирующих в указанном порядке рабочих, индустриальную продукцию, сельских рабочих и сельскохозяйственные продукты.

Один из национальных символов Анголы — цветок «Роза Анголы». Смысл, который связан с этим растением, — королевская символика. Роза дарит надежду и радость. Население Анголы, которое

¹ Колбина Е. Цветы как эмблема разных стран // (Электронный журнал) URL: <http://www.florio-fashion.com/articles/cvetochnaya-istoriya/cvety-kak-emblema-raznyx-stran.htm>

в течение истории своей страны страдало от гражданских войн, чрезвычайно нуждается в позитивных эмоциях и чувствах. Символ розы и его интерпретация имеют давнюю традицию. Например, «в Древней Греции роза служила эмблемой греческой богини любви Афродиты, а также символизировала любовь и желание»¹. Отметим, что любовь и желание могут широко интерпретироваться. К примеру, любовь к ближнему, к жизни; желание — мира, покоя и процветания (своего государства). «Римляне связывали розу с Венерой (по ряду версий, цветок произошел из слез богини), но посвящали розу и богу молчания Гарпократу, потому одним из ее символических значений стали тишина и тайна. Поскольку пьяный мог выболтать личные и чужие секреты, розы всегда присутствовали на пирах как напоминание об осторожности и своего рода оберег. В Древней Германии роза посвящалась богине неба Фригге. В то же время красная роза символизировала смертельную рану и меч»². Как мы видим из процитированного отрывка, символ розы издавна связан с политикой. Поэтому не удивительно, что Ангола также использует в своей государственной имиджевой символике именно этот цветок. Отметим, что традиция политической интерпретации символа розы уходит в Средние века. Так, в Англии в течение 1455—1485 гг. шла борьба за обладание королевским престолом, которая известна как «Война Алой и Белой Розы». Этимология названия как раз связана с тем, что розы разных цветов присутствовали в гербах враждующих династий: в геральдике Йорков была белая роза, а в семейном гербе Ланкастеров цвела алая. Впоследствии английский король Генрих VII объединил в своем гербе белую и алую розы и стал родоначальником новой королевской династии Тюдоров на британском престоле³. С нашей точки зрения, традиция использовать цветок розы в Анголе связана с разновидностью чайной розы, которая растет на территории страны: во всем мире известен чай ройбуш, который называют Розой Анголы.

На территории Анголы есть другое редкое реликтовое растение. Оно называется «Вельвичия удивительная» (лат. *Welwitschia mirabilis*). Его можно встретить только на юге Анголы, а также в Намибии. Это дерево, произрастающее в каменистой пустыне Намиб, тянущейся

вдоль побережья Атлантического океана. Растение редко встречается далее, чем в ста километрах от берега, — это примерно соответствует тому пределу, которого достигают туманы, являющиеся для вельвичии основным источником влаги¹. У ангольцев есть желание сделать именно это редкое растение одним из официальных символов своего государства, но для этого изображение данного дерева надо тиражировать повсеместно, в силу того что в других странах оно малоизвестно. Для популяризации любого символа требуются время и PR-усилия (использование разных носителей, а также повторение сообщения).

В Анголе сохраняются богатые традиции резьбы по дереву, танца, музыкальной культуры, а также театрализованных представлений. Символом национальной культуры Анголы принято считать статую неизвестного скульптора-чокве (чокве — народность группы банту, проживающая на северо-востоке Анголы), которую называют «Мыслитель»², так как западные и российские исследователи сравнивают символ-изображение данной статуэтки с более понятной и известной им скульптурой французского автора Огюста Родена (Auguste Rodin).

В Анголе издавна существует художественная резьба, что также влияет на визуально-имиджевую составляющую образа страны. Вырезаются стилизованные, схематичные статуэтки людей и животных, обладающие, согласно народным верованиям, магической силой, а также ритуальные маски. Резными изображениями, представляющими иногда сложные декоративные композиции, покрываются деревянная мебель и домашняя утварь. Плетенные из травы, веток, соломы корзины, циновки и мешки украшаются четким геометрическим орнаментом черного, желтого и красно-коричневого цветов. Гончарство также имеет давнюю традицию. В частности, лепную керамику украшают орнаментом. При этом следует отметить, что развитие традиционных художественных ремесел в Анголе сильно подорвала португальская колонизация.

Кроме символов растений, у Анголы есть символы животных. Черная саблерогая антилопа (лат. *Hippotragus niger*) — главный сим-

¹ Фоли Джон Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 1996. С. 329.

² Символы. Знаки / ред. группа: Т. Каширина, Т. Евсеева и др. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2010. С. 172—173.

³ Символы. Знаки / ред. группа: Т. Каширина, Т. Евсеева и др. М., 2010, С. 173.

¹ Электронная энциклопедия Википедия // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Вельвичия> (дата обращения: 12.04.2012).

² Электронный журнал // URL: http://iskusstvo12.ya.ru/replies.xml?item_no=175&ncrnd=1619

вол страны. Ее изображение представлено на национальных банкнотах — кванзах, на логотипе государственной авиакомпании ТААГ и национальной футбольной сборной. Кроме того, силуэт этого вида антилопы присутствует на заграничных паспортах граждан Анголы¹.

На имидж любой страны оказывают влияние определенные географические показатели, например большая государственная территория, а также полезные ископаемые. В Анголе добывают алмазы, это определенно оказывает влияние на имидж страны, которую даже называют «алмазной». В Анголе также есть большие месторождения нефти, в частности Бегония, Жасмин и Далия. При этом применительно к формированию имиджа государства, заметим, что именно большие природные богатства, точнее, желание ими обладать, часто и являются причиной кровопролитных гражданских войн.

Страну также нельзя рассматривать в отрыве от ее истории, так как именно история характеризует население страны. Ангола получила свою независимость от Португалии в 1975 г. и сразу же погрузилась в жестокую гражданскую войну. В результате этой войны более миллиона ангольцев погибли и несколько миллионов стали беженцами. В 2002 г. официально наступил конец гражданской войны (точная дата: 04.04.2002). Гибель главного лидера повстанческой группировки УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы, УНИТА от порт. União Nacional para a Independência Total de Angola, UNITA) Жонаса Савимби (Jonas Savimbi) и его заместителя положила конец почти 30-летней гражданской войне. При этом применительно к формированию образа страны следует заметить, что многолетняя борьба повстанческой группировки УНИТА за свободу Анголы и за собственную власть не только сделала Анголу процветающей и свободной, но и навлекла на страну множество проблем, создав Анголе имидж опасной, криминальной, бедной, заминированной, коррумпированной и вредоносной страны в регионе. Наш обзор многочисленных российских и западных публикаций в СМИ свидетельствует о том, что именно такой негативный образ Анголы присутствует до сих пор².

Анголу называют страной бесконечного танца. Некоторые исследователи Анголы полагают, что население этого государства танцует повсюду: в радости, в печали, в жизни и в смерти. Искусство

танца неразрывно связано с ритуалами, празднествами. Наиболее популярна в Анголе самба. Сейчас профессиональный и наиболее известный ансамбль в Анголе — «Современный танец». Его художественный руководитель Ана Клара Герра Маркес нашла возможность соединить в своем творчестве традиционный балет с современным танцем¹. Как нам кажется, в данном случае африканская традиция народного танца пересекается с португальской культурой, где также развит этот вид искусства.

Музыка Анголы тоже впитала в себя традиции португальской музыкальной культуры, а в XX в. на нее оказали влияние латиноамериканские мелодии и современная поп-культура.

Художественная живопись также способна влиять на формирование имиджа государства. Отметим, что среди профессиональных ангольских художников много мастеров с мировыми именами — Виктор Тейшейра (псевдоним «Витейкс»), Антонио Оле, Роберто Силва. Действует Национальный союз ангольских художников (UNAP). В столице Анголы Луанде находятся несколько картинных галерей («Витейкс», галерея Союза ангольских художников и др.). В 1999—2002 гг. в Москве проходили выставки работ современных художников Анголы — Алваро Масиейры, Виктора Мануэла Тейшейры («Вито»), Жорже Гумбе, Франсишку Ван-Дунема («Вана») и Фелисиану Диаша душ Сантуша («Кида»)².

Таким образом, в каждой стране, кроме государственных символов, есть еще и множество других знаков, символов и традиций, которые оказывают большое влияние на формирование имиджа страны. Специалисты в области массовых коммуникаций, в частности журналисты и PR-профессионалы Анголы, обязаны изучать государственную символику для того, чтобы формирование образа страны было не спонтанным, а профессионально-осознанным.

Библиография

1. Колбина Е. Цветы как эмблема разных стран (Электронный журнал) // URL: <http://www.florio-fashion.com/articles/cvetochynaya-istoriya/cvety-kak-emblema-raznyx-stran.htm>
2. Фоли Джон. Энциклопедия знаков и символов. М., 1996.

¹ Электронный журнал // URL: <http://www.angola.ru/culture/dance.htm> (дата обращения: 18.02.2012).

² Электронный журнал // URL: http://www.krugosvet.ru/enc/Earth_sciences/geografiya/ANGOLA.html

¹ Электронный журнал // URL: <http://www.ami-tass.ru/print/8465.html>

² Кротов А. Ангола — алмазная страна // Вольный ветер. — 2005. — № 1.

3. Символы. Знаки / ред. группа: Т. Каширина, Т. Евсеева и др. М., 2010.
4. Электронная энциклопедия «Википедия» // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Вельвичия> (дата обращения: 12.04.2012).
5. Электронный журнал // URL: http://iskusstvo12.ya.ru/replies.xml?item_no=175&ncrnd=1619
6. Электронный журнал // URL: <http://www.ami-tass.ru/print/8465.html>
7. Кротов А. Ангола — алмазная страна // Вольный ветер. — 2005. — № 1.
8. Электронный журнал // URL: <http://www.angola.ru/culture/dance.htm> (дата обращения: 18.02.2012).
9. Электронный журнал // URL: http://www.krugosvet.ru/enc/Earth_sciences/geografiya/ANGOLA.html

*КОВАЛЕНКО Алла Валериевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Сургутский государственный
педагогический университет
alla0366@mail.ru*

Использование мультимедийных технологий в обучении иностранному языку / The use of multimedia technology in foreign Language Teaching

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о применении информационных технологий в процессе обучения, роль и важность последовательного интегрирования мультимедийных информационных технологий в учебный процесс (на примере обучения иностранному языку), в течение которого формируется информационная культура учащегося, новые качества личности, отвечающие всем требованиям современного информационного общества.

Ключевые слова

Мультимедийные технологии; учащийся; обучение; иностранный язык.

Annotation

This paper discusses the application of information technology in the learning process, the role and importance of the successive integration of multimedia information technology in the educational process (for example, learning a foreign language), during which the student's information culture is formed, the new personality traits that meet all the requirements of modern information society.

Keywords

Multimedia technology; student; learning; a foreign language.

Преподавание иностранного языка на современном уровне невозможно без применения информационных технологий. Использование мультимедийных технологий — это не только новые технические средства, это новые формы и методы преподавания, новый подход к самому процессу обучения. Их применение является важным фактором повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка, делает уроки более насыщенными, продуктивными и интересными, развивает все виды коммуникативной компетенции учащихся через учебную и внеклассную деятельность по предмету. Использование информационных технологий очень актуально в наши дни. Современное образование предъявляет педагогу все более высокие требования к обучению иностранного языка в школе, делая упор на коммуникативной компетенции учащихся во всех ее составляющих.

Возможности использования компьютера безграничны: обучающие программы, мультимедийные словари и электронные учебники, презентации, проекты, дистанционное обучение, интернет-олимпиады и многое другое. Варианты использования самые разнообразные: повторение пройденного материала, изучение и закрепление нового, домашнее задание, проведение контроля усвоения материала¹.

Общие характеристики и преимущества использования программного обеспечения в обучении иностранному языку: интерактивность; адаптивность; нелинейность представления информации; индивидуализация обучения; оперирование большими объемами информации; комплексное воздействие на различные каналы восприятия путем использования текста, звука, мультимедиа, видео; неограниченное количество обращений к заданиям; немедленное предоставление программой обратной связи; необходимость специальной подготовки пользователя для работы с программой.

Существует огромное разнообразие обучающих программ и их классификаций, но все их можно разделить на обучающие, прикладные и инструментальные².

Обучающая компьютерная программа является инструментом, который организует самостоятельную работу обучаемых и управляет ею, особенно в процессе тренировочной работы с языковым

и речевым материалом. Это и определяет характер используемых упражнений и методических приемов.

Наиболее часто используются следующие типы заданий при обучении английскому языку:

1. Вопросно-ответный диалог: необходимо дать прямые ответы на вопросы компьютерной программы, используя в качестве основы и схемы языковой материал, содержащийся в вопросе.

2. Диалог с выборочным ответом: обучаемый выбирает один из ряда предлагаемых вариантов.

3. Диалог со свободно конструируемым ответом: диалог обеспечивается программой со всеми возможными вариантами ответов на каждый поставленный компьютером вопрос, с тем, чтобы последний мог «узнать» и оценить правильность ответа.

4. Упражнения на заполнение пропусков: необходимо заполнить пропуски, используя подсказку в виде русских слов, которые нужно перевести на иностранный язык и употребить в нужной форме.

5. Упражнения для самоконтроля владения словарем. Возможны варианты таких упражнений:

а) компьютер предлагает список слов для перевода;

б) компьютер предлагает соотнести два списка слов и найти эквивалентные пары этих слов в обоих языках;

в) компьютер предлагает соотнести два списка иностранных слов и установить пары синонимов или антонимов;

г) компьютер предлагает список иностранных слов и перечень дефиниций этих слов. От обучаемого требуется соединить каждое слово с соответствующей ему дефиницией.

Классификация программ по типам заданий, существующая в зарубежной теории компьютерного обучения, включает следующие их разновидности:

заполнение пропусков (gapfilling);

множественный выбор (multiple-choice);

восстановление порядка слов в предложении, последовательности предложений / разделов текста (sequencing);

установление соответствий (matching);

реконструкция текста (total-deletion).

Компьютерные программы, которые могут быть использованы при обучении английскому языку:

1. «Профессор Хиггинс» — полный фонетический, лексический и грамматический мультимедийный справочник-тренажер, предназна-

¹ Сергеева М. Э. Новые информационные технологии в обучении английскому языку // Педагог. — 2005. — № 2.

² Петрова Л.П. Использование компьютеров на уроках иностранного языка — потребность времени // ИЯШ. — 2005. — № 5.

ченный для желающих (независимо от их начального уровня знаний) научиться понимать разговорную речь и говорить грамматически правильно, с хорошим и отчетливым произношением, являющимся нормой речи на английском телевидении.

2. «Английский. Путь к совершенству 2», состоящий из трех уровней:

Beginner Level рекомендуется начинающим изучать английский впервые или для тех, кто учил язык в школе, но основательно его забыл;

Intermediate и Advanced — части курса предназначены для тех, кто хотел бы развить и закрепить свои навыки в разговорном и письменном английском.

3. «Talk to me» — это уникальный интерактивный курс изучения иностранного языка, основанный на аудировании и тренировке устной речи. Самая современная технология распознавания речи дает возможность вести диалог с компьютером.

4. «English Discoveries» — обширный, занимающий 12 компакт-дисков, мультимедиакурс для изучения английского языка, разделенный на пять основных уровней. Программа охватывает все четыре аспекта владения языком (чтение, письмо, речь и восприятие на слух) с использованием подлинного английского языка и реальных жизненных ситуаций. В основу серии положены принятые курсы, охвачены все грамматические конструкции, и представлено более 3500 лексических единиц.

5. «English Discoveries» является приспособленностью к различным стилям обучения, поскольку в него включены различные методы преподавания.

6. «Репетитор English» — программа, предназначенная для пользователей с начальным уровнем владения языком и направленная на развитие разговорной речи, навыков восприятия языка на слух, чтения, устного и письменного перевода. Содержит полный курс грамматики, подкрепленный системой упражнений и тестов.

6. «Learn to Speak English» (Deluxe 10) — программа, содержащая более 50 уроков, оформленных в виде игр, сбора мозаик и прочих вариантов для расслабленного и простого восприятия материала.

7. «Неправильный глагол» — эффективная программа для изучения и повторения неправильных глаголов.

8. «Идиомы, цитаты, фразы» — занимательная программа со значениями известных фраз, идиом, клише и цитат.

Традиционная форма обучения порождает ряд трудноразрешимых противоречий, связанных с возрастанием объемов учебной информации и дифференциацией обучения в самой учебной группе, что обуславливает запрос интенсификации и индивидуализации обучения. Компьютеры способны во многом решать те же методические задачи, что и традиционные технические средства обучения. Но в условиях компьютерного обучения это делается на более мощной, совершенной и быстродействующей технике.

Библиография

1. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: Учебное пособие. М. : Флинта. Наука, 2005.
2. Нелунова Е.Д. Информационные и коммуникационные технологии в обучении иностранному языку в школе. Якутск, 2006.
3. Петрова Л.П. Использование компьютеров на уроках иностранного языка — потребность времени // ИЯШ. — 2005. — № 5.
4. Сергеева М.Э. Новые информационные технологии в обучении английскому языку // Педагог. — 2005. — № 2.

*ПЕТРАШКОВА Наталья Сергеевна,
аспирант, кафедра социологии
международных отношений,
социологический факультет,
МГУ имени М.В. Ломоносова
natalia.petrashkova@gmail.com*

Франция в контексте европейской идентичности / France in the context of European identity

Аннотация

Будучи одной из стран — основательниц Европейского союза, Франция всегда была заинтересована в углублении процессов евроинтеграции и становлении новой идентичности. Однако нерешенные внутрисполитические вопросы так или иначе тормозят принятие проекта «Единой Европы» в стране. В статье рассмотрены взгляды зарубежных и российских ученых на феномен европейской идентичности, а также приведены результаты опросов по отношению французов к данному феномену.

Ключевые слова

Национальная идентичность; европейская идентичность; ЕС; Франция.

Annotation

As one of the founding members of the European Union, France has always been interested in deepening the European integration process and the formation of a European identity. However, unresolved domestic issues slow down the adoption of the «United Europe» draft in France. This article shows the phenomenon of European identity from the point of view of different Russian and foreign scientists, as well as the results of surveys concerning the attitude of the French people about this phenomenon.

Keywords

National identity; European identity; EU; France.

Становление европейской идентичности представляет собой сложный процесс наднационального самоопределения. По этому вопросу ведутся широкие дебаты среди экспертов как в рамках Европейского союза, так и за его границами. В ходе таких дискуссий нередко происходят столкновения взглядов между теми, кто отвергает даже само право на существование европейской идентичности, апеллируя к важности мультикультурализма и полиэтничности, и теми, кто верит в единство наднационального конструкта. К примеру, Ральф Дарендорф констатирует, что «идея некой „европейской идентичности“ пребывает в тумане»¹. «Европейская интеграция, — отмечает он, — больше не воспламеняет воображение европейцев. Еще существуют евроэнтузиасты, но среди народов Европы превагирует безразличие, а в некоторых случаях даже тихая враждебность по отношению к идее европейской общности»². Однако не все ученые рассматривают европейскую идентичность в качестве угрозы национального сознания. Ряд ученых полагает, что европейская и национальная идентичности совместимы и положительно коррелируют. Например, британский специалист Майкл Брутер³ утверждает, что, несмотря на «естественные трения», между национальной и европейской идентичностями чаще всего возникают закономерности. По его мнению, чем больше человек ощущает себя, к примеру, бельгийцем или итальянцем, тем более он чувствует себя и европейцем. Такая же положительная корреляция, по его словам, есть между европейской и региональной идентичностями.

Специалисты уделяют особое внимание изучению европейских истоков. Французский философ и историк Реми Браг в своей книге «Европа, римский путь», написанной в 1992 г., провел границы Европы и свел европейское основание к римскому. Браг пишет: «Быть римлянином — значит испытывать старое как новое, как то, что обновляется, будучи

¹ Григорий Вайнштейн. Европейская идентичность. Возникающая реальность или фантом? [Portail Web]. URL: <http://www.politcom.ru/8315.html> (14.04.2012) 11.06.2009.

² Там же.

³ Bruter Michael. Political Identity and European Elections [Portail Web]. URL: <http://www.afsp.msh-paris.fr/activite/diversafsp/collgspegae104/bruter.pdf>.

перенесенным на новую почву»¹. По его словам «Европа отличается от других культурных миров особым типом отношения к собственному: она присваивает то, что исходно воспринимается как чужое»².

Российский историк Г.С. Кнабе также обращался к связи Европы с Римской империей: «В живом подсознании истории, в мерцающей из ее глубины генетической памяти культуры самоидентификация Европы есть самоидентификация с ее антично-римским истоком и с традицией, из него вышедшей»³.

Идея европейской идентичности заключается в том, чтобы сами граждане стран-членов считали себя в первую очередь европейцами. 18 ноября 2006 г. на конференции «Душа Европы» («A Soul for Europe») в Берлине выступил немецкий режиссер Вим Вендерс (Wim Wenders) с заявлением, что «не будет никакого „европейского сознания“, никаких чувств и эмоций, никакой любви к нашему родному континенту, короче говоря, никакого будущего для европейской идентичности, если мы не сможем определиться с собственными мифами, собственной историей, собственными идеями, чувствами и эмоциями, если не сможем впитать их»⁴. Канцлер Германии Ангела Меркель во время своей речи в период председательства страны в Евросоюзе отметила тот факт, что на данном этапе развития «в Европу необходимо вдохнуть душу»⁵.

В социологии под европейской идентичностью понимается сознательное самоопределение европейца в качестве психосоциологического или социополитического процесса на основе осмысления и переживания своей принадлежности к Европейскому союзу, культуре и разделяемым ценностям⁶.

¹ Браг Реми. Европа, римский путь. Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1995. С. 29.

² Там же. С. 83.

³ Кнабе Г.С. Европа. Рим. Мир // Пушкин. — 1998. — 1 (6—7). — С. 33—36.

⁴ Вим Вендерс. В поисках души Европы. [Portail Web]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/V-poiskah-dushi-Evropy> (25.01.2007).

⁵ Merkel's Quest for the Soul of Europe [Portail Web]. URL: <http://www.spiegel.de/international/german-eu-presidency-merkel-s-quest-for-the-soul-of-europe-a-460369.html> (01/17/2007).

⁶ Sophie Duchesne. L'identité européenne entre science politique et science fiction : introduction. [Portail Web]. URL: <http://spire.sciences-po.fr/hdl/2441/516uh80gmqildh09gigjj2o31/resources/sd-identite-europeenne-politique-ou-fiction-poleur-2010.pdf> (2010).

Будучи одной из стран — основательниц Европейского союза, граждане которой являются частью европейского сообщества, Франция не ограничивается национальной идентичностью. В современном контексте глобализации становится более уместным говорить о национально-европейской идентичности страны и ее граждан. Однако становление европейской идентичности представляет собой долгий процесс трансформации коллективного сознания, и на данном этапе «до сих пор нельзя говорить, что европейская идентичность преобладает над немецкой или французской»¹. В 2009 г. журнал «Croix»² провел исследование о содержании понятия «идентичность» для французов. Несмотря на процессы европейской интеграции, чувство принадлежности к нации превалирует в сознании французов над европейским самосознанием. 68% респондентов посчитали себя прежде всего французами. Национальная тенденция больше присуща сторонникам правых партий, нежели приверженцам левых (75% против 64% соответственно). Относительно территориальной привязанности 50% французов считают себя частью своего города, 31% — квартала, 23% — региона и 19% — департамента. Каждый четвертый француз называет себя европейцем, а каждый пятый — гражданином мира.

Постоянно проводящиеся социологические исследования в Европе отражают изменения в сознании граждан в отношении принадлежности к Евросоюзу. Опросы Евробарометра отмечают увеличение числа граждан, склонных принимать европейскую идентичность, однако не стоит не принимать во внимание большой процент людей, не принимающих идею Единой Европы.

Весной 2009 г. по поручению представительства Франции при Европейской комиссии институтом «The Gallup Organization» было проведено исследование отношения французов к ЕС — «Французы и евростроительство»³ (Eurobaromètre Flash 230). В нем измерялось общее восприятие французами процессов европейской интеграции.

¹ «Збигнев Бжезинский: “До сих пор нельзя сказать, что европейская идентичность преобладает над немецкой или французской”». Нетесова Юлия. [Portail Web]. URL: http://www.chaskor.ru/article/zbignevev_bzhezinskij_do_sih_por_nelzya_skazat_chno_evropejskaya_identichnost_preobladaet_nad_nemetskoj_ili_frantsuzskoj_24255 (01.08.2011).

² Les Français et l'identité nationale [Portail Web]. URL: <http://www.tns-sofres.com/points-de-vue/F8575C548D604E03AD64CA2EE5B986A1.aspx> (24.11.2009).

³ Перевод автора «Quelle Europe? Les Français et la construction européenne».

Респондентам задавался вопрос о том, что они подразумевают под понятием «европейской идентичности». Подобное исследование уже проводилось в 2006 г., что в 2009 г. позволяет проследить динамику результатов относительно предыдущего периода. Полевые работы исследования проводились в период с 28 апреля по 5 мая 2009 г. Методом простой случайной выборки было опрошено 2010 французов (в возрасте 15+). Опрос показал, что подавляющее большинство французов высказывается в пользу европейского строительства (три француза из пяти оценивают этот процесс «положительно», а каждый пятый француз «крайне положительно». Всего лишь 15% респондентов высказались «категорически против».

По социальному профилю к энтузиастам евростроительства (88% мнений с позитивными оценками по шкале «крайне положительно» и «скорее положительно») относятся в основном молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, студенты и жители больших городов. Что касается понятия европейской идентичности, как и в 2006 г., почти две трети французов считают, что страны Европейского союза имеют свою общую идентичность, отличную от других стран: 17% французов «вполне согласны» с такой оценкой и почти половина (46%) отмечает, что они «скорее согласны» с этим утверждением. Опять же это лица в возрасте 15—24 лет (75%) и студенты (73%) «скорее» или «полностью согласны» с идеей общности ценностей в рамках Евросоюза. На вопрос, что лучше всего определяет европейскую идентичность из списка представленных в анкете характеристик, более половины французов отметили демократию и соблюдение прав человека (57%), географию (56%) и принцип рыночной экономики (55%). Наличие общей истории упомянули почти 4 француза из 10 (38%). Стоит отметить, что указанные выше характеристики называли в основном респонденты с высоким уровнем образования. Французы, имеющие слабый уровень образования, чаще называли среди основных критериев высокий уровень социальной защиты (41%), намного чаще, чем их соотечественники с высшим (25%) и средним уровнем (28%).

Среди характеристик, свидетельствующих о наличии общих европейских ценностей, прежде всего были отмечены демократия и уважение прав человека (57%), общность культур (34%), а также общее духовное и религиозное наследие (19%).

Респонденты в возрасте 15—24 лет и студенты чаще всего отмечали демократию и защиту прав человека в качестве определяющих особенностей европейской идентичности (63 и 62% соответственно).

Упоминание других особенностей, таких как общая культура и религиозное и духовное наследие, было присуще возрастной группе от 54 лет и старше.

Данное исследование ставило себе также целью выявить чувство принадлежности французов к нации и к Европейскому сообществу: считают ли они себя европейцами или же национальный фактор является первичным и прежде всего они называют себя французами. Отвечая на вопрос о своей принадлежности, 60% французов утверждают, что чувствуют себя как французами, так и европейцами (идентичный результат был зафиксирован и в 2006 г.). Это чувство присуще в основном молодым людям, студентам и жителям больших городов (68, 67 и 65% соответственно). Однако 31% утверждает, что чувствует себя прежде всего французами и не чувствует принадлежности к европейской идентичности.

С ростом мобильности граждан по странам ЕС Европейская комиссия начала изучение «новых европейцев», лиц, проживающих в ЕС, деятельность которых выходит за пределы страны проживания. Стремление опроса Евробарометра (ЕВ346)¹, проведенного весной 2010 г., результаты которого были опубликованы 1 апреля 2011 г., заключалось в выявлении феномена «новых европейцев» через вопросы идентичности, принадлежности к группе и месту. Чуть более половины европейцев чувствуют привязанность, по крайней мере, к еще одной стране, кроме страны проживания. Странами ЕС, к которым респонденты испытывают наибольшую привязанность, оказались Испания, Франция и Италия (по 8% каждая), Германия (6%), Соединенные Штаты Америки и Великобритания (по 5%), Австрия (4%) и Греция (3%). Как отмечали респонденты, в основном это связано с проведенными каникулами (30%), наличием близких друзей (28%) или родственников (24%) в этих странах.

По данным опроса, для большинства европейцев национальная идентичность сопряжена с рождением в стране (49%), овладением языка для 34% респондентов, с обменом культурными традициями и наличием гражданских прав (например, права голоса) для 33% респондентов.

Для выявления основных элементов европейской идентичности респондентам было предложено выбрать из списка характеристики, наиболее присущие этому феномену. 36% респондентов отметили

¹ New Europeans. Report. [Portail Web]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_346_en.pdf (апрель 2011).

единую валюту, 32% — демократические ценности, 22% — общую культуру и географию, общую историю (17%), высокую степень социальной защиты (13%) и символы (флаг или гимн, 11%). 40% европейцев утверждают, что для них важна принадлежность к Европе, для 25% респондентов это не имеет большого значения, а 15% совершенно безразличны.

Формирование европейской идентичности является сложным и длительным процессом, предполагающим коренные изменения в общественном сознании в пользу двойной наднациональной формы самоидентификации граждан. Этот процесс сталкивается с рядом проблем (как рост националистических и сепаратистских настроений, интеграции иммигрантов), так или иначе тормозящих проект «Единой Европы». Расширение границ ЕС ставит перед ее гражданами новые вопросы о том, где проходят границы Союза и кто может считать себя жителем Европы. Эти вопросы порождают не менее важную проблему — оценку процесса европейской интеграции с точки зрения урегулирования межэтнических отношений в странах ЕС. Необходимо, чтобы новая европейская идентичность признавала национальные или региональные особенности стран-участниц и выстраивала свою идентичность в контексте мультикультурализма.

Основной задачей, стоящей перед правительством ЕС, является формирование у жителей Евросоюза чувства двойной идентичности, сочетающей в себе одновременно ощущение принадлежности и к своей стране, и к Европе в целом.

В настоящее время Франция переживает опасный период кризиса идентичности: с одной стороны, она не решила проблемы ассимиляции иммигрантов и проблемы идентификации национальных меньшинств и стоит перед дилеммой мультикультурализма, угрожающей ее идее государства-нации, а с другой подвержена процессам европейской интеграции Европейского союза. Таким образом, получается, что вопрос неудавшейся политики интеграции иммигрантов, сформированной на основе принципа «нация-государство», перекрыт политикой общеевропейской интеграции.

Во избежание столкновений идентичностей Франции стоит обратить внимание на факторы, сдерживающие рост ксенофобии и сепаратизма, и ввести их в контролируемое русло, акцентировав внимание на европейской идентичности не как на факторе, отрицающем национальную составляющую, а наоборот, способном сосуществовать в национальном контексте, позволяя сохранить за страной ее неповторимость.

Библиография

1. Браг Реми. Европа, римский путь. Долгопрудный, 1995.
2. Вим Вендерс. В поисках души Европы. [Portail Web]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print//pole/V-poiskah-dushi-Evropy> (25.01.2007)
3. Григорий Вайнштейн. Европейская идентичность. Возникающая реальность или фантом? [Portail Web]. URL: <http://www.politcom.ru/8315.html> (14.04.2012) 11.06.2009.
4. «Збигнев Бжезинский: “До сих пор нельзя сказать, что европейская идентичность преобладает над немецкой или французской”». Нетесова Юлия. [Portail Web]. URL: http://www.chaskor.ru/article/zbignev_bzhezinskij_do_sih_por_nelzja_skazat_chno_evropejskaya_identichnost_preobladaet_nad_nemetskoj_ili_frantsuzskoj_24255 (01.08.2011).
5. Кнабе Г.С. Европа. Рим. Мир // Пушкин. — 1998. — № 1 (6—7).
6. Bruter Michael. Political Identity and European Elections [Portail Web]. URL: <http://www.afsp.msh-paris.fr/activite/diversafsp/collgspegae104/bruter.pdf>
7. Les Français et l'identité nationale [Portail Web]. URL: <http://www.tns-sofres.com/points-de-vue/F8575C548D604E03AD64CA2EE5B986A1.aspx> (24.11.2009).
8. New Europeans. Report. [Portail Web]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_346_en.pdf (апрель 2011).
9. Merkel's Quest for the Soul of Europe [Portail Web]. URL: <http://www.spiegel.de/international/german-eu-presidency-merkel-s-quest-for-the-soul-of-europe-a-460369.html> (01/17/2007).
10. Sophie Duchesne. L'identité européenne entre science politique et science fiction : introduction. [Portail Web]. URL: <http://spire.sciences-po.fr/hdl:/2441/516uh8ogmqldh09gigjj2o31/resources/sd-identite-europeenne-politique-ou-fiction-poleur-2010.pdf> (2010).

*ШЕЛЕСТ Виталий Сергеевич,
аспирант, Саратовский государственный
социально-экономический институт,
филиал Российского экономического
университета имени Г.В. Плеханова
shelest.4VS@gmail.com*

**Методы воздействия на общественное мнение
и политическое сознание молодежи с помощью
социальных сетей и сети «Интернет» /
Methods of influencing public opinion and
the political consciousness of young people through
social networks and the Internet**

Аннотация

В статье рассматривается одна из острейших проблем современного информационного общества — формирование сознания молодежи посредством сети «Интернет» и с помощью воздействия социальных сетей. Также автор делает акцент на методах воздействия на общественное мнение с помощью сети «Интернет» и активного вовлечения спецслужб в работу в рамках социальных сетей информационного пространства.

Ключевые слова

Интернет; политическое сознание; молодежь; общественное мнение; социальная сеть.

Annotation

This article presents one of the most acute problems the modern information society — the formation of the consciousness of young people through the Internet and through the influence of social networks. The author also focuses on the methods of influencing public opinion

with the help of the Internet and the active involvement of intelligence agencies in the work of the social networking information space.

Keywords

Internet; political awareness; young people; public opinion; social network.

Во многих, в основном исламских странах прошли так называемые бархатные революции, в результате которых были свергнуты политические режимы и правительства. Некоторые страны и сегодня переживают подобное. Политические технологи, к сожалению, порой лишь разжигают огонь политического кризиса в стране, совершенствуя, таким образом, методы своего воздействия на сознание людей в экономически нестабильной ситуации. Представители спецслужб России в своих заявлениях для представителей средств массовой информации не раз заявляли о том, что подобное отношение зарубежных политтехнологов помогло определить ряд угроз на территории Российской Федерации, на которые был осуществлен адекватный ответ. Но что может значить подобное заявление?

Стоит отметить, что в нашем обществе уже действуют новейшие правила и методы взаимоотношений власти с обществом. И это логично, поскольку развитие средств обмена информацией позволяет большому количеству людей обмениваться собственными мнениями. Процесс такого обмена очень сильно влияет на государственные решения. Естественно, такую «силу» кто-то должен контролировать — ей попросту нельзя оставаться неподконтрольной. Именно поэтому спецслужбы разных стран мира ежедневно ведут борьбу за эти ресурсы. Вдали от глаз обывателей, глубоко в сети «Интернет» ежечасно происходят разведывательные, диверсионные и прочие действия, направленные на подрыв авторитета власти, производится вербовка «агентов» через социальные сети, заражаются для участия в DDOS-атаках миллионы компьютеров.

То, что российское государство способно к самостоятельному развитию, стало понятно после Второй мировой войны. Естественно, это вызывало недовольство и зависть у политических соперников. Это привело к многочисленным попыткам дискредитировать сложившийся в России режим. Для этого в основном использовались методы шпионажа. Но теперь, в XXI в., в век прогрессивных технологий и интернетизации общества, к таким способам прибегают все реже.

Им на смену пришли on-line-шпионаж, кибератаки, антироссийская агитация и промышленный шпионаж.

Именно агитация и пропаганда антироссийских настроений в сети «Интернет» от лица анонимных пользователей и вынуждает спецслужбы как можно быстрее определяться с мерами противодействия подобным угрозам. Но осуществить это очень и очень непросто — в социальных сетях зарегистрированы сотни тысяч, миллионы человек. И найти среди них предполагаемого противника весьма затруднительно.

Столь сложные и высокотехнологичные опасности оставили лишь два выхода: либо попросту оставить российский Интернет и его пользователей на «растерзание» иностранным информационным интервентам или же активно противодействовать им и создавать реальную основу для геополитических инициатив нашего государства.

Сотрудники специальных ведомств при Министерстве обороны РФ занимаются решением вопросов, связанных с информационным обеспечением всех политических процессов в России.

Общеизвестно, что в наши дни основными формами общения молодых и активных людей стали социальные сети — они становятся уже не просто средством общения, а инструментом, с помощью которого можно выразить свою активную жизненную позицию, свое собственное мнение или же мнение группы людей, организовать группу «давления» или «лоббирования» и таким способом повлиять на политические решения.

«Работая» в социальной сети, можно без всякого труда обнаружить и «подмять под себя» всевозможные очаги общественных протестных настроений. После этого их можно использовать в собственных интересах — от крупномасштабных кибератак до решения сложных задач в интересах корпораций или даже целого государства.

Информационные технологии сегодня могут позволить достаточно быстро стать «бета-лидером», или «оранжевым лидером»¹, практически любого движения, группы в социальной сети или сообществе хакеров, «работающих» в сфере антиправительственной агитации, — так обычно называют «второго человека» в таких организациях. Заняв эту нишу, обычно начинают в спешном порядке проводить рекру-

¹ Большинство хакерских групп, занимающихся DDOS-атаками, распределяют роли по известному детскому стихотворению о радуге, называя своих лидеров по первым буквам цвета в ней.

тинговую кампанию по привлечению на свою сторону сторонников, способных выступить на «нужной» стороне в целях отстаивания собственных интересов или интересов компании-нанимателя. Эти действия позволяют быстро организовать и обучить мощную группу сдерживания — сопротивления в целях дальнейшего регулирования внешних и внутренних политических процессов противоборства.

Разумеется, самыми активными членами таких групп являются представители молодежи. Так происходит потому, что «оранжевый» и «красный» лидер ведут активную вербовку именно среди тех молодых людей, которым уже исполнилось 18 лет. По статистике, средний возраст участников подобных групп — от 18 до 27 лет. Для большинства из них такие мероприятия — своего рода «невинная шалость» или игра, в которую их пригласили взрослые умные люди, посчитав за равных. На деле же оказывается так, что усилия и компьютерные ресурсы этих «рекрутов» просто используются и выбрасываются.

Очень часто происходит «сбор» активной молодежи среди интеллектуальной элиты этого слоя населения — под видом программ, специализирующихся на распределенных вычислениях в сети, таких как BOINC, в группу атаки привлекается огромное количество компьютеров по всему миру. Разумеется, об этом умалчивается, и вносится «легенда» о благородных целях мероприятия — обработка материалов, необходимых для поиска лекарств от рака или какой-либо другой работы. Подобный сбор очень часто сопровождается информацией о возможном материальном вознаграждении. Также очень часто происходит так называемый вброс краски — данная процедура позволяет удаленно, через компьютерные ресурсы жертвы организовывать массированные кибератаки на правительственные форумы, сайты и интернет-порталы. Естественно, при расследовании данного преступления полиция никогда не выйдет на след зачинщика данной акции, который всегда скрывается за псевдонимами и никами, а также использует множество компьютеров по цепочке, что позволяет замести следы.

После того как общество сформировано, начинается активная часть работы. Молодых людей сортируют на звенья, каждое из которых будет заниматься отстаиванием своей точки зрения, на тех, кто не согласен, и третьей, самой многочисленной группы — сомневающимися. Это важно, так как для того, чтобы обеспечить поддержкой необходимые политические силы и успешно провести запланированную акцию, очень важно суметь создать эффект преобладания. Целью

звеньев будет являться вовлечение как можно большего количества разрозненных пользователей в дискуссию и процесс отстаивания собственного мнения. Как правило, их «подогревают» новички в звеньях из числа самых молодых членов группы. Это в значительной степени повлияет на выбор сомневающийся и сможет снизить риски роста протестных мнений и настроений среди населения.¹

Те, кто контролирует большие группы людей в социальных сетях, способны определять вектор развития мнений, взглядов и прочих психоэмоциональных характеристик своих «подопытных». Последующая консолидация людей определенных жизненных принципов и искусственно сформированных установок без труда позволит организовать сопротивление определенным политическим процессам и решениям.

Очень важно понимать, что скептические настроения, возникающие при обсуждении данной проблематики, развязывают киберпреступникам руки и создают очень опасные прецеденты для реализации их замыслов в нашей стране. Данная проблема заслуживает сложного анализа и максимального внимания, что позволит выработать новые приемы и способы противодействия подобным угрозам.

Библиография

1. <http://www.ist-intellect.com/>

¹ По материалам интернет-портала <http://www.ist-intellect.com/>

*ЕЖОВ Дмитрий Александрович,
кандидат политических наук,
профессор кафедры философии и
политологии,
Академия труда и социальных отношений
president@lenta.ru*

Дискурс авторитарного и демократического в российском политическом проекте / Discourse of the authoritarian and the democratic in the political design of Russia

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению дискурса авторитарного и демократического в контексте российского политического проекта. Автор обосновывает приоритет авторитарного начала в российской политической практике, основываясь на анализе особенностей современной политической культуры.

Ключевые слова

Авторитаризм; демократия; политическая культура; политический проект; политическое развитие.

Annotation

The article is devoted to consideration of the discourse of the authoritarian and the democratic in the political design of Russia. The author proves priority of the authoritarian in the political practice of Russia based on the analysis of features of the modern political culture.

Keywords

Authoritarianism; democracy; political culture; political design; political development.

Проблема сочетания авторитаризма и демократии в политическом развитии России является распространенным предметом исследования в политической науке с начала 90-х гг. XX в. — времени становления России как самостоятельного государства, формировавшего свою политическую систему в условиях адаптации к новым историческим реалиям и необходимости поиска обновленной страной своего места в изменившемся мире. Эффект переходности трансформационных процессов в России заметен до сих пор, несмотря на доминирование в массовом сознании тезиса о стабильности, достигнутой за первые годы XXI в. В начале 2010-х гг. государство вновь оказалось перед дилеммой выбора пути развития, но на сегодняшний день этот выбор должен стать не механическим за неимением иных альтернатив, а осознанным, предполагающим четкое понимание содержания идентификаторов, приписываемых политическому порядку, строящемуся в условиях соответствия российскому политическому проекту и наличие ясной стратегии. Необходимость обращения к данной проблематике обозначена эфемерностью институциональных преобразований, проведенных в рамках модернизации политической системы России за последние годы. Ниже предложен авторский взгляд на актуальное состояние дискурса авторитарного и демократического начал в условиях присущего стране политического проекта.

В развитии любого государства предполагается наличие совокупности императивов, отклонение от которых может приводить к стагнации или даже гибели системы. Под политическим проектом в контексте настоящего обращения к поднимаемой проблеме мы понимаем путь развития, сформированный на основе оценки исторической предопределенности, реалий актуальной эпохи и особенностей, присущих политической культуре общества, являющийся содержательной основой стратегии развития государства. Внутренняя логика российского политического проекта предполагает сменяемость чередующихся друг с другом циклов, имеющих преимущественно недемократическое содержание и являющихся примерами сравнительно жесткого и сравнительно мягкого авторитаризма. Имеющийся в развитии России приоритет в сторону автократии обусловлен предпосылками, заложенными в далеком прошлом. Несмотря на тенденциозность эволюции, Россия вынуждена соответствовать демократическим нормам, разделяемым мировым сообществом, что обрекает ее на перманентный дискурс авторитарного и демократического в стратегии государственного развития и сознании социума.

Практически проблема дискурса авторитаризма и демократии на современном российском примере выражена в обрамлении типичных авторитарных внутренних характеристик политического порядка внешне демократическим фасадом государственных институтов и внеинституциональных компонентов политической системы, формирующихся под неоспоримым воздействием автократической доминанты. Подобное положение дел можно признать закономерным, а имеющийся дефинитивный парадокс, заключенный в изобилии терминов, подразумевающих явное сочетание демократического и авторитарного начал в основе российской государственности, объяснимым. Экспликация соответствующего феномена происходит путем признания относительности и многовариантности демократических практик в современном мире, которые граничат с активным стремлением внедрить в сознание российского социума незыблемость тезиса о необходимости истинной демократизации. Попытки поиска демократической модели для современной России сводятся зачастую к прибавлению к слову «демократия» различных эпитетов. При этом наиболее полно сущность российских трансформаций с нашей точки зрения отражает кажущийся на первый взгляд эфемерным термин «дефектная демократия». Детальный анализ соответствующего концепта содержится в работе немецких компаративистов В. Меркеля и А. Круассана,¹ где подчеркивается его значение как промежуточного состояния политического режима, отличающегося от либеральных конституционно-правовых демократий нарушением принципов правового государства, частичным устранением механизмов сдержек и противовесов, ограничением гражданских прав и свобод. По сути, данная единица понятийного аппарата раскрывает не что иное, как дефекты процесса демократизации.

На самом деле, подобных моделей гораздо больше, но фактически в большинстве случаев они являются специфическими разновидностями или аналогами указанной, и в содержательном отношении мало что меняют. При этом зачастую они применяются к обозначению процессов модернизации постсоциалистических государств в целом. Факт наличия множества характеристик так называемых новых демократий, пик появления которых пришелся на первые годы постбиполярной фазы в истории современных международных отношений, повлек за собой попытки обобщения

¹ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. — 2002. — № 1. — С. 7.

существующих в действительности демократических моделей.¹ И этому есть простое объяснение. Финал холодной войны в идеологическом отношении открыл бесконфликтную эру, о чем еще в 1989 г. писал один из известнейших социальных философов и футурологов Ф. Фукуяма.² Несмотря на спорность некоторых положений теории «конца истории», следует признать правомочность данного тезиса, поскольку в результате окончания глобального противостояния двух сверхдержав, в действительности, конфликтная карта мира обрела новые очертания, трансформировавшись как в географическом отношении, так и с точки зрения масштабы охвата. Окончание конфликта двух мировых идеологий, десятилетия сопровождавшего эволюцию западного мира, олицетворяемого США, и противостоявшего американскому государству приверженца коммунистических идеалов — СССР, привело к крушению социалистического лагеря, вследствие чего в его границах возник идейно-политический вакуум, а изначально базирующиеся на постулатах либерального учения демократические режимы в сложившихся условиях стали занимать позиции. В ходе претворения в жизнь попытки гомогенизации мира на политическом уровне стала очевидна основная проблема — ряд государств, претерпевавших подобные трансформации, оказались готовыми к восприятию новой институциональной структуры, но не были способны принять ее содержательное наполнение в целостном плане. Российский пример представляется в этом отношении достаточно показательным.

После распада СССР в России, несмотря на номинальное внедрение демократических норм и соответствующих им принципов, стал формироваться социальный запрос на авторитаризм, актуальность которого подтверждалась и до сих пор подтверждается результатами ряда исследований. Так, соответствующая тенденция имела место в середине 1990-х гг. в период президентства Б.Н. Ельцина. Свидетельством ее наличия, в частности, может быть анализ актуальных на тот момент социологических данных, проведенный И.М. Клямкиным, В.В. Лапкиным и В.И. Пантиным, содержащий, в частности, подтверждение закрепления в массовом сознании тезиса о

¹ См., например: Collier, D., Levitsky, S. *Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics*. — Vol. 49. — № 3. — P. 430—451.

² Фукуяма Ф. *Конец истории? // Вопросы философии*. — 1990. — № 3. — С. 134—148.

пользе режима «жесткой руки».¹ Авторитарный режим, пришедший на смену президентству Б.Н. Ельцина, отчасти воплотил ожидания населения, но в гипертрофированной форме, войдя в историю под видом «управляемой демократии» — системы, фактически сочетавшей в себе демократические и авторитарные принципы руководства государством. Сохраняется обозначенный выше тренд и в настоящее время, после очевидного заката «танDEMократической» модели, пришедшей на смену «управляемой демократии», и возвращения на пост Президента РФ В.В. Путина. Актуальность перманентного ожидания режима «жесткой руки» как противовеса планомерной политике демократизации демонстрируют новейшие социологические исследования, в которых отмечается, что подобные настроения распространены во всех социальных группах, однако их уровень имеет тенденцию к уменьшению среди представителей более высоких по статусу слоев.²

На наш взгляд, основные причины укоренения подобных воззрений среди населения России и генерация приоритета авторитарного над демократическим в массовом сознании в рамках соответствующего дискурса кроются в особенностях российского менталитета и непосредственным образом материализуются в политической культуре современного общества, особенности которой сформированы далеко не одномоментно. Среди последних, в частности, можно выделить характеристики, так или иначе проявляющие себя в российском политическом проекте. Главной из них, обосновывающей приоритет авторитарного над демократическим, представляется патерналистское восприятие власти, практически проявляющееся в рамках российского политического проекта в имеющем зачастую псевдохарактер вождизме и процедуре передачи властных полномочий. Заметим, что данная черта политической культуры российского общества на общем фоне представляет для нас наибольший интерес, поэтому ниже мы обратимся к анализу ее конкретных проявлений. Выбранная позиция продиктована исследовательским интересом и не означает отрицания существования других особенностей политической культуры российского социума.

¹ Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. *Между авторитаризмом и демократией // Полис*. — 1995. — № 2. [URL: http://ecsocman.hse.ru/data/130/826/1219/klp_95_2.doc] (дата обращения 01.07.2012.)

² О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М., 2012. С. 62—63.

Как уже отмечено выше, в качестве одного из подобных проявлений целесообразно рассмотреть вождизм. Фатализму, присущему политическому сознанию россиян, сопутствует вера в сверхъестественную силу правителя, выступающего в образе царя, легитимность которого имеет харизматический характер. При этом властвующий субъект может оказаться харизматичным и в случае его избрания путем выборов, и в результате передачи власти по наследству. Его сверхспособности зачастую оказываются преувеличенными или вообще иллюзорными. Такой исход провоцирует в динамике разочарование общества во власти и побуждает к характеристике подобного явления как «псевдохаризмы». Псевдохаризма, в свою очередь, является продуктом мифологизации личности и деятельности носителя верховной власти, сконструированной искусственным путем посредством активной актуализации его образа в гиперреальном пространстве. В качестве царя в умоглядном восприятии российского социума может оказаться любое высшее должностное лицо. Объясняется это тем, что сам факт необратимости утверждения неограниченной власти главы государства, будь то монарх, генеральный секретарь или президент, являющийся, по сути, таким же верховным правителем за счет обладания сверхполномочиями, рождает явление безысходности, влекущее за собой всецелое подчинение властвующему субъекту, поклонение ему, культивацию его образа. В конечном счете миф о сверхъестественной силе правителя разрушается, что приводит к актуализации проблемы легитимации власти и в итоге к кризису ее легитимности.

Процедура передачи властных полномочий, закрепившаяся в современной российской политической практике, также стимулирует доминирование авторитарных настроений и, стоит заметить, отвечает основам российского проекта, логически вытекая при этом из патерналистского восприятия власти, свойственного политической культуре общества. По большому счету, до начала 1990-х гг. массы мало задумывались о том, кто возглавит страну. Все было заранее предопределено, а если и решалось — то в узком кругу. Неформализованная традиция «преемничества» в современной России зародилась в декабре 2000 г., когда В.В. Путин был объявлен «преемником» первого Президента РФ. Закономерным продолжением указанной традиции можно считать закрепление за Д.А. Медведевым образа «преемника» в ходе кампании по выборам Президента РФ в 2008 г. и решения так называемой проблемы-2008, обозначившей

контуры зарождения специфического механизма, действующего в интересах обеспечения преемственности верховной власти в условиях современной России. Заметим, что в целом традиция «выбора» действующим главой государства своего «преемника» отражает дискурс авторитарного и демократического в контексте российского политического проекта, поскольку принимаемое в ходе ее пролонгации авторитарное по духу политическое решение с формальной точки зрения не отрицает права избирателей на осуществление свободного волеизъявления.

Рассмотренные нами некоторые практические проявления патернализма как явления, доминирующего в политической культуре современного российского социума, а также иные приведенные выше суждения заметно расширяют устоявшиеся представления о содержании дискурса авторитарного и демократического в контексте российского политического проекта. В то же время проведенный анализ и принятие распространенного тезиса о переходности установившегося в российском государстве политического порядка позволяют выявить потенциальные альтернативы эволюции России в условиях рассматриваемого дискурса моделей организации и осуществления власти.

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть три такие альтернативы. Содержательная основа первой из них заключена в признании вероятности становления в России полноценного демократического государства и соответствующей политической системы, построенной на принципе отсутствия видимых противоречий между внешними и внутренними показателями ее институциональных компонентов. Воплощение этой альтернативы на практике сопряжено с глубокими системными трансформациями, в том числе и на уровне политического сознания. Реалистичность подобной альтернативы ставится нами под сомнение в ближайшей перспективе, поскольку финал ее реализации не соответствует основному вектору исторически сложившегося актуального политического проекта, лежащего в основе стратегии государственного развития России. В то же время не стоит отрицать, что подобный вариант эволюции существующего дискурса в направлении создания условий для приоритета в нем демократического начала мог бы стать прогрессивным в долгосрочной перспективе.

Вторая альтернатива предполагает катастрофические последствия для настоящего порядка, вызванные эсхатологическими воззрениями, присущими массовому политическому сознанию.

Конкретная историческая эпоха в данном ракурсе воспринимается как конечный, не способный к качественным трансформациям этап, сопряженный с видимым отчуждением масс от политических реалий и внезапным включением в политический процесс новых сил. Актуализация этой альтернативы вероятна в случае усиления кризисных явлений, имеющих системную и внесистемную природу, первичные предпосылки чего уже наблюдаются, а также обострения проблемы делегитимации власти. Принципы государственного управления в данной ситуации должны оказаться сгенерированными с учетом новых импульсов, источником которых станет сложившаяся в соответствующих условиях политическая конъюнктура. Практическое осуществление рассматриваемого варианта приведет к полному переустройству политического порядка, но не будет отвечать задачам сохранения стабильности в ее актуальном понимании. Дальнейшее направление дискурса авторитарного и демократического в контексте российского политического проекта в данном случае трудноопределимо, однако можно предположить, что в результате потенциальных политических изменений, имеющих в том числе и насильственный характер, вектор государственного развития может значительно трансформироваться, что придаст импульс умеренной адаптации актуального проекта к новым условиям и его тактическую коррекцию в рамках заданных ресурсных ограничений.

Третья альтернатива предполагает целостное поглощение демократического начала авторитарным в имеющем место в политическом развитии страны дискурсе. Усиленная авторитаризация создаст предпосылки для придания политическому процессу эффекта стабильности и нейтрализации его перманентной лиминальности. Кульминационной стадией воплощения, по всей вероятности, станет дальнейшее ужесточение политического порядка, предполагающее его постепенную эволюцию к неототалитарной форме или в более щадящем варианте создание условий для утверждения реально эффективного режима «жесткой руки», ожидаемого российским обществом. В целом третья альтернатива подразумевает приоритет авторитарного начала в рассматриваемом дискурсе и соответствует российскому политическому проекту.

В заключение отметим, что, несмотря на возможные вариации сочетания авторитарного и демократического начал, предложенная концепция признает несомненный приоритет авторитарного в контексте исторически сложившегося проекта. Это подтверждается

доминированием ряда стереотипов в массовом сознании и патернализма, имеющим различные проявления в качестве одной из особенностей политической культуры российского общества.

Библиография

1. Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. — 1995. — № 2. [URL: http://ecsocman.hse.ru/data/130/826/1219/klp_95_2.doc] (дата обращения 01.07.2012.)
2. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. — 2002. — № 1.
3. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М., 2012.
4. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3.
5. Collier, D., Levitsky, S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. — Vol. 49. — № 3.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подписанные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный список библиографии не должен превышать 1 стр. (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

6. К статье прилагается ее электронная версия.

По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде. Материалы по почте просьба присылать исключительно в виде простых почтовых отправок по адресу: 127254, г. Москва, ул. Гончарова, 15.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии. Все материалы публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редколлегию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редколлегия принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

— аннотация (резюме) объемом 15—20 строк на русском и английском языках;

— список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— авторская справка на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редколлегии. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редколлегия по поводу отклоненных материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://www.journalpoisk.ru/>

ISSN 2072-6015

П.О.И.С.К.:

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Научный и социокультурный журнал

Выпуски № 5—6 (40—41)

сентябрь — октябрь, ноябрь — декабрь 2012 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции

Лит. редактор *Л.Г. Королева*

Учредитель

Научно-издательский центр «Академика»

Издатель

Научно-издательский центр «Академика»

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54107 от 8 мая 2013 г.

Индекс в каталоге ООО «Агентство «Роспечать»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 15

Тел.: 8 (495) 694 08 48

Для простых почтовых отправлений: 127254, г. Москва, ул. Гончарова, 15

E-mail: red@journalpoisk.ru

Сайт в Интернете: www.journalpoisk.ru

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы, депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации, представительством субъектов Федерации в Москве, департаментам, комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125 районов Москвы, подписчикам журнала.

Сдано в набор 03.11.12. Подписано в печать 17.12.12.

Дата выхода в свет 22.12.12.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».

Тираж 1000 экз. Заказ №

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5

НИЦ «Академика»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 15

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а